

*Среди одноплитных
коралловых будней...*

с. Майма
2015 г.

*Среди однотипных
королевых Будней*

с. Майма, 2015 г.

Среди однотипных коралловых будней. — Майма,
2015. — 274 стр.

Алтай – это центр Евразии и находится на пересечении путей древних переселений народов и заселения Сибири. Здесь мирно сосуществуют люди разных национальностей, религий, культур. Алтай, словно магнит, притягивает к себе людей с разных уголков всего мира. Особенно тех, кто занят духовными поисками. Это относится и к авторам этой книги.

В сборнике представлено творчество не только жителей Республики Алтай, но – Томской области, соседней Хакасии и даже Эстонии. Что же могло объединить таких, казалось бы, разных людей, тем более, живущих далеко друг от друга? А объединил нас Алтай, общие интересы, да еще и тот факт, что все мы, так или иначе, сибиряки, по словарю Даля – «чевошники». Сибиряки – это особая категория людей, которым свойственна удивительная уживчивость, простота души, щедрость. Сибиряк сибиряка видит издавна! Увидели друг друга и мы!

Наталья Балабко

В тот знойный июньский день какого-то года, когда мне суждено было появиться на свет, Господь уже завершил раздачу талантов таким как я. Может поэтому мне досталось то, что обычно придерживается в записниках — умение довольствоваться малым, ценить то, что нельзя купить за деньги, лёгкие быстрые ноги, чуток авантюризма и возможность прожить значительный период своей жизни в одном из райских уголков Земли — Горном Алтае.

Дальше было волшебное настоящее босоное детство и школа в Горно-Алтайске, учёба в геологоразведочном техникуме в Томске, работа в экспедиции на Ангаре, где жизнь была полна романтики, испытаний и лишений, но главным было общение с геологами, людьми удивительного склада, способными не терять дружеских отношений, невзирая на расстояния.

Затем, волею судьбы, я оказалась на этнической родине. Обременённая заботой о детях и маме, осела в тихом провинциальном эстонском городке. Не знаю насколько прочно..., ибо душевной пуповиной с Горным Алтаем связана до сих пор.

Что же касаемо тех талантов, недополученных при рождении, то, поначалу, я активно пыталась открыть их в себе.

Чего только не перепробовала! Помню, в классе во втором, взяв бумагу и карандаши, забралась на трамплин, полная решимости нарисовать, ни много ни мало — любимый город.

Танцы, пение, фотография, спорт — всё это в разные времена оставалось всё же просто увлечением. Некоторые способности к рифмованию находили применение в оформлении школьных, а затем и экспедиционных стенгазет и поздравительных стихах родным, друзьям, друзьям друзей, знакомым и их знакомым. Мне и в голову не приходило собирать их и, тем более, выносить на суд широких масс. То, что представлено в этом сборнике, можно смело назвать пробой пера. Волнуюсь...

Осеннее

*Стальным отливом ивы обрамляют
пурпурно-алую кленовую листву.
Берёзы щедро золото роняют
на яркую зелёную траву.*

*От буйства красок сердце замирает
и с восхищеньем, затаив дыханье вдруг,
смотрю, как сотней радуг расцветает
в росе ажурный паутины круг.*

Модница-осень

*Модница-осень по свету гуляет
и, как перчатки, наряды меняет.
Там, где шагало промозглое лето,
скромненько, серенько осень одета.
Где обожгло её первым морозом,
там щеголяет в пурпурно-розовом.
В наших краях она солнцем согрета...
Носит наряды янтарного цвета.
Там, где ей мало было отмерено,
белый саван она примерила.
Не подошёл. Отложила ненадолго...
На белом снегу спелые яблоки,
пьяной рябины капельки алые
и хризантем цветы запоздалые....*

Ветер-охальник

*Поздняя осень скорбно-печальная...
Каждая веточка грустью прописана.
Неудержимый пьяный охальник-
ветер срывает листья неистово.*

*Только намедни шептался с берёзами,
ивам сплетал серебристые косы,
клёнам трепал их макушки палёные
первым несмелым осенним морозом.*

*С нежной осинкой тайком хороводился...
Что ж ты сегодня разнепогодился?
Кем огорчён, на кого ты серчаешь?
Встречи ли ждёшь, иль кого провожаешь?*

Влюблённый клён

*На фоне серебристой ивы
зарделся алым цветом клён.
Лишь только заглянула осень,
он понял, что в неё влюблен.
Чтоб не остаться неприметным,
решил как можно ярче быть.
И первым протянул ей ветви,
чтоб быть любимым и любить.*

Прощальный вальс

*Прозрачный воздух безупречно чист,
и лес наполнен золотистым светом.
Кружась, на землю опадает лист,
в прощальном вальсе, расставаясь с летом.*

За окном

*За окном на тонкой паутинке
зацепился листик золотой.
И подобно тоненькой пластинке,
вьётся на ветру весь день-деньской.*

*Вертится и вырваться мечтает, —
думает, свободу обретя,
улетит туда, куда мечтает —
В дальние и теплые края.*

*Но реальность... Как она жестока!
Вместо этой призрачной мечты,
упадёт, и сгинет в прямой, мокрой
куче догнивающей листвы.*

*Потому, рассвет, встречая каждый,
я бегу с надеждой поутру,
чтоб увидеть листик тот отважный,
бьющийся на ледяном ветру.*

*Всем нужна такая паутинка —
вера ли, надежда ли, любовь...
Та, что позволяет возрождаться
из невзгоды к жизни вновь и вновь.*

Бабье лето

Осень нынче наступает очень деликатно, без нажима; с утренними молочными туманами в низинах, лёгкими небрежными яркими мазками на кронах рябин и клёнов, да золотыми струйками на ветках берёз, лишь намекая на своё присутствие. Лето же, словно спохватившись, радуется внезапными обильными грозовыми дождями с раскатами грома и яркими высокими радугами.

Трава, набравшаяся сил после засухи, сочная и густая, словно пушистый тёмно-зелёный ковёр, манит пробежаться босиком. Но земля, отдавая своё тепло уже прохладным ночам, холодит пятки, напоминая, что время летних забав ушло.

На закате весело кружит мошкара и комары, обещая тепло. Пауки, в полном согласии с ними, повыкидывали стрелки паутин. Утренняя влага собирается на них мелким бисером, который с первыми лучами солнца превращает сад в весёлый калейдоскоп.

Первый клин улетающих на юг птиц проплыл над головой, но не было в их крике той пронзительной печали, которую слышишь поздней осенью... А это значит, что нас ожидает ещё одно лето. Наше — бабье.

Ворона

Весна. Март. Пронзительно-солнечный день. Однако, утренняя смена и снежная каша со льдом под ногами отнимает не только силы, но и настроение. Домой прихожу совсем никакая. Уже на крыльце меня останавливает какой-то странный звук. Оборачиваюсь, и вижу такую картину... Летний лёгкий навес из плёнки прогнулся под тяжестью снега. Теперь он растаял, образовав естественный водоём. По краю навеса чинно вышагивает моя старая знакомая — ворона, обитающая на высокой ели, что растёт в нашем дворе. Весь её вид однозначно говорит о том, что она опять что-то затевает. И я не ошибаюсь.

Ворона, тем временем, нелепо как-то присев, съезжает в воду, подняв целый фонтан брызг. Становится абсолютно ясно, что продельывает это она не впервые и то, что это доставляет ей огромное удовольствие. Осторожно, чтобы не спугнуть её, перехожу под навес и нахожусь теперь прямо под толщей воды, что позволяет наблюдать за проказницей дальше без всяких помех.

Весело отряхнув крылья, она возвращается на исходную позицию и, к огромной радости моей, так же лихо съезжает со своей импровизированной горки ещё раз. Затем, перебравшись на старую яблоню, тщательно с усердием начинает чистить пёрышки. Одно за другим перебирает она их своим черным блестящим клювом, укладывая, в одном ей известном порядке. Ловлю себя на мысли, что это очень напоминает укладку причёски в салоне. А впрочем... Чем же это не личный SPA-салон с водными и прочими удовольствиями?

Наведя красоту, модница ещё раз встряхивает крыльями, которые, надо отметить, переливаются всеми цветами радуги, гордо осматривает свои владения, и улетает по своим вороньим делам.

Я поднимаюсь на крыльцо с удивительно-светлым и лёгким настроением. Спасибо тебе, непоседа чернокрылая!

Я — счастлива. Я — живу...

Выпила чашечку кофе в тени, наслаждаясь тишиной, и пошла поливать. Обещать-то обещали дождь, но не факт. Опять пройдёт в полукилометре от моего огорода, обманув наивные надежды. Всё, что могло поникнуть, опустило крылья. Только подсолнухи гордо возвышаются над вялыми соседями. Живительная влага настолько желанна, что, кажется, слышишь, как земля жадно заглатывает её. Становится совестно, что не пришла часом раньше. Первые порывы ветра дарят облегчение и слабую надежду.

Постояла у грядки с горохом. Самая пора, когда горошинки ещё не помутнели цветом — сочные, нежные, сладкие, как в далёком детстве (ну хоть что-то осталось таким же!) Красная смородина уже не красная, а красно-вишнёвая. Ягоды тёплые и густые по вкусу как кисель. Бросаю в рот горстями. Кислоты нет совсем. Самое время делать желе, (парочка запасных рук не помешала бы).

Чёрная смородина совсем спелая Мельче от жары, но от того ещё слаще. Несколько горстей и двигаюсь к землянике. Она — в тени под кустами. Ягоды крупные, спелые... Приседаю, окунаясь в их густой аромат. Порывом ветра мой невесомый сарафанчик закидывает мне на плечи... Лето... Нега... Благодать... И никаких забот... Всё по боку. Я — счастлива Я — живу.

Валерия Тюхтенева

Посох и сума

*Спасибо, Господи, за дивный свет,
Струящийся из глубины небес.
За миг из череды прожитых лет,
Вместивший всё - смирение и протест,
Любовь, предательство, двуличие,
Извечную борьбу добра и зла
И осознание – суть величия,
Суть смысла жизни – посох и сума....*

Зимнее

*Распахнута калитка в зимний сад.
В излишествах ее чугунных кружев
Читаю приглашение в снегопад,
В объятия январской лютой стужи.
Дыхание деревьев в куржаке,
В серебряных, морозно-тонких звонах...
Бреду через снега, зажав в руке,
Послание весны в отборных зернах.
Язычницею чувствуя себя,
Скликая птиц на жертвоприношение,
Не пропадет ни слова, ни зерна –
Все для души, все для ее прозренья.*

Париж...

*Я теряю чувство реальности –
в серебристом фарватере крыш
разлилось,
не впасть бы в банальности,
незнакомое море – Париж...
Не сверяясь
с картой и лоцией,
заучу, до утра пробродив,
как бульвары звучат
и площади
на французский
шансонный мотив...
Заблужусь
в пространстве и времени,
зная точно,
в музее Орсе
для меня кувшинки
сиренево
расцвели на полотнах Моне...
Вот и всё...
удастся ли встретиться...
В серебристом фарватере крыш
за бортом
мерцает и плещется
всем известное море – Париж...*

Уроки каллиграфии

*Так тонко, изысканною каллиграфией,
Следы сорочьи вписаны в снега.
Иероглифы цепочкой аккуратно
Плели интригу на потребу дня.
И падала лиловой кляксою случайно
Тень прямо на финальную строку.
И многоточием все рассыпались тайны...
Утешить сердце, чем смогу?*

Р. Бах. Чайка по имени Джонатан Ливингстон.

(по мотивам повести – притчи)

*И взмах крыла, как взвод курка...
Изгиб мгновенья до рывка
В упругость турбулентного потока
Поставленного на крыло птенца,
Вчера усвоившего суть полета...*

*А стае... лишь нужна еда,
Что ей полета красота –
Прожорливое чрево трижды слепо
Изгоем в стае будет тот всегда,
Кто по своим лекалам строит небо...*

*И снова взмах... цель – высота
Иль поиск истинного я:
Не вписанного в формуляры, своды,
Живущего вне времени числа*

На открытие выставки С. К.

*Незванные приходят зимы.
Ложатся белые снега.
Следы любимых, нелюбимых
Читаю с чистого листа.
А за спиной метель погоней,
Бежать – пульсирует в крови
От монохромности агоний
Лесов и рек, от нелюбви...
Под своды выставочных залов,
Где маки яростно цветут,
В горсти хранят седые скалы
Озёр пречистый изумруд.
Где слышен журавлиный клёкот
У флейты в перекличке нот,
И, где в «прекрасное далеко»
С собою девочка зовёт*

Первый снег

*переболев изменчивостью рек,
их неразборчивостью в половодье,
приду на берег в сумерках осенних
к другой реке – с водой тяжелой, словно нефть,
перебродившая в пластах тысячелетий...*

*пущу по водам листьев горсть,
а с ними многие печали...
от нежности замру, от немоты строки,
которая пока что не сказалась...*

*а где-то в сводах, в куполах,
в неявных шорохах, в круженье
займётся свет, и тихо снег сойдёт,
и губы обожжет вкус неба...*

На пути к Валааму

*По Ладоге шёл теплоход к Валааму...
Мерцал за бортом небесный планктон.
Казалось, чуть-чуть наклонюсь и достану
Косяк звёздных рыб обычным сачком.*

*А небо так пахло озёрною тиной...
Текло по вселенной млечным путём.
И тайна за мною шла неотвратно –
Нездешней звездой с русальим хвостом.*

*Истаяла ночь... В небесах Валаама
Чеканило утро нимб золотой...
Паломничий сан на себя примеряя,
Я «возвышалась, светлелась»* душой...*

* «...возвышаюся, светлеюся...» (из молитвы пр. Гавриила
Среднеземноморского)

Затерянный мир...

два портрета на фоне
рождественской ели,
где на первом в ладонях
держит девочка шар –
в нём дробится улыбка
на тысячу бликов,
в глубине зазеркалья
притаилась звезда...
отражается мир,
как иная реальность,
миражом
вне портретного
жизня да бытия:
слева падает снег
за окном
белый – белый...
справа ярко в камине
попыхают дрова
на портрете другом –
нет у девочки шара...
нет сегодня дороги
в тот затерянный мир...
там теперь без меня
снег идет белый-белый,
без меня в старом доме
жарко топят камин

Анне Антоновне...

*За церковным погостом осыпалось небо
Синей пылью цветущего льна.
На меже бабка Анна – святая без нимба,
В поле гнётся с утра до темна...
На пригорке избушка у старой рябины.
Красна в сенях, иль ткацкий станок.
От божественной арфы, от гуслей былинных
Струны - нити: основа, уток...
Здесь в короткие ночи колдует над ними
Бабка Анна... В движении струн,
Словно музыка, льются сермяжки холстины,
Гениальные по естеству...
Их на поле отбелит хрустальной росой,
Вышьет крестиком семь рушников...
Вновь осыплется небо на поле льняное...
Запах детства... на дне сундуков...*

Ничья

*Возвращение – стая грачей
на заброшенной пашне ничьей,
на дороге, к погосту ведущей.
Возвращение – рвут мою душу
у колодца старинный журавль,
покосившийся дом, что корабль
на мели возле ивы плакучей.
Поднимусь по ступеням скрипучим,
от замка на двери нет ключа...
Как случилось, что я здесь ничья?*

Не спугни...

*май... понедельник...
милостью свыше
дождь акварелью
по мокрому пишет
перечень дел мне:
- книгу открыть
на случайной странице
и... убедиться –
всё уже было
в подстрочнике судеб;
- слушать кукушку,
с ней годы считать –
...три...
...девятнадцать...
...семьдесят пять...
так досчитаться до...
всё ещё будет;
- сад в одинокой душе
обиходить;
- ждать с нетерпением
первые всходы...
и... мне на ушко –
смотри, не спугни
в поисках истины вечной
бабочку в зоне предплечья
у полукровки весны...*

Зелёный ветер...

*Волна холмов терялась в легкой дымке -
Ещё не день, уже не ночь...
Безвременье текло в меха волынки
До той поры, когда точь-в-точь
По первому лучу открылись створки,
И солнце хлынуло в котлы долин.
Все звуки на земле покорно смолкли,
И лишь напев волынки, он один,
Окруже возвестил – родился ветер...
Услышь его сквозь звон сухой травы,
Сквозь плач прозрачных обнажённых веток,
Услышь.... Он есть дыхание земли.
Меха волынки набирают силу,
Стремительно вдувает ветер жизнь
В ландшафты древние, в руины мира -
Зелёною волною снизу ввысь...
Пытаясь влиться в ритм его дыханья,
Я словно попадаю в плен -
Весеннего благоуханья,
Зелёных добрых перемен...*

Зарисовка

*Осенью поздней и сплином
был мегаполис распят.
в улицах – дымных коптильнях
дождика полураспад.
церковь среди новодела
с вывеской – «Кинотеатр»
женщиной падшей глядела
в бездны витрин боди-арт.*

Пока звучит колокол

*С морозным воздухом
Вдыхаю колокольный звон.
Страх и душевную боль выдыхаю.
Как трудно выдавить из себя обиды -
Жёсткий ком подступил к горлу.
Сделаю ещё одну попытку.
Пока звучит колокол...*

Понедельник

*Понедельник – мое предвкушение,
Семь кругов предстоящего рая.
Я готова к великим свершеньям,
Жизнь с нуля, как всегда начиная.*

*Понедельник заменит вторник,
На себя не берущий много.
Он философ, чуть-чуть затворник,
Не судите его слишком строго.*

Портрет

*Сегодня праздную печаль.
День пасмурный глядит из сада.
Пишу портрет его – гризайль
В роскошной раме листопада.*

*А день отпетый фаталист,
Боишься золотой бравады,
И на мольберт, как белый лист,
Ложится пепел снегопада.*

Борис Костин

«Мой отец — романтик, который всегда хотел вырастить из меня настоящего поэта» — говорит о своём отце, Борисе Костине, журналист, поэт Светлана Костина.

Те, кто знаком с ним, знают, что это, на самом деле, человек-романтик, эмоциональный, творческий, с тонкой душевной организацией. Его рассказ о родной деревне, в которой прошло детство, только подтверждает это.

Древняя Талдушка

Душа разрывается на части. Готова плакать, выть. О, память! Если отнять из моих сорока тридцать, можно оказаться в Талдушке. Это одна из заброшенных российских деревень. Она зовет. Зовет ночью. Напоминает о себе во снах.

Не знаю, зачем пишу это среди ночи. Может быть, опять сон разбудил. Он часто мне видится: будто у меня — два дома. Один, — где сейчас живу, другой — в Талдушке. Мама говорит:

— Сынок, давай продадим старый дом, или вывезем его на дрова. Зачем нам два дома?

Я не соглашаюсь:

— Нет, мама, пусть стоит.

Каждое лето, пешком или на мотоцикле стараюсь побывать в родных местах. Сохранились полуразрушенные могилки, да одичавший бурьян напоминает о том, что здесь были крестьянские усадьбы. А вот то место, где стоял наш дом. Сажусь на землю, и память уносит меня в детство.

Однажды в клуб привезли кино. Кино в деревне — всегда событие. Так и в тот раз. Несмотря на дождь, в клуб шли и стар и мал. Заядлые игроки в бильярд, ни на кого не обращая внимания, ходили вокруг стола.

Клуб – единственное место, где могла встретиться вся деревня, где каждый мог увидеть всех и показать себя, потому вели себя здесь с достоинством.

Не знаю почему, но я помню тот момент, когда распахнулась дверь и в клуб вошли незнакомые парни. Среди них особо выделялся один – высокий, красивый. В каждом его жесте, движении, взгляде было что-то такое, отчего мы, пацаны, робели. Да и взрослые не спускали с него глаз. Парни пошли в правый свободный угол, высокий снял с себя рубашку, выжал ее в ведро с окурками. Между тем на столе появились шахматы. Высокий убрал своего правого ферзя и стал играть один против всех. Противники переживали, спорили и проигрывали. Удивительно, это не выводило из себя проигравших. Потом Курносов (это тот самый высокий парень) стал моим учителем. Он был музыкантом, спортсменом и, конечно, шахматистом.

Сегодня у меня нет авторитетов, навязываемых нам долго и упорно официальной пропагандой. Жизнь опрокинула их и высветила другие, свои. Началом их стала Талдушка.

Помню как-то, когда солнце опустилось за гору, на покой, как и все живое в деревне, вдруг донеслась песня. После палящей жары она была как освежающий глоток воды. И все, кто услышал ее, замерли, а потом, побросав свои дела, зашпешили на голос. На крыльце клуба пел под гармошку мужчина лет тридцати. Люди окружили крыльцо, а певец, словно не замечая никого, продолжал петь. Его состояние передалось нам. Душа открылась навстречу музыке, кто-то не выдержал, заплакал. Плакал и я. Пожалуй, впервые не от обиды и горечи, а от какого-то необъяснимого чувства, вдруг обрушившегося на меня.

Как-то пришел я в гости к своему другу Ваське. Отец его, дядя Андрей, был пимокатом. В ту зиму квартировал у них постоялец. Так вот, пришел я к ним, а постоялец придирчиво рассматривает валенки, постукивает по ним казанком, то в том, то в другом месте. Лида, мать Васьки, не выдержала: «Да не бойся, не замерзнешь». Постоялец посмотрел виновато: «Да нет, я не потому. В таких валенках жалко в будни ходить, в них только на праздник».

Возле русской печки стояло загрунтованное полотно, краски. Постоялец взял кисть и без прокраски начал рисовать. Смешанные краски густо ложились на холст. Появился зубчатый лес, сумерки. Меня никто не гнал. В деревне в любой дом заходи, как в свой. Я тихонько наблюдал из угла, боясь помешать художнику.

Брожу по заброшенной деревне. Разные чувства одолевают меня. Спасибо тебе, Талдушка. И прости меня...

Светлана Костина

Мне было лет 12, когда в нашем доме каким-то чудом появились мэтры горно-алтайской поэзии: Александр Жуков и Валерий Кунцын. Мой отец-романтик, который всегда хотел вырастить из меня настоящего поэта, привел их явно не случайно. Представив гостей, он сказал мне, обомлевшей от удивления, примерно следующее:

— Дочка, познакомься. Стихи этих прекрасных людей мы с тобой часто читаем в «Звезде Алтая».

Два журналиста и поэта, имена которых постоянно появлялись в «Звезде», почтили наш дом своим присутствием! Для меня, копившей газетные вырезки с творчеством алтайских литераторов, это было почти потрясением. Мои детские стишата, в обмен на мудрые наставления и рекомендации, поэты в тот день унесли с собой, и вскоре в «Звезде Алтая» под рубрикой «Проба пера» я увидела свою фамилию. Меня распирала гордость — мои стихи печатают в газете, стало быть, я тоже поэт. Помню, учительница литературы перед всем классом раскрыла газету и прочитала мое сочинительство, и с тех пор в школе ко мне приклеилось прозвище «поэтесска».

Про Украину

*На Украине бывала я в детстве,
Ела большие вареники с вишнями,
А теперь там военные действия,
города и деревни выжжены.*

*По всем каналам опять вещают:
Рвутся в Донбассе снаряды и мины,
А в телефонную трубку рыдает,
Добрая тетка моя с Украины.*

*Милая тетка снова рыдает:
«Не родится картошка в поле».
Говорит: «Коровенка хоть как-то спасает.
Нету хлеба, и нету соли.*

*Объявили мобилизацию,
Могут сына забрать на войну.
Военная ситуация,
Лихорадит страну...»*

*К тетке, как в детстве, слетать охота,
На аэробус купить билет...
Я не боялась самолетов,
Когда мне было двенадцать лет.*

*Смеялась мама, смеялся папа,
Зеленой улочкой мы шли,
Бежала тетка, не снявши фартук,
Кричала: «Милые мои!»*

*В саду у тетки спели фрукты,
Огнем горела алыча,
И шли соседи кто откуда.
Родню российскую встречать.*

*К столу тащили разной снеди:
Бутылки, крынки и кульки,
И женщины тянули песни,
Шутили много мужики.*

*Звонила тетка: «Сливы сгнили,
Ведь сахар стал в большой цене,
Соседи сына схоронили,
Убили парня на войне...»*

*У тетки в сердце много солнца,
Вокруг нее всегда народ...
Но тетка больше не смеется,
И больше в гости не зовет...*

Простая история

*Ты долго шарф наматывал на шею,
Ты долго подбирал слова,
Но лишь сказал: «Да, ты была права,
Быть лучше не смогу и не сумею,
Уйду и одиноким постарею».*
Ушел. Часы показывали — два.
*А в восемь вечера я ехала с работы,
Мир двигался в автобусном окне:
Ты шел с другой — свободный, беззаботный,
Наверное, не помня обо мне.*
*В автобусе гудело и шумело,
Я плакала, перчатку смяв в комок.*
— Вам плохо? — Да, кому какое дело!
— Не надо. Вот, возьмите мой платок.
*А в девять я надела новый плащик,
Такси уже подъехало, и вот...*
*Ты, мой дружок, взволнованный, как мальчик,
Стоишь с большим букетом у ворот.*

Баллада об одной матери

*У магазина напротив вокзала,
Женщина-мать на ребенка кричала,
Женщина – мать на ребенка серчала.
Кроха, за что же тебе перепало?*

*Строгая, грозная, грузная дама,
С сумкой-пакетом из универсама,
С этой чудовищной сумкой-пакетом,
Женщина-мама в пальто и берете.*

*Девочка-дочка, она перед нею,
Крошечной, кроткой, хорошенькой феей
Кончик шарфа, теребя виновато,
Стойко ждала завершенья тирады.*

*У магазина напротив вокзала,
Белая древняя церковь стояла,
Между табачным ларьком и аптекой,
Снежная церковь 10 века...*

*И полились колокольные звоны,
Над суетою неутомной...
Над городской толпой усталой,
Над магазином напротив вокзала.*

*Смолкла сердитая женщина-мама,
Видя закатное небо над храмом,
Как красное солнце уходит за купол...
И дочки грустно поджатые губы...*

*Вдоль по усыпанной снегом аллее
Женщина-мама и девочка-фея
Под звон колокольный, исповедальный,
Тихо брели к остановке трамвайной.*

Без пятнадцати восемь

*Дома, как крыльями, захлопали дверьми,
Звонят мобильники и каблучки стучат,
Мусоровозы, словно корабли
По трассе проплывают грохоча.*

*На остановке под унылым кровом,
Толпятся люди, прячась от дождя,
Еще чуть-чуть и поглотит их снова
Автобусная злая толчея.*

*Одна из них и я стою-скучаю,
Мне холодно в пальто недорогом,
О недопитом думаю стакане чая,
О байховом, с топленным молоком.*

Прощай, прощай...

*Прощай, прощай, ты был четвертым мужем...
Ты был не лучше их, ты был не хуже.
Прощай, прощай, ты не скрывал досады,
Остывший чай, обломок шоколада...
Ты уходил, мой добрый, мой хороший,
Забыл свой шарф на вешалке в прихожей,
И запах слов, не высказанных, нежных,
Которые спасли бы нас, конечно.
Мой милый, мой чудесный, мой четвертый,
Мы вместе уезжали на работу,
Мы вместе жили, ели, ждали счастья,
И ты во сне держал мое запястье.
Прощай! Прощание с тобой необратимо,
Бесслезно отпускаю я любимых.
Беззвездной ночью, в зимнюю субботу,
В четвертый раз я приняла свободу.*

Мы постареем

*Мы постареем в горной деревеньке,
В избушке с чистой печью-комельком,
Где верный пес задремлет на ступеньке,
Где будет пахнуть хлебом и дождем.*

*Где хлябь дорог не просыхает летом,
И пчелы жалят ласково, без зла,
Здесь буду я идти в косынке светлой,
Встречать своих коров на край села.*

*Наверное, ты бороду отпустишь,
Ах как же седина твоя бела!
Мы будем жить без радости и грусти,
Не помня дня недели и числа.*

*На лавочке мы сядем у забора,
И будем отдыхать от суеты.
И путников встречать идущих в горы,
С бидончиком березовой воды.*

*Нас жизни лихо больше не закрутит,
Оно свое получит до того,
Нас будут уважать в округе люди,
И думать, что нам верно лет по сто.*

*Когда наш век закончится однажды,
На поминках напьются мужики,
И кто-нибудь с улыбкой грусти скажет,
— Хорошие вы были, старики!*

Среда

Темнели опустелые дворы
Клык месяца торчал из-за горы.
Берёза с неподвижною листвою,
Тянулась к окнам, брошенной женой
Пугающейся ночью спать без света,
И светлый вторник воплощался в среду...
В неведомую среду, как всегда.
Мы знали только, что пришла среда,
Встречала ночь её холодным взглядом,
Скупым, непостижимым звездопадом,
Газетным шелестом сухой травы.
Да фонарей кислотные костры
Светились жёлтым пламенем тоски,
Которому лишь только мотыльки
Способны верить слепо и безумно.
И голос твой в ночи звучал чугуном,
— Как быстро, всё же, подошла среда,
Не провожай, прошу меня Туда....
И кашлял, и смотрел куда-то сквозь,
А время торопилось и несло,
Как будто обозлилось безразличью
К его движенью и его величью.
Как долго мы его не замечали!
Мы думали, что всё ещё в начале
Находимся. Но, оказалось, нет,
Минуло лето или много лет,
Минуло что-то, подошла среда.
— Не провожай. И я сказала, — Да.
Но ты же знал, приду, к груди прильну.
Вот так и провожают на войну...

Заметки повседневности

Мужик

Частный сектор Горно-Алтайска. Мать зовет сына:

- Никита, иди поливать огород!
- Ну, мам, мы тут со Степкой и Серегой...
- Иди, иди! Наиграетесь еще!

Мать тянет мальчонку за руку, тот нехотя поддается, с грустью глядя на своих друзей, которые возятся с игрушками в горке песка возле соседской изгороди.

— Почему Степку никогда не зовут на огороде помогать, а меня всю жизнь вот так! — жалуется на судьбу Никита.

— Потому, что у Степы отец есть, а в нашей семье ты один — мужик, — говорит мать.

Встреча

Горно-Алтайск. Автобусная остановка «Площадь им. Ленина». Две женщины одна глубоко пенсионного возраста, другая чуть моложе, присели на скамью.

- Давно я вас не видела, Вера Семеновна, как вы живете-то?
- А?

— Как живете, спрашиваю, как здоровье?

— Да какое уже здоровье на восьмом-то десятке, хвораю.

— А Павел Федорович как?

— Хорошо. Он у нас молодец, спортом занимается, жениться вот надумал.

— Кто? Павел Федорович?! Да Бог с вами!

— А? Нет.... Это я про внука Федю. А Павел Федорович мой, помер. Сорок дней вот провела.... О-хо-хо, глухая я стала.

До Ткацкой, или до Вокзала?

Городской автобус. Слегка подпитый парень пристает к девушке.

- Девушка, а вы до какой остановки едете?
- Ну, допустим, до Ткацкой.
- А я до Вокзала.

— И что?

— А давайте, на Вокзале вместе выйдем, в кафе посидим, а потом я вас на Ткацкую провожу.

— Нет, спасибо.

— А знаете, мне тоже надо на Ткацкую. Может, я с вами сойду, мы погуляем, пивка попьем, а?

— Вообще-то, у меня муж есть.

— Ну, ладно, тогда мне, все-таки, до Вокзала.

Очередь

Майминская поликлиника. Очередь на сдачу анализа крови. Народу – тьма! Люди толпятся в тесном коридорчике. Подходит мужчина средних лет:

— Кто крайний?

— А вон, видите, девушка в красной куртке? Держитесь за ней, — говорит кто-то из толпы.

В конце плохо освещенного коридора, ходит полненькая девушка в красном, разговаривает по мобильнику.

Мужчина окинул ее взглядом, тоже достал телефон, начал нажимать на кнопки. Но через секунду снова огляделся:

— А перед ней кто?

— Я! – точно как ученик в школе поднял руку юноша в синем свитере.

Мужчина успокоился, опять уткнулся в «мобилу».

Томительное время ожидания. Из кабинета выходят люди, на лице у них ликование: «Отмучились!»

Вот уже юноша в свитере вышел, зажимая ватку пальцем, а за ним в кабинет пытается пробраться молодая особа.

— Эй! Вы куда без очереди? — мгновенно отреагировал мужчина.

— Как это без очереди?! Я занимала! – возмутилась особа.

— Я за девушкой в красной куртке занимал, плотненькой такой.

— Это я была, просто куртку сняла! Сам вы плотненький, — обиделась девушка.

Посидели

Компания друзей отдыхает в ресторане. На столе — коньяк, закуски. Общение бьет ключом, парни весело шутят, смеются. По соседству за тонкой перегородкой расположились две девушки. Им подали меню, но они его не торопятся открывать, о чем-то

заговорщицки переговариваются, а сами поглядывают в сторону ребят.

Потом, одна из девушек выходит из-за столика и решительно направляется к мужской компании. Резко, с размаху, она дает пощечину парню, который как раз привстал, чтобы наполнить рюмки. После этого девушка демонстративно уходит, знаком поднимает с места свою подругу, и они исчезают из кафе.

За столиком, где сидят молодые люди, возникла пауза.

— Лех, это кто? — обращается один из друзей к «потерпевшему».

— Да так, гостя из прошлого, — отвечает Леха, потирая место удара.

Для любимой жены

Небольшой продовольственный магазин в Майме. Мужик — явно алкоголик со стажем, уговаривает продавщицу дать ему водки в долг.

— Нин, ты же знаешь, что я отдам все до копейки.

— Отдаешь ты, ага, отстань уже, — нервничает продавщица.

— Нина, это же я не для себя прошу, а для любимой жены!

— Чё это?

— У нее сегодня день рождения!

— И что? Она вообще не пьет в отличие от тебя.

— Зато я пью. Она меня сегодня попросила: «Толя, сделай подарок на мой день рождения, не показывайся до завтра мне на глаза». Вот я и хочу сделать ей такой подарок, возьму водки и пойду к мужикам с ночевкой.

Продавщица залилась смехом.

— Любишь ты, Толя, жену, ничего не скажешь.

Незнакомец

2001 год. Осеннее утро. Автовокзал в Горно-Алтайске. Шумная толпа студентов с филологического факультета провожают своего товарища на автобус до Онгудая. Пиво льется рекой. Весело. Как-то незаметно в компании оказался немолодой мужчина-алтаец. Задумчивое, усталое лицо. Пиджак пошарканный, надетый на спортивную одежду. Угостили пивом. Незнакомец был немногословный, все больше сидел в сторонке. Наблюдал за молодыми. Ребята стихи какие-то читали, а мужчина говорит:

— Я тоже стихи пишу.

Кто-то спросил:

- А давно?
 - Давно.
 - Может и книга у вас выходила?
 - Было, выпускали мои книги.
 - А как вас зовут?
 - Борис Укачин.
 - Так это вы? – робко спросил кто-то.
- Студенты как раз на днях проходили творчество поэта Укачина.

Не понимаю

Летний день. Ремонт фотоателье в центре Горно-Алтайска. Гастарбайтеры, загорелые до шоколадного цвета, в поте лица делают крыльцо у входа в помещение. Возле места, где кипит работа, появляется хозяин фотоателье. Закуривает. Оценивающе смотрит на труды наемных рабочих, дает какие-то указания.

— Ладно, ребята, я поехал, вечером вернусь, посмотрю, что вы сделали, — говорит он, бросая в урну окурок.

В ответ один из работников пытается что-то сказать, но получается неразборчиво, парень почти не владеет русским языком. Но в его речи ясно звучит лишь одно слово, которое он повторяет несколько раз: «Обед».

— Чего ты говоришь-то? Не разберу.

— Обед! Обед! Обед! – с напором в голосе произнес гастарбайтер. Чтобы было понятней, он сделал ртом жующие движения.

— Что-что? Ай, да ну тебя, не понимаю я! Работайте, хорошо прохлаждаться, — работодатель сплевывает и уходит.

Детская мечта

Сквер в Горно-Алтайске. Осенним, погожим днем на прогулочной дорожке встретились два приятеля. Один держит за руку сына лет десяти, второй за поводок — шикарного, ухоженного спаниеля.

— Красавец, какой! – обращается к хозяину спаниеля его знакомец.

— Не красавец, а красавица, это же Маруся, — смеется владелец животного, — Скоро у нас щеночки будут.

— Ух, ты, может нам тоже обзавестись спаниелем. Артем, хочешь себе собаку на день рождения?

Мальчик равнодушно посмотрел на Марусю:

— Пап, ну на фиг мне собака? Я на день рождения планшет хочу.

Отец грустно улыбнулся:

— Ну вот, мы в детстве о собаке мечтали.

Прадед

Парк Победы. Парень и девушка проходят мимо Мемориала воинам Великой Отечественной. Парень о чем-то увлеченно рассказывает. Девушка прерывает его:

— Постой, давай подойдем к памятнику, я что-то тебе покажу!

— Ну, ты так скажи, что там?

— Там в памятных списках фамилия моего прадеда есть. Я всегда, когда здесь бываю, к памятнику подхожу.

— Давай потом, нас же ребята в кафе ждут.

— Мой прадед с войны не вернулся, бабушка рассказывала...

— А ты меня, между прочим, перебила. Так вот, мотоцикл свой я продал, теперь поеду в Барнаул, хочу взять спортивную тачку...

Девушка с грустью посмотрела на голубоватое пламя Вечного Огня, возле которого лежали подсохшие цветы. На прошлой неделе здесь проходил День Победы.

Дом за старой пекарней

Сердце Ани рвалось на части, когда она бежала от автобусной остановки, через село, по осенней грязи. На протяжении всего пути Анна держала в руке комочек бумаги с короткой записью: «Федор Иванович Сомов. Деревня Воронино, улица Подгорная, 10. Дом за старой пекарней». Конечно, она теперь никогда не забудет ни это имя, ни адрес, но выбросить записочку с адресом, который так долго искала, она не решалась.

Аня остановила пенсионерку, которая пересчитывала мелочь возле магазина.

— Простите, где здесь старая пекарня?

Старуха посмотрела на нее влажными глазами.

— Там, — она тряхнула рукой в сторону. — Иди до конца, по этой дороге.

— Спасибо, — Аня достала из кармана потрепанную сторублевку. Почему-то захотелось дать пенсионерке денег, но та уже исчезла из ее поля зрения. «Иди до конца...» В этой фразе звучал призыв, который она часто повторяла сама себе. Надо идти до конца. Надо, раз уж заварила всю эту кашу.

Потом она мчалась по бесконечно длинной улице. Взгляд скользил по хилым домишкам, которые, как будто медленно по-

грузались в вязкую грязь. Полуживая деревня обхватила ее тесным кольцом. Она пугала этой серостью, глухой тишиной, иногда обрываемой вялым собачьим лаем.

Пекарня – заброшенная изба на окраине улицы. Черные, без стекол окна зияли холодным мраком. На покосившейся вывеске, как мрачная насмешка читалась надпись: «Горячий хлеб». Ане показалось, что она действительно почувствовала аромат свежей выпечки, от этого призрачного запаха ей стало жутко.

На отшибе села одиноко стоял сторбленный бревенчатый пятиястиенок. Аня замедлила шаг. Она стала двигаться все медленнее и нерешительнее. Но дом, словно сам шел к ней, он приближался, и как будто спрашивал с насмешкой: «Ну что, слабо тебе войти? Может, развернешься и назад побежишь?» «Я должна, должна», — говорила она себе и дому.

Калитка надрывно скрипнула. Аня шагнула во двор, спугнув худую рыжую кошку. На крыльце сидел человек и болезненно кашлял. Аня медленно подошла.

— Здравствуй... те, Федор Иванович, — произнесла она.

Он глянул в ее сторону.

— Что тебе?

У нее в голове зашумело. Сколько раз она прокручивала в мыслях эту секунду! Как подойдет, начнет этот, возможно самый главный в жизни разговор. Но сейчас будто голос оторвался от тела и зазвучал вопреки ее воле:

— Я Анна, Анна Федоровна Сомова. Я ваша, твоя... дочь.

— Кто? Вот так номер, — он усмехнулся. — Не лучший я кандидат в отцы...

Федор Иванович, кряхтя, полез в карман телогрейки, достал сигарету. Его лицо не выражало никаких эмоций. Аня ко многому себя готовила, но такого убийственного равнодушия не ожидала.

— Но как же, я же искала, я столько лет... — голос Анны потерялся в слезах обиды, лавиной нахлынувших на нее.

— Какой я отец, я просто одинокий старик, взять с меня нечего, если ты за этим. Нет у меня детей и не надо. — Он, наконец, повернулся к своей гостье и посмотрел на нее исподлобья.

«Какой тяжелый взгляд. Зря я приехала», — подумала Аня, вытирая слезы перчаткой. Ей захотелось немедленно уйти, убежать прочь, но отец вдруг сказал смягченно:

— Ладно, раз пришла, пойдем в дом, а то сейчас дождь начнется.

*

Этим утром Федор Иванович проснулся с чувством, что сегодня должно что-то произойти. Что-то значительное. Хотя, что мо-

жет случиться в жизни больного семидесятипятилетнего старика? Если только пенсию принесут? Так это разве событие. Но ощущение не проходило, и это тревожило. К чему теперь перемены? Федор Иванович уже много лет жил закрыто, одиночкой, не жаловал гостей, без особой надобности из своего жилища не выходил. А теперь, когда одышка замучила, он совсем перестал бывать на людях. Сотрудники социальной службы приходили к нему два раза в неделю – по дому помочь, да в магазин сбегать, парой слов с ними перекинешься, вот и все общение.

Его разбудила мышь, которая с усердием скреблась где-то поблизости.

— Вот зараза, и зачем кошку держу, — заворчал Федор Иванович, слезая с высокой койки.

В этом году октябрь выдался холодным и дождливым, в деревне рано начали топить печи. Федор Иванович экономил на дровах, ходил по дому в ватной тужурке. Но сегодня ему почему-то сильно захотелось тепла – затопить печь, заварить крепкого чая. Он подсознательно ждал гостей, чувствовал их.

После нехитрого завтрака старик вышел на улицу. Вдохнул сырого воздуха. Прокашлялся. Закурил. Небо затягивали тучи. «Кто в такую погоду может пожаловать? Никто. Кому я нужен», — подумал старик. Эти мысли навевали сонную тоску и утешали — никто не придет, все будет привычно, как всегда.

Но калитка скрипнула. Высокая девушка, неуверенно шла в его сторону.

— Здравствуй...те...

Он посмотрел на нее и внутренне насторожился. Красивая. И каким ветром ее принесло в эту глушь? Может с собеса прислали. Гостя не оставила времени на домыслы, сразу сказала, кто она. Ее слова пригвоздили старика к крыльцу, с которого он хотел было встать. Дочь, Анна Федоровна... Дочь... Не может быть. Чтобы успокоиться, он закурил.

— ... Я просто одинокий старик...- он говорил это не ей, а себе, своему сердцу, которое встрепенулось, и заволновалось неожиданной радостью. Было что-то хорошее, трогательное и немного детское в этой девушке с чистыми, голубыми глазами. Но сердцу старик не доверял с молодости, не любил он все эти сантименты. Наверное, потому так ни разу и не женился, не создал семьи.

«Если, предположим, она и вправду, моя дочь, то что? Мне ей предложить нечего. Бестолку это...» — подумал старик.

А она заплакала. Прямо, как маленькая. Как успокоить ее? А надо ли? Старик не знал. Он сидел, как окаменевший.

«Обиделась. Сейчас уйдет», — подумалось ему. Федор Иванович понял, что не простит себе такого сценария, ведь потом будет жалеть и каяться, что отпустил.

— Ладно, раз пришла, пойдем в дом, а то сейчас дождь начнется, — сказал он, медленно поднявшись на ноги.

Она посмотрела на низкое, загустевшее, как каша, небо. Дождь действительно был уже близко.

*

Анна не думала, что останется ночевать у отца. Нет, этот дом не вызывал у нее отторжения, наоборот, она чувствовала симпатию к его тишине, простоте и старости, да и в городе ее никто не ждал. Сын учится далеко, в Питере, с мужем в разводе, на работе взяла отгулы. Но в сумочке у Анны лежал билет в обратный конец, на вечерний автобус. Билет, о котором теперь Аня предпочла забыть. «Дождь не проходит, поеду утром», — подумала она, глядя во тьму окна, когда они с отцом пили чай на кухне. Старик мало говорил, ничего не спрашивал, больше слушал. Анна рассказывала про себя и мать. Про то, что всегда, с раннего детства, хотела знать о нем, но мама не любила касаться этой темы, говорила однозначно: «Он нас бросил, когда ты еще не родилась».

— Лишь недавно мама рассказала, что тебя зовут Федор Иванович Сомов, что живешь ты где-то в Михалевском районе. Я проверила каждое село, думала, уже не найду, а буквально вчера позвонила в Воронинский сельсовет, сказали есть такой, живет за старой пекарней. Так и нашла. А мамы месяц как нет, болела она, — Аня закрыла лицо ладонями. На вышарканную добела клеенку упала слеза. — Мне тебя так не хватало все эти годы, папа.

— Ну ладно, что ты все плачешь. Ну-ну, успокойся, — он подошел и тронул ее волосы. — Спать уже надо, иди, ложись.

Анна чувствовала, сердце отца оттаяло, потеплело, значит все не зря. Лежа на диване под толстым, ватным одеялом Анна все никак не могла уснуть, до нее доносилось свистящее дыхание отца. У нее не было сейчас ни чувства счастья, ни разочарования, но какая-то дыра, а может целая бездна в душе закрылась раз и навсегда. Анна ощущала внутренний ток, как ноет ее душа. Подобно тому, как сладко и облегченно ноет тело, после физических нагрузок, трудной и важной работы.

Во сне к ней пришла мать. «Мама, ты простила отца?» — спросила у нее Анна. Мать, совсем как в детстве, ласково обняла ее: «Конечно, давно простила».

*

Аня жила у Федора Ивановича уже пятый день. Вот еще одно утро вместе. Она мыла полы, а он чистил картошку, с тихой радостью наблюдая, как в комнате мелькает ее тонкая фигура в спортивных штанах и старой, еще из его молодости, рубашке.

— Внук у тебя спортсмен, в бассейне он, как рыба в воде. С детства плавает. Столько наград у него...

«Вот это да. Обрел и дочь, и внука, эх, пожить бы еще лет десять», — думал старик, вслушиваясь в повествование Ани сквозь звон воды, плещущейся из жестяного ведра на пол.

В ее сумочке запиликал телефон. Она отжала половую тряпку и на носочках прошла к сумочке по мокрым доскам.

— Ой, привет милый, как ты? Нет, я не дома...

«Хахаль что-ли? Теперь уедет», — решил Федор Иванович и пошел на улицу, курить.

Розоватые облака, подсвеченные утренним солнцем, походили на пенку от варенья, которое когда-то в нереально далеком детстве варила его мать. Впервые за много лет старику вспомнилось детство. Красивая, рано поседевшая мать, широкоплечий, молодой отец, который так и не вернулся с фронта. Потом он снова подумал об Ане, о себе, о том, что скоро снова останется один. Она уедет, конечно, уедет. У нее своя жизнь, итак загостилась. Но это будет уже не одиночество, ведь может ли быть одиноким человек, у которого есть дочь и внук. Нет, теперь все будет по-другому.

— Папа, мне надо ехать. Это сын звонил, приезжает домой на днях, — Аня села рядом. Он кивнул, не глядя на нее.

— Но мы приедем к тебе. Вместе с ним. Должен же парень с дедом познакомиться, — она положила голову к нему на плечо. — Я так рада, что нашла тебя, папа!

С крыльца открывалась красивая, солнечная панорама села. Заброшенная пекарня преобразилась в утренних лучах, ее покосившаяся крыша, как виновато склоненная голова, сейчас блестела ровным желтым цветом. Этот осенний день обещал быть теплым вопреки всем прогнозам.

«Какой покой, какое счастье», — подумал Федор Иванович и впервые крепко обнял Аню.

— Доченька, — сказал он тихо-тихо, почти шепотом.

Неважно, что я никогда не знал твою мать, и ты не можешь быть моей кровинкой, но ты все равно моя родная, моя дочь... Мы нужны друг другу, — подумал он, глубоко вдохнув свежий воздух нового дня.

Ольга Истомина

Родилась в Казахстане, когда он входил еще в состав нашего огромного и, как тогда говорили, нерушимого Советского Союза.

Детство прошло в Хакасии, которая запомнилась дикими ирисами, в народе – пикулями, песчано-глинистыми оврагами, речкой Тубой и бесконечной степью.

Ну, а потом – Алтай! Зовущие горы, Катунь – бодрящая, придающая силы и сознание того, что здесь жили предки, отсюда пошли мои корни. Притяжение этой земли особо сильно. Алтай даёт вдохновение и силы.

Занимаю активную жизненную позицию, общаюсь с интересными творческими людьми, понимая, что каждый встреченный человек – это учитель. Отношусь ко всем с большим уважением, несмотря на наличие званий и регалий.

Участвовала в создании и была одним из авторов сборников: «Параллельные миры», «Пусть откроется жизни страница...», «Повозочка», «Майма литературная», «Снова память распахнута настежь», «Отражение веков», «Майминское Прикатуны», «Мир без войны». В 2013г. – издание авторского сборника стихов и прозы.

Спасибо, январь

*Спасибо, январь, что поскинувши цепи,
Мы вырвались в горы, забыв про зарок.
И пусть за издство простят меня степи —
Рванули к подножьям вершин-недотрог.*

*Холодная строгость январского нрава
Была по душе и как будто сродни.
Мы, как корабли, потерявшие гавань,
В заснеженной бездне остались одни.*

*И стали здесь чище, и сделались строже,
Немного красивей и, точно, мудрей.
Но дома нас ждут и, наверное, все же
Нам стоит вернуться, жалей не жалей.*

*А память оставит подспудно, навечно
Лик гор, затонувших в безбрежных снегах,
Фигуры березок в халатах аптечных
И ветра январского сумрачный взмах.*

Мы приходим комочком желаний...

*Мы приходим в мученьях комочком желаний,
Малым зернышком, ждущим священной воды.
Для кого-то становимся центром Вселенной,
Защищающей нас от костлявой беды.*

*Мы растем, торопясь, познавая невзгоды,
Чувств, пройдя череду и бесчувствие зла.
Мы зависим порой от судьбы и погоды,
От пронзенного ядом языка-помела.*

*Мы счастливо живем, в том себя убеждая,
Мы способны любить, горы рушить любя.
Терпит нас мать-Земля (вот уж точно святая),
Пассажиров случайных ее корабля.*

Осколки марта

*В марте синем
Стужа сгинет,
парашюты-капли вниз
с крыш слетают, разбиваясь
о безжалостный карниз.
В марте сочном
каждой ночью
стынут лужи-зеркала,
по утрам их отутюжат
щетки ветра-помела.
А потом их – каблучками!
И они, поверьте, сами -
на колющие осколки,
на отрезы льда из шёлка,
клеопатровые бусы,
на нечаянные музы!*

Какой он, снег?

*Почему называют белым?
Снег – ни белый, ни голубой.
Он немножечко оголтелый
И как в оспинках весь рябой.*

*Он бесценен и драгоценен
Снег серебряный, как ручей
Никому, никогда не изменит
Потому что вообще ничей.*

*Накрахмален пижон хрустящий
Не захочешь, а влюбишься враз.
Он по-честному настоящий,
Ну и что, что красив напказ?*

*Элегантно блестяще-праздный:
Белый, розовый, голубой,
Всякий раз по-новому разный,
Но неизменно холодный, святой!*

Любовный роман

*Днем ветрами запахло южными,
Ночью выпал тяжелый снег
И машины снуют неуклюже,
Замедляя свой бег.*

*Позапуталась в вихре дорога,
Наплела между гор вензеля
В тщетных поисках недотроги
Под названьем Земля.*

*Мелодично гудит без стеснения
Проводов саксофон,
Прославляя зимы творение –
Серебристый картины фон.*

*По церковному чинно, мощно
Песнь поет ветряной орган,
Он Алтаю талантливо, точно
Пишет снегом любовный роман.*

Вглядитесь в черные глаза серебряного Алтая...

*Вглядитесь в черные глаза,
глаза серебряного Алтая.
Те же они, что на образах,
Те, что с рождения любишь и знаешь.
Их свет прозрачен и вездесущ.
Пред ним равнодушие проходит мимо.
Он оставляет пречистый след
В ранах потерянного пилигрима.
И мне достался – хоть не ждала,
Запал их взгляд в закоулки сердца,
И тут же выросли два крыла,
И в дом души распахнулась дверца.*

Я назад не возвращаюсь...

*Я назад не возвращаюсь
Там дороги замело.
Я со всем былым прощаюсь.
Все, что было, то прошло.*

*Лишний груз с себя срываю,
Ведь тоннель не так широк.
За соломинку хватаюсь.
Всем спасибо за урок.*

*Впереди счастливый случай,
Чай зеленый на столе,
Свежий, желтый мед пахучий
И березы в серебре.*

*В каждой льдиночке по солнцу,
В каждом солнышке — любовь.
Я душевное оконце
Распахну для света вновь!*

А ты как?

*Бегу на работу, спешу как на Святочный праздник...
В косую линейку расчерчено утро дождем,
Полощет белье облаков в лужах ветер-проказник,
И воздух наполнен желтеющим сентябрём.*

*Смотрю на бегу за игрой разгулявшихся бликов,
От брызг фейерверком летящих навстречу судьбе.
Успеть бы сегодня сходить за грибами.... — А ты как? —
По старой привычке опять обращаюсь к тебе.*

*Молчанье твоё принимаю, как рок, неизбежность?
Опять ты меня не так понял, мой глупый чудак!
Я грею в ладонях замерзшую, жалкую нежность.
И чтобы навек сохранить, зажимаю в кулак.*

Всё как всегда

*Все в месяце непостоянном
Все в марте моем как всегда:
Крылатые кружат метели,
На вахте ночной холода,*

*Но днем их сменяют капли,
Снега разрезает вода,
Как только сейчас из купели
Встряхнулась земля ото льда.*

*Чуть громче беседуют птахи,
Встречая рассвет-апельсин,
Поскинули речки рубахи,
И в воздухе свежесть осин.*

Окаянный поэт

(Посвящается Л. Черепанову)

*На рынке мясном повстречалась с поэтом –
Простым мужиком во фрак не одетым.
Читал он стихи наизусть громогласно,
Читал вдохновенно, наивно и страстно.
В надежде – услышит народ и поймет.
Поэт разошелся почти, что на взлет...*

*Но тупо народец смотрел на поэта
И думал, — Да, этого песенка спета!
И чё он тут ходит, и чё он орет,
Ни стужа, ни голод его не берет?
В милицию, что ли, хоть кто-то б забрал.
Торговле мешает бредовый нахал!*

*И было народу совсем невдомек –
под видом поэта им свыше урок.
Ведь нужно кому-то глаза им открыть,
А может для этого стоит завывать?
И может для этого, пусть окаянный,
но нужен поэт на Руси безымянный!*

Вот бы достать горизонты!

*Осень опять уходит и ворошит солому.
Осень, горя жарко, машет рукой былому.
Голос реки тревожен, нервно стихи читает,
Сверху луна дразнится, словно совсем чужая.*

*А у черты горизонта белых берез ограда,
Где закатилось солнце яблоком сонного сада.
Вот бы достать горизонты, слушая музыку ветра!
Я догоню осень сквозь пелену километров!*

Любовь продлится вечно...

*Любовь была...а, впрочем, нет –
Она жива и ныне:
Любовь к селу, стихам, семье,
К тебе, друзьям, картине.*

*Любовь жива, она вокруг:
В ромашке, в солнце, в небе.
Любовь, как бесконечный круг,
Она как быль и небыль.*

*Она на крылышках зари
И в птичьем пересвисте,
Она звездой в ночи горит,
Звенит в ручье монисто.*

*Она в пожатии руки
И в сдержанной улыбке.
Ее шаги нежны, легки.
Они в страданиях скрипки.*

*Неправ, кто думает – Любовь
Бывает быстротечна.
Любовь была, любовь жива,
Любовь продлится вечно!*

Слишком долго мы плыли без весел по морю...

Слишком долго мы плыли
без весел по морю
И ветра растерзали, казалось,
крепкие паруса,
И сменялись не раз на закаты
алые зори.
В небе обод катился
луны-колеса.
Почему не прибиться бы
в тихую гавань?
Не собрать вещмешок,
не спустить якоря?
Но уставшие, снова
пускаемся в плаванье
В океаны страстей,
проклиная моря.
Но однажды как гром
среди ясного неба,
Как знамение свыше
простые слова.
Между нами полжизни
как будто и не было.
Впереди неизведанные
острова.

Дожди

О тротуар расхристаны дожди.
Свет фонарей в их славе многогранен.
Калейдоскоп их глаз настолько странен,
— Случится чудо, только подожди!
Не потому ль без усталости хожу,
Ищу твой образ в тысячах осколков,
Не замечая взглядов, кривотолков
Без сна, без зонтика, по витражу

Такая стезя

*Глаза в глаза позабыть нельзя
Сквозь годы и расстояния.
Такая бывает у нас стезя -
Пройти не одно испытание.*

*А я ведь давно простила тебя
Под скрип запоздалых морозов
За полосы солнечного дождя
И град молчаливых вопросов.*

*За то, что не думал — по чьей вине,
За нетерпимость и вздорность,
За предназначенную только мне
Сжигающую покорность.*

Падает снег

*Падает снег
Белыми пятнами,
Ласковый снег,
Ничем не запятнанный.
Падает снег
В обветренном городе
Только вчера
Позабывшем о холоде.
Улицы ночью
Качаются снежные.
Вторят им фонари
Откровенно мятежные.
Ночь в моем городе.
Снег в моем городе.
Я лишь вчера
Позабыла о холоде.
Стала как в детстве
Шутливо-игривая.
Я в своем городе
Снова счастливая!*

Я иду своей дорогой

Я иду своей дорогой
Странник солнцем опаленный,
Божьей меткой наделенный,
Благодарный и влюбленный,
Окрыленный.

Я лечу над головами
С песней, что не всякий слышит.
Подо мною чьи-то крыши,
Там живут и тоже дышат
Каждый в нише.

Я машу им всем крылами,
Мне нельзя остановиться.
Челки гор, поля из ситца,
Да еще родные лица
Заставляют крылья биться.

Молодой дождь

Свежий, летний дождь игривый
Бил картечью в тротуары,
Взявшись за руки, счастливо
Под дождем гуляли пары?

Их зонты висели дома
На курносеньких гвоздочках.
Ну, а им хотелось грома
И любви в коротких строчках.

Тополя тянули ветки
Защитить от дождепада,
И стрелялись сигаретки,
Принимаясь как награда.

Дождь сближал. Он был в полоску
Разухабист был и молод.
Был своим, ну, просто в доску,
И его любил весь город.

Эссе

*

Пришелец с других миров, аморфный стусок тумана зацепился за вершину горы под названием "Обзорная". Другие его сородичи уже спустились по каменным осыпям и скалистым выступам вниз к реке, чтобы зарядиться от нее силой, а этот сидел на вершине и смотрел на свои владения. Наверное, он ощущал пьянящее чувство покорителя вершины.

Кто хоть раз побывал в горах, вернется туда еще раз. Это закон гор. Поэтому, если вы будете в горах, то всегда повстречаете Его. Туман – их неизменный спутник, их фанат.

*

Сегодня, когда я тихо покачивалась в кресле на веранде и читала полюбившийся мне журнал "Благодарение", ко мне прилетела необычная бабочка. Кроме того, что она была необыкновенно красива, она еще была удивительно любопытна. Сначала она, как бы невзначай, села на мою руку, потом, показывая полное доверие — на щеку. Я замерла, сидела, не шевелясь, боясь испугнуть это чудо. Через минуту со щеки она перелетела на страницу журнала и долго исследовала его, ползая по строчкам. Так вот чего ей надо было! — поняла я. Журнал понравился не одной мне.

*

По испеченному полуденным солнцем тротуару плавно струилась маленькая змейка. Я предупредительно остановилась, пропуская её вперед. Мне казалось, что она должна поторопиться и прибавить скорость, увидев меня. Но размеренно покачиваясь из стороны в сторону, гадюка спокойно и уверенно продолжала свой путь. Поравнявшись с крыльцом летнего домика для туристов, она степенно скрылась под его надежную тень.

Уверенность, спокойствие и максимализм, присущие всем молодым, были свойственны и этой уважаемой особе.

*

Однажды в открытое окно залетела бабочка, каких мы в детстве называли «цыганочками». Она стала нервно биться в стекло, ища выхода. Я аккуратно взяла её и выпустила, но она, сделав небольшой круг, опять влетела в комнату. Мне пришлось снова отпугивать её восвояси. Бабочка, как бы оправдывая свое название,

настойчиво влетела обратно. Так повторялось несколько раз. Наконец я поняла, что надо исполнить ее желание и оставить в доме. Скоро она присмирела, тихо сидела на окне и внимательно следила за тем, как ночь набрасывала на день черную вуаль. Утром, когда солнце заглянуло к нам в комнату, бабочка легко распрощалась со мной. Вылетев в окно, она крунулась, словно в танце, махнула крылом и скоро исчезла.

Кто знает, может, мы еще встретимся, теперь уже в её доме среди благоухающих цветов. Я думаю, она гостеприимная и не станет выталкивать меня, как когда-то я её.

Цикл «Цветы»

Птицы-счастья

Из всех подарков на мой день рождения больше всего я дорожу, казалось бы, скромным на первый взгляд цветком — это кала. Её соцветия, как птицы-счастья, стоящие на длинных стройных ножках, с поднятыми, устремленными к небу крыльями и персиковыми головками с тонкими клювами, готовые вот-вот улететь. Не улетай счастье!

Всё не просто так

Не могу остаться равнодушной при виде нежно-голубых, миниатюрных цветов — незабудок. Они с русской простотой смотрят на неуёмный мир, принимая его таким, как есть.

Эти цветы неизменно напоминают мне мою бабушку, которая вот так же просто, по-доброму смотрела голубыми, чуть выцветшими от старости глазами, на все невзгоды и радости, выпавшие на её долю, мудро понимая, что все в нашей жизни происходит не просто так.

Зря стараетесь!

Ромашки были мне по пояс и заволновались, увидев, что я ступила в их владения и могу нарушить эту хрупкую красоту.

Они загорали на поле, как на пляже, с удовольствием подставляя свои лица солнцу. Их носы уже тронул первый загар.

Зря стараетесь! Дальше носа солнце не осмелится нарушить вашу белоснежность!

Возвышенность и простота! Сочетание этих качеств ценно и в людях.

Музыка цветов

Ирисы — это пришельцы из космоса, пытающиеся приспособиться к земным условиям, стать хоть в чем-то похожими на землян. От инопланетного у них остался сине-млечный цвет и своя музыка, которую они, не уставая, мурлыкают себе под нос. Если хорошо прислушаться, то её можно услышать.

Баловни розы

Маленький принц так изнежил свою розу, держа её под колпаком, разговаривая с нею, как с лучшим другом, что теперь все её потомки капризны и требуют к себе такого же бережного отношения и безграничной любви.

Рассказы

Территория черного кота

Летом на местном кладбище я часто стала замечать черного кота, деловито прогуливающегося между крестов.

— Да это же Бандит! – объяснили мне соседи. Он пакостит во всей округе, такая тварюга, спасу нет! И гоняем, и стреляем, и капканы ставим, а ему все нипочем, как замороженный!

— Ну, что-то же его довело до этого, не от хорошей жизни он стал таким? – сделала я предположение и оказалась права.

*

Когда-то у Бандита был хозяин. И пока у хозяина была жена, коту жилось припеваючи. Но однажды женщина собрала вещи и ушла навсегда. Вскоре хозяин позвал кота и сказал ему примерно следующее:

— Кот – это что? Это существительное мужского рода. Значит, он – мужчина! А любой мужик должен не бояться трудностей, выживать в любой ситуации! Что смотришь, не согласен? А как живут дикие коты? Им на блюдечке с каемочкой никто ничего не преподносит! Иди, лови мышей!

И кот получил жесткий пинок по впалому боку.

*

Все чаще хозяин стал отлучаться надолго из дома. Первое время он просил соседа присмотреть за котом и хоть изредка кормить его. Но тот зачастую забывал это делать, видимо тоже считал его мужчиной.

Кот научился добывать себе пищу, но в лютые морозы отморозил себе уши, и они куце, небрежно размещались на голове этой «шапчонкой на мужичонке», шерсть висела на нем клочьями, окончательно придавая всему образу, нищенский вид.

Сpartанское воспитание хозяина и забывчивость соседа привели к тому, что Бандит привык к бездомной жизни, одичал, по ночам дрался на смерть со всеми местными котами. Вскоре он стал одноглазым, хромым, несчастным калекой, которого все в округе ненавидят.

Целыми днями Бандит обходил свои владения с одной целью – прокормиться. Спать и нежиться, как это любят другие, ему

было некогда. С каждым годом он вырослел, и ему становилось все труднее выживать в этом жестоком мире.

*

Сегодня Бандит степенно прогуливался в нашем саду, наводя ужас на домашних котов. Увидев меня, перемахнул через ограду и спокойно пошел по тропинке вдоль берега Катуня в сторону кладбища. Людей, как главное зло, черный кот старался держать подальше, на собственном опыте зная, что они приносят несчастья. Подойдя к забору, пролез в щель и оказался в относительно безопасном для него месте. Здесь его никто не гонял, местные коты боялись отходить далеко от своих домов и сюда не заглядывали.

Бандит мог отдохнуть на лавке или прямо на могиле, обогретой солнышком, которого с каждым днем становилось все меньше. Приближалась осень, а за ней и суровая алтайская зима.

Как-то она распорядится жизнью кота по имени Бандит?

Старый цветник

Лет 17 назад на живописном берегу Катуня одна семья купила домик и большой участок, заросший бурьяном «по самые уши». Борьба с сорняками закончилась благополучным распределением земли между садом, огородом и цветником.

Через некоторое время сад стал приносить трудолюбивым хозяевам фрукты, огород – овощи, а цветник – радость.

В цветнике-доме жило множество жильцов-цветов. Днем все они работали. Радовать людей – это тяжелый труд – надо всегда хорошо выглядеть, чтобы «не ударить в грязь лицом» в прямом и переносом смысле. А чтобы дарить хорошее настроение, надо уметь самим быть веселыми, жизнерадостными и общительными. А самое главное, искренне любить людей.

Много лет цветы в этом цветнике прекрасно справлялись со своими обязанностями. По ночам они отдыхали от работы, устраивали балы и танцевали до утра. Правда, за исключением таких засонь, как портулак и ленок, которые рано закрывались на ключ, чтобы им не мешали спать.

Шло неумолимое время, их дом состарился. Многие его обитатели переехали в новое жилище – красивый, новый цветник. На старом месте остались лишь некоторые личности. Пышнотелая, ворчливая тётушка Гортензия принципиально не стала переезжать, несмотря на то, что её родственники переехали одни из первых.

— Поедем, — звали они её. — У нас рядом сосновый бор, свежий воздух. Там ходит гораздо больше людей, их надо радовать. Поедем, вся родня переезжает.

— Я не как все! — гордо сказала она им вслед. — У вас сосновый бор, а у меня здесь Катунь и горы. Как они без меня? Не поеду ни за что!

Кроме тетушки Гортензии остались Ромашки, Рудбекии, Анютины глазки, Чертополох, Дельфиниум и Эдельвейсы.

Да, да эдельвейсы. Те самые, которые растут на неприступных скалах. В старый цветник они заселились совсем недавно, и после сурового высокогорья им показалось, что они попали в рай. К сожалению, они не понимали, что там, на скалах, где кроме них не было больше никакой растительности, они на фоне мрачных камней выглядели просто шикарно. Люди лезли в горы, чтобы специально увидеть их и порадоваться. А здесь, среди благоухания других цветов, эдельвейсы потерялись. И когда туристам показывали их, они разочарованно удивлялись: «И это эдельвейсы?!»

И тогда для поддержки их статуса экскурсоводу приходилось рассказывать легенду о красавице, поставившей условие влюбленным в неё юношам, что она выйдет замуж только за того, кто принесет ей букет эдельвейсов. Юноши уходили в горы за этими редкими цветами, но возвращались, ни с чем. Некоторые не возвращались вовсе. А красавица продолжала настаивать на своем условии. Спустя много лет один влюбленный все-таки принес ей букет эдельвейсов, но замуж не взял, потому что красавица за эти годы превратилась в старуху.

После легенды люди более внимательно и уважительно разглядывали эти редкие цветы.

*

Оставшись в старом цветнике, все цветы еще больше сдружились, стали просто одной крепкой семьей. Конечно, у них там не всегда была полная идиллия. Как и во всякой семье случались иногда разногласия, но обычно они быстро заканчивались.

Ромашки были спокойны и покладисты, но иногда забывали следить за порядком. После долгих проливных дождей они разбрасывали на дорожки свои мокрые стебли-вещи и грязную обувь-листву. Первой начинала возмущаться желтая рудбекия.

— Терпеть не могу беспорядка! Подберите свои вещи — людям невозможно пройти по дорожке.

Чертополох молчал, но хмурил свои синие, колючие брови, всем своим видом показывая недовольство.

Анютиных глазок было много, они жили дружно со всеми цветами. Их устраивало все. Они не любили ссориться и всегда всех мирили.

— Перестаньте ссориться, дождь уже заканчивается, скоро выглянет солнышко, будет сухо и чисто.

Важный, немного высокомерный дельфиниум частенько язвил, потому, что вообще-то он был ядовитый:

— Как же, дождешься тут этого солнышка!

Но долго грустить и сориться цветы не могли. Тратить на такие глупости драгоценное время было бы просто глупо. Ведь день — для того, чтобы радовать людей, а ночь — чтобы слушать, как шумит Катунь, наблюдать, как красавица Луна прокладывает по воде свою сказочную, лунно-латунную дорожку к сердцам людей и к ним — таинственным, необыкновенным, таким прекрасным космическим пришельцам — цветам.

Цветы знали, что жизнь с каждым днем станет все интереснее и увлекательнее, если в них будет жить любовь.

До завтра, люди!

Давка. Старенькая муниципальная больница трещит по швам.

Пациенты протискиваются мимо друг друга с большим усердием, запинаясь о вытянутые ноги сидящих счастливиц. То тут, то там слышатся разговоры.

— А я нынче мать схоронила, сама после всего еще отойти не могу.

— Да ты что?! А я и не слышала! Ну, царствие ей небесное!

— Дак, ты представляешь, не успела мать прибраться, а сестры уже имущество делить взялись! А я им говорю, чтобы дом продать, надо хоть забор поднять, два звена завалились еще с осени — заходи любая скотина! А они мне: «Кто купит сам и поднимет!»

— Во, детки, только помереть вздумай, они тебе еще подмогут! Ты уж поди дочь замуж выдала?

— Куда там! Уж 32 года, а замуж не выходит. В дверь не влазит, толстая стала! Ищет жениха, чтоб красивый был, с машиной, и с домом. Я ей предлагаю соседа, ему уж за сорок, еще не женился, тоже ищет с квартирой да с машиной, чтоб была. У самого и дом есть, и мотороллер, не пьет. Чё еще надо? Дак нет! Ирка говорит: «Мотороллер, меня не выдержит».

— Эх-хе-хе..., — захекал мужичонка рядом, перебирая свои бумажонки-направления.

— Надавали черте знат чё! И на рентген, и кровь с мочой сдавать! Ладно бы из пальца, дак еще из вены, а у меня ить вен – то нету, а она как зачнет их иглой вазекать-искать, я в оморок сразу брякаюсь! На медведя раньше ходил, не боялся, а тут боюсь, — кому-то невидимому или наоборот всем рассказывал он. — Чё, щас моя уж очередь заходить? А бациллы то надо одевать? — показал на валяющиеся под скамейкой бахилы.

— Дед, — смеется молодой парень, — не бациллы, а бахилы.

— Да кака разница, один хрен.

— Слушайте, — в разговор вступила дама диабетического телосложения. — А талоны-то нынче, какие стали печатать?! Не талоны – простыни! Не берегут бумагу, не умеют у нас в стране экономить! Зайду к главврачу, скажу свое мнение. Это же безобразие!

— Да толку-то ходить, кому нужно наше мнение? Ничё не изменится!- опять подал голос парнишка.

— Ну, если сидеть между собой только возмущаться, то конечно, не изменится!

Дама решительно направилась к кабинету главврача.

— Порядка как не было, так и не будет, — подытожил мужчины на чахоточной наружности.

— Эт, точно, вот меня вчера отправили записаться на очередь на УЗИ из поликлиники на другой конец села – терапию. Еле дошел, а они мне: « Мы здесь не записываем, это в поликлинике». Я им: «Дак, я сейчас оттуда, меня к вам отправили! А они: «Нет, они ошиблись! Иди снова туда!». Да вы разберитесь, ё моё, кто у вас тут записывает!

— А я пришел на флюорографию, а они на пятиминутке 2 часа просидели. Постучался лбом в двери и отчалил восвояси.

— А вы, гражданочка, куда лезете без очереди?!

— Да я тут уже была, я за карточкой уходила.

Все повскакали с насиженных мест, стоящие дружно шагнули в сторону кабинета, возмущенно загудели.

— Не было вас, мы тут с семи утра торчим, что-то вас не видели!

— Слона – то мы и не заметили!

— Лезут всякие, а мы не успеем попасть. Врач-то вон до часу и аля-улю...

Ровно в 12 часов из кабинета выплыла медсестра.

— Подождите немного, мы на пятнадцать минут закроемся. Нам тоже отдохнуть надо!

Дверь застегнулась на все замки, внутри зашипел чайник. Вскоре по больничному коридору пополз аромат кофе.

— Кофе салят, — с легкой завистью прошептал гипертоник.

Мимо уныло повешенных носов проголодавшихся пациентов легонько пролетел запах домашней сдобы.

— Забыла уже, как сдоба пахнет, — сказала дама диабетического телосложения. — При диабете — нельзя.

Как из рога изобилия посыпались рецепты курников, пицц, пирогов. Даже про хачапури вспомнили — время двигалось к обеду.

Наконец, дверь открылась, выглянула розовая, взбодренная кофе и булочками медсестра.

— Кто с детьми — без очереди!

— Как?! Сегодня же вторник, а там у вас в объявлении по средам детский день.

— У вас что, детей нет, не знаете что это такое? — резонно ответила медработник.

— Знаем, — все дружно вздохнули, соглашаясь.

Против детей не попрешь. Дети — это святое.

— А дети до сколько лет без очереди, — резонно спросила одна из женщин. У нее на коленях сидела дочь 15-16 лет. — У меня тоже ребенок!

Все понимающе заулыбались, поддерживая шутку.

Подошел ветеран — с медалью на когда-то бравой груди. Очередь приуныла еще больше. Заметив их уныние, ветеран сказал:

— Я — ветеран! — И в довесок, автоматически тряхнул грудью так, что зазвенела медаль. В коридоре наступила почтительная минута молчания. Все расступились, пропуская достойнейшего из достойных. Вспомнили — заслужил!

Когда до закрытия осталось 10 минут, под руки подвели белую, как больничная стена, женщину, сидящую все время в сторонке. Толпа жалостливо расступилась, пропуская ее без очереди.

— Ну вот, досидела, родимая, таким надо на дом вызывать, — сказал кто-то, и все согласно закивали.

В проеме двери опять появилась медсестра,-

Все, прием окончен, зря не сидите, больше ни одного не примем!

— Ну, что, до завтра, люди!

— До завтра!

Выдумщица

В 5 лет у Надьки было уже очень развито воображение. Укладываясь спать, закрыв глаза, она смотрела сказки, режиссером-постановщиком которых была сама, да зачастую и актером, впро-

чем. По утрам мама долго не могла поднять ее с кровати, потому что в это время следовало продолжение вчерашней серии. Необходимо, чтобы у героев ее сказки все было, в конце концов, хорошо, а на это требовалось время.

В 8 лет ее спектакли и концертные программы уже смотрели зрители – соседские ребята, рассевшись на ступеньках подъездной лестницы. Согнать их родителям отсюда стоило больших сил и нервов.

Надька пела песенки, показывала фокусы, плясала, меняя мамины наряды один за другим. Расхаживала в туфлях на шпильке, читая стихи и рассказывая страшные сказки. Мальчишки не сводили с нее восхищенных глаз, девчонки завистливо и придиричливо наблюдали, стараясь найти хоть один изъян в ее наряде. Но так ничего и не найдя, раскрывали рты от обилия свалившейся на них информации, буйной Надькиной энергии и безграничной фантазии. До вечера время пролетало незаметно. Но он наступал, и вот уже из разных квартир, то и дело высовывались строгие лица родителей.

— Танюша, домой! Кушать, мыть ноги и спать! – приказывала чопорная тетя Лена из третьей квартиры.

— Ленка, тебя сколько можно звать, паршивец?! Не загоняется домой! – кому-то видимому в пространстве лестничной площадки только ей, возмущенно сообщила тетя Клава из второй.

Постепенно подъезд пустел, неохотно, по одному отпуская своих обитателей.

Чем меньше оставалось зрителей, тем больше старалась развеселить их Надька, не отпуская от себя – ей не хотелось оставаться одной.

Наконец, и последнего зрителя, Гришку, щелкнув по лбу для профилактики, увел разгневанный отец.

Надька осталась одна на ступеньках лестницы. Из квартир, казавшихся девочке раем, доносились голоса, гремела посуда, урчал, умываясь, унитаз.

— Танюша, ты будешь со щавелем или с луком и яйцом? – вопрошала тетя Лена.

— Гришка, не ковыряйся за столом в носу!

— «Ах, добрый аист, мы, наконец, тебя дождались...» — вошел голос Майи Кристалинской из пятойверху.

— «И я иду к тебе навстречу, и я несу тебе цветы...» — перекрикивал Муслим Магомаев из шестой.

Надька с интересом прислушивалась – начинался концерт для неё.

Она живо представила, как тетя Лена аккуратно подвязывает пояском от старого халата лоснящийся подбородок, наивно думая, что это спасет его от отвисания. А подбородок с каждым днем становился все более складчатый.

Тетя Клава смачивает реденькие волосы сахарным сиропом, а потом закручивает их на самодельные бумажные бигуди. В задачу сахарного сиропа входило держать в форме нежные локоны. Эти нехитрые секреты красоты Надька давно познала от мамы.

Дядя Петя после сытного ужина на десерт поглощает новости, расположившись на стареньком диване. Одна рука его держит газету, а другая неустанно роется в плешивой голове, выискивая последние волосинки. Это у него привычка такая. Еще 2 года назад, когда он был лохматый, и у него робко стали появляться первые седины, он с таким остервенением бросился вырывать их с корнем (стареть никому не охота, понимала Надька), что уже через год голова стала светиться нежным, розовым светом рассвета. Скоро волос не стало, а привычка дергать их осталась. Надька представила дядю Петю с футбольным мячом вместо головы. Вот он перевернулся с ног на голову, вернее на мяч и несколько раз подпрыгнул, чихнул от поднятой пыли и почесал то место, где должно быть ухо. Смешно.

Но вот наступает тишина, которой так боится Надька. Спасаясь от ее неизбежности, она стремглав бежит домой, богатое воображение подсказывает ей, что сзади за ней гонится какое-то чудовище со страшными волосатыми руками. Она хлопает у него перед носом дверью и судорожно накидывает крючок. На какое-то время становится легче, но ненадолго. Садится с ногами на окно и напряженно всматривается в жуткую и неумолимую темноту улицы, высматривая мать. Но ее не видно, скоро голова начинает клониться и безвольно падает на грудь, помучившись так некоторое время, она ложится в постель, залезая с головой под одеяло, потя и все же боясь вылезти, ведь рядом над ней уже зависла в ожидании волосатая лапа страшили.

Сжавшись в комочек, она с силой сжимает в кулаках одеяло, чтобы злодей не вырвал и не открыл ее. Так под спасительным укрытием проходила ночь. Под утро на счастье приходила мама, которую Надька любила больше всего на свете и ложилась рядом. Теперь ничего не страшно. Уткнувшись носом под мышку к матери, она спокойно засыпала, чтобы утром, проснувшись, мечтать о дальних странствиях, плыть на корабле по теплому, ласковому морю, подружиться с черной пантерой, которая разорвет на части страшное чудовище с волосатыми руками.

Романтика

В десятом классе к ним на урок по профориентации пришел бородатый геолог с рваным, романтическим шрамом через всю щеку.

Позже Яна узнала, что шрам этот геолог приобрел, будучи еще двенадцатилетним пацаном, падая с крыши сарая на стоящие у стены колья, к которым подвязывают помидоры.

Он так захватывающе говорил о науке геологии, в глазах его горел фанатичный костер, искры которого хаотично разлетались по всему классу. Одна из них попала-таки в Янкино сердце и прожгла, но не насквозь. С одного края оно точно подгорело. За траекторией полета другой она проследила. Та метила в сердце Натки — Янкиной подруги. Цель была поражена.

И вот они в одинаковых черных, вельветовых брюках-клешах с красными манжетами по низу (не хватило черного вельвета), в простеньких футболках, в легком шоке — впервые одни, без родителей, едут на край света, в Иркутск.

В поезде весело — студенты, абитуриенты.

— Девчонки, поступайте к нам, в гидрометеорологический!

— Нет, мы в геологический. Геология — это романтика: горы, тайга, песни у костра под гитару.

— Фи, вы чё, думаете, у нас не сидят у костра и не поют под гитару? Мы хоть рюкзаки с камнями на себе таскать не будем! А вы, как ишаки будете гнуться в три погибели, мерзнуть в палатках, корячиться в гору.

Яна посмотрела на Натку, и увидела, что ее сердце потихоньку стало гаснуть.

Иркутск встретил холодным ветром, отчуждением, выхлопными газами. Стало неудобно и страшно.

— Я буду поступать в «гидрач», — решительно сказала Натка и пошла с новыми знакомыми в одну сторону. Это было уже не первое предательство на Янкином пути.

Ей все таки больше хотелось в геологоразведочный, но она осталась в чужом городе совершенно одна. Смелодушничав, Янка поспешила догонять Натку с девчонками.

В общежитии гидрометеорологического техникума подруги получили в распоряжение на целый месяц подготовки к экзаменам шикарную, как им показалось, комнату. Проходили день за

днем, учить билеты они не торопились, надеясь, что еще успеют – времени хоть отбавляй! Слушали музыку – привезли с собой коллекцию пластинок с песнями группы «Битлз», гуляли по городу, катались на катере по полноводной, величественной Ангаре, бродили по шпалам, махая проезжающим мимо в вагонах, китайцам.

Родной Алтай уже мерещился в каждом сне. Янка соскучилась по бабушке, ее расцветающим, при виде внучки, где-то в многочисленных канавках морщин, синим глазам. Натка тоже все чаще вздыхала, вспоминая свою деревушку.

Но вот наступило время первого экзамена по математике. Задания ими были успешно выполнены, и тут Натке пришла в голову прекрасная мысль! Она ее сейчас же озвучила шепотом Янке, сидящей на соседнем ряду.

— Слушай, а может, домой поедem, не будем поступать?! Сейчас прямо на вокзал, купим билеты и вечером уже домой!

Впечатлительная Янка тут же представила эту картинку. Не остановившись на этом, ее мечты полетели все дальше. Тем более, что становиться метеорологом ей совсем не хотелось. В одно мгновение она увидела, как они подъезжают к Бийску, садятся в автобус, и вот она уже подбегает к дому...

Но эту сказку прекратила одной фразой преподавательница.

— Девочки, несите сдавать свои задания!

За тот недолгий путь от парты к столу учительницы решение окончательно созрело, и обе в один голос выдали, что учиться они здесь не хотят!

— Вы же выполнили все задания! Поступите точно! – ошарашенно убеждала математик, но уговаривать их было уже бесполезно.

Они получили по единице и счастливые помчались на вокзал.

*

Потом была незабываемая встреча с Алтаем.

Чуйский тракт весело и уверенно бежит прямо к их домам. Катунь подмигивает зелеными глазами, — Ага, вернулись, беглянки!

А вот и последнее село, с таким красивым названием Долина Свободы. Красиво-то как! Целая Долина долгожданной свободы!!! Гуляй, не хочу! А здесь и до родного села рукой подать!

Янка бежит по тротуару, размахивая сумкой, в ней подарки бабуле – кашемировый платок и костяная гребенка для волос – предел ее мечтаний. Взлетает на второй этаж, открывает пинком настежь дверь, — Не мешай! Вот она – я!

*

Но после праздника, как ни странно, обычно наступают будни.

Скоро подружки начинают понимать необходимость устройства на работу. Янка выбрала себе «Федорино горе»: скоблила котлы, драила кастрюли и сковородки в детском саду. Наташка по утрам и вечерам терла грязные полы на турбазе, и дня через два ей уже стало казаться, что чем больше их трешь, тем они чаще мараются.

Вывод напрашивался сам собой – надо учиться, и не где-нибудь, а в геологоразведочном техникуме! Геология – это все-таки романтика: горы, тайга, костер, гитара и красивые минералы!

На следующий год их путь лежал в старинный город Томск.

Свобода

Больше всего на свете баба Оля любила цветы, ну, если не брать в расчет внуков, конечно! А из всех цветов она отдавала предпочтение горделивому красному маку – все-таки это был любимый цвет той эпохи, в которой прошла ее молодость, это – во-первых. А во-вторых, так как молодость, к сожалению, давно прошла и приближалась, как бы того не хотелось, но старость, красный мак подходил ей еще и потому, что это довольно неприхотливый цветок, очень долго цветущий, не требующий особого ухода. Ей и сеять то его не надо каждый год – он был очень самостоятельный и со многими проблемами справлялся сам, в том числе и с этой. По тем же простым причинам Ольга любила и портулак, называя его ласково «коврик». Его веселый нрав позволял ей забыть о старости и болезнях.

Так вот цветов в палисаднике у бабы Оли развелось так много, что однажды им стало тесно. Кто-то из них, не помню кто, предложил выйти за ограду – мир посмотреть и себя показать. Пошли не все, а только самые храбрые. Сначала они просовывали любопытные головы в щели в заборе, но увидев, как один смелый портулачонок выскочил за ограду и отчаянно уселся рядом с колючей вредной крапивой, тоже полезли, отталкивая друг друга и препираясь, кто первый.

О, как здесь было хорошо! Сколько нового и интересного! А главное, не было ненавистного сторожа-забора, который никуда не пускал, и от которого на них падала тень. Здесь было полно солнца, воздуха, но самыми интересными были люди. Цветы не могли на них насмотреться. Какие они разные! Как по-разному цвели и вели себя: одни спешили, другие часами стояли и разго-

варивали на своем человеческом языке. Были и такие, которые говорили непонятно на каком языке и вели себя странным образом. На таких цветах почему-то было не очень приятно смотреть, но не закрывать же глаза!

А люди тем временем тоже обратили внимание на храбрецов, осмелившихся вылезти за ограду. Они явно любовались ими. Но почему-то хвалили бабу Олю, говоря:

— Какая молодец, не только для себя вырастила, но и для других такую красоту.

Когда баба Оля услышала похвалу в свой адрес, она взяла лопату, вскопала землю за оградой, сделала аккуратную грядку и посадила в нее и другие цветы.

Не было ни одного живого существа, которое не обратило бы внимание на них. Цветы – за оградой, на улице, для всех! Даже самые грустные люди останавливались, и их лица озаряла добрая улыбка.

Любовалась своими цветами и баба Оля. Но однажды после дождя она с ужасом увидела, как их обрызгала проезжающая мимо машина, потом какой-то малыш сорвал цветочек и тут же его выбросил. А после того, как одного пьяного прохожего занесло, и он угодил ногой прямо в середину клумбы (правда, он извинился, увидев цветы), этого она перенести, не могла. Баба Оля в этот же вечер попросила зятя, и он пригородил забор, обнес клумбу хоть и не высоким, но частым штакетником.

Теперь цветам не стало видно, что творится на улице. Им опять не хватало солнца, а главное, не стало хватать человеческой любви, ведь они теперь, как и все нормальные цветы были за забором и на них почти перестали обращать внимание. А им так нравилось дарить окружающему их миру: детям, собакам, автомобилям и даже пьяному прохожему свою красоту и любовь! Ведь от этого все, даже пьяный прохожий, становились добрее и чуточку лучше.

Кирдык

Село, поджаренное солнцем до золотистого цвета, лежало на сковородке земли и, обливаясь, горячим потом, уже совершенно безучастно ожидало своего юбилея.

Сидеть бы в такую жару в прохладном кабинете, но Ангелине Степановне приспичило поехать в банк по делам. Аккуратно сложив ценные документы в оранжево-апельсиновую папку на кнопке, подписав стершиеся за пол — дня бровки, оглядев себя

сытым взглядом, она двинулась к выходу. Но тут, как будто для нее широко распахнулась дверь.

— Думали, свежи, а мы все те же!

Ираида Павловна, собственной персоной, как говорится, подруга дней суровых, голубка, еще не дряхлая совсем!

— Я – в банк, — сообщила, приостановившись, Ангелина Степановна.

— О! А мне тоже в город, к портнихе, вот вместе и поедем!

Узнав, что Ангелина еще должна заглянуть по делам к Дормидонту Прокопьевичу, на бегу вытащила из сумки-рюкзака помаду, наковыряла что-то в ней спичкой и зашпаклевала губки-бантики (все таки не перед кем-нибудь, а перед самим Дормидонтом сегодня предстанет, как лист перед травой).

— Ну, в путь!- скомандовала Ангелина Степановна.

Сердечники и гипертоники в такую жару из домов носы не показывают, ребята и отдыхающие из воды не вылазят, птица не летает – сидит под стрехой или в тени куста. Но Ираида не из тех, кого легко можно запугать.

— Любую непогоду надо благодарно принимать, — говаривала она, помня известную песню.

Омытая осенним дождем, пережаренная летним солнцепеком, овеванная ветрами и укутанная снегами, представала она перед очами изумленных односельчан, выглядывающих в окна. В сорокаградусный мороз она могла за 25 километров поехать за пакетом пастеризованного молока потому, что оно там было дешевле на целых 5 рублей! Так она экономила свою скудную пенсию.

В тот день, когда они с Ангелиной поехали в город, было первое сентября.

В связи с этим Ираида вспомнила о своей пионерской юбке, пролежавшей в сундуке, бог знает, сколько лет и решила сшить из нее модный жилет у знакомой городской портнихи. С этим планом она, обмахиваясь как веером пучком, сорванных за чужим забором, флокс, прибыла к Ангелине.

Степановна по таким пустякам в город не ездила. Натуральное молоко она вообще не пила – брезговала, а о пастеризованном говорила:

— Только кретины способны поверить, что это натуральное молоко!

Портних она тоже не миловала.

— Не хватало еще тратить и без того скудную зарплату на портних!- категорично, будто забивая гвозди, отчеканивала она.

Лет пять назад Ангелина выстригла в палантине дыру, обяза-

ла ее крючком и носила до сих пор, обвешавшись сверху, как елка гирляндами бус.

Ираида Павловна в таких случаях слушала, улыбаясь, не споря с авторитетом подруги, и спешила в город по своим неотложным делам.

Так вот обе наши достойные дамы:

Ангелина Степановна с букетом розочек, оранжевой бесценной папкой с документами и модной сумочкой, доставшейся ей по наследству от дочери, с гирляндой бренчащих бус, в солнцезащитных очках, с «летающей походкой»;

Ираида Павловна – розовые щечки, такого же цвета букет флокс, счастливая улыбка довольной всем черепахи с крашеным чубчиком, внушительных размеров сумка-рюкзак, говорящая о деловитости этой особы.

Итак, летающей и деловитой походкой они вышли из августа в сентябрь, прихватив с собой букеты цветов на случай, если попадет навстречу бывшая учительница.

— Сначала едем в банк, потом к Дормидонту, а уж после к твоей портнихе. Делать тебе нечего, я смотрю, мозолишься туда-сюда по портнихам. Поглядывай вот за этой папкой, у меня тут чужие деньги и документы. Не потерять бы, иначе кирдык!

При магическом слове «кирдык» Ираидины глаза с поволокой остановились как приклеенные на золотистой папке и не отклеивались от нее до тех пор, пока подруги не сели с пылу с жару в горячехонький автобус. Тесно прижатые к друг другу, они не переставали соревноваться в красноречии.

Мужчина, сидевший напротив, наострил глаза и развесил и без того большие уши.

— Девчонки, вы, что с цветами? Поди, в школу пошли?

— Да, в первый класс, — отрубила Ангелина Степановна, давая понять незнакомцу, что разговор с ним будет короткий.

Но Ираида Павловна так не считала.

— А вы будете долго жить. Вы – долгожитель, — нежно пропела она, кокетливо поправив задорный чубчик.

Мужчина, заинтересовавшись, придвинулся поближе.

— Откуда вы знаете?

— У вас очень длинные лопуховидные уши. Владелец таких «спутниковых антенн», — хихикнула она, — всегда долгожитель.

— Что вы говорите! — собеседник подсел еще ближе и, как определила чуткая на это дело Ангелина, готов был уже схватить Ираиду за мягкую ручку зубами. Ее представление о моральном облике простой российской женщины шло в полный разрез с

представлением Ираиды. Этого она допустить не могла.

— Так, мужчина, отодвиньтесь, пожалуйста! Нам сумку некуда поставить из-за вас, — строгим, не терпящим возражения голосом сказала Ангелина и при этом всунула колючий букет розочек между ним и Ираидой.

— Ой!!! — вскрикнули оба в раз, и отпрянули друг от друга.

При выходе из автобуса на их лицах было написано полное равнодушие. Розовый укол охладил пыл обеих сторон.

В банке все прошло хорошо, не считая, что Ираида Павловна битый час истекала липким потом, ожидая окончания банковских «операций», как сказала Ангелина. Подруга представлялась Ираиде в белом халате, со скальпелем в руках. Было как-то не по себе. Но «операция» благополучно закончилась. Дальше их путь лежал прямо к несравненному Дормидонту.

— Дормидонт Прокопьевич, здравствуйте, я смотрю, вы заработались совсем! Надо же давать себе отдыхать. Сейчас есть такие хорошие возможности для приятного отдыха! Можно, например, на канате протаскаться над рекой! Проносишься на скорости и прямо животом задеваешь холодную водичку! Это так приятно, так приятно! Ну, отдохните, я вас умоляю!

Дормидонт молчал и только загадочно и нежно улыбался.

— С каждым годом он становится все красивее, — подвела итог Ираида, выходя от него.

Красным, раскаленным и пропыленным им обеим уже было не до портнихи.

— В другой раз, — решила Ангелина Степановна, сжимая драгоценную папку с документами и деньгами.

— Зайдем лучше в магазин, что-то пить страшно хочется. Но возьмем не сок! Он не натуральный!

Они купили по грейпфруту, довольные вышли из магазина, не отходя от урны, очистили их, с аппетитом, смакуя, съели.

— Эх, хорошо! Руки только липкие стали.

— А если бы к этим липким ручкам да еще бы денежки прилипли, было бы еще лучше! — весело вздохнула Ираида.

И они радостно засмеялись, довольные тем, что почти все дела сделаны.

Потом долго ждали нужный автобус, задыхаясь от сжимающей виски жары. Наконец сели. Ехали, улыбаясь молча. На разговоры уже не было сил. Время близилось к вечеру.

Ираида выходила первая. Они сказали друг другу «до скорого», не зная, что оно случится так скоро. В тот момент, когда Ираида занесла ногу над первой ступенькой автобуса, Ангелина уронила

взгляд себе на колени, где должна была лежать золотистая бесценная папка и не увидела ее. Не веря своим глазам, она посмотрела себе под ноги, но там с одной стороны стояли грязные башмаки студента, а с другой висели макаронинами две ноги спящей девчонки. Ангелину Степановну охватил ужас. Еще на что-то надеясь, она ранено вскрикнула на весь автобус, разбудив всех спящих и напугав всех бодрствующих.

— Ираида Павловна!!!

От этого истощного крика нога Ираиды застыла в висячем положении, да так и осталась до конца выяснения обстоятельств.

— Где папка?!!

Головы всех сидящих стали крутиться и искать потерявшегося в автобусе папку.

— Как можно потерять папку? Он что иголка?- недоумевала чопорная старушка.

— А кто их знает, они сами-то себя скоро потеряют, сердито сказал сидевший рядом с ней ветеран, уставший от лишений войны и жары.

Глаза Ираиды осоловели блуждали, не находя ответа.

Подпрыгнув, как ужаленная, Ангелина выскочила сама и выдернула оторопевшую подругу из автобуса.

По спинам их пробегал легкий холодок. Они брели, не зная куда, а ноги сами вели их к остановке.

— Иди домой, я поеду искать одна! — трагичным голосом произнесла Ангелина Степановна.

— Нет уж, поедем вместе! — не менее трагичным ответила Ираида.

— Она настоящий друг... — где-то отдаленно проплыла мысль во взбудораженной голове Ангелины.

Они снова сели в горячий автобус, тесно прижавшись к друг другу, скорбно повесив головы.

В магазин, где покупали грейпфруты, они бежали, не видя запрещающих сигналов светофора. Раскидывая по сторонам очередь, одновременно закричали с мольбой в голосе.

— Где папка?

— Чей? Как его фамилия?

— Да золотистая папка с кнопочкой, с документами!- просто-на-просто Ангелина Степановна.

— Цвета свежего грейпфрута! — зачем-то некстати вспомнила Ираида Павловна и тут же увидела по недоуменным глазам продавца тот самый обещанный подругой «кирдык». Обеим дамам стало дурно. Ангелина машинально полезла в сумочку за спаси-

тельной валерьянкой, Ираида расстегнула воротник блузки, задержала головой, как будто пытаясь выкарабкаться из нее.

На поднятый переполох спешил администратор магазина. В руках его светилась злополучная папка.

— Пересчитайте деньги, убедитесь, что все на месте.

Обе готовы были нести папку на вытянутых четырех руках. Ошалевшие от свалившегося на них счастья, они благодарили администратора, продавца и всех покупателей.

То ли от неприятного запаха валерьянки, то ли от тесного единения душ двух подруг, но «кирдык» сник и отступил. Ангелина достала из сумочки веер и отмахнулась от последних его остатков. Ираида, набрав полные легкие загазованного воздуха, увидев проходящего обаятельного мужчину, легким движением приподняла сникшую от «кирдыка» пышную грудь. Жизнь закипела с новой силой. В автобусе они не переставали, казалось, соревноваться в краснословии.

Вера Сибирцева

С детства, прочитанные для меня книги, моим отцом или потом мной — становились руководством к действию или предостережением от ошибок. Я внимала прочитанным историям, и они меняли меня, мое поведение, мое ощущение в мире, они делали меня счастливой и неудовлетворенной. Наверное, потому, что мне хотелось самой тоже что-то сказать людям, которых я очень люблю и хочу, чтобы и они любили — своих близких, свой дом, свою страну.

Цена Надежды

Надя работала лаборанткой в бюро судебно-медицинской экспертизы. Вскрытие она не делала, а только стучала на машинке, записывая то, что диктовал врач-эксперт. Хорошенькая медсестра была лучом света в царстве криминальных трупов, вещдоков, запаха формалина, лаборантской посуды с замоченными в ней фрагментами травмированной кожи и ненормативной лексики экспертов. Мужчины-коллеги и, заходившие по делу, мужчины — следователи — почти все не оставляли ее своим вниманием. Она ходила с ними в кино, принимала подношения, мило улыбалась и при этом строго и тщательно следила за чистотой на столах.

Когда Надя училась в техникуме, у нее был роман, первый. Это был молодой парень из разряда настоящих. С настоящей мужской внешностью, надежностью и с настоящим чувством. У нее сохранилась фотография, на которой они с Сашей купаются. Просто стоят по пояс в воде, а между ними круги: водяные — от нее к нему, а от его взгляда к ней — круги обожания и любви. Тоненькая, с короткой стрижкой, в закрытом купальнике девчонка и плечистый, спортивного сложения парень, кажущийся таким большим по сравнению с ней, но беззащитным перед ее очарованием. Это был совсем хрупкий роман — даже не роман, а его предчувствие, которое не устояло — растворилось. Саша был из рабочих — скромный, прост и не навязчив, но, как она тогда решила — не ровня — все еще впереди.

В то советское время у Нади была хорошая зарплата — все-таки вредные условия работы — она не отказывала себе ни в чем. Мама была техничкой в магазине для новобрачных и доставала дочери

импортные платья, обувь, крема и духи. Все эти атрибуты вкупе с молодостью и хорошей фигурой давали Наде возможность чувствовать себя неотразимой. Она была счастлива.

Ей давно хотелось съездить куда-нибудь — мир посмотреть и себя показать. И таким путешествием оказалась поездка в Финляндию. За границу Надя ехала в первый раз — загрузила чемодан с нарядами, туфлями на каблуках, и даже захватила прозрачный кружевной пеньюар с такой же сорочкой: на всякий случай — решила она. Жила Надя тогда вместе с родителями в хорошем доме, где у нее была своя комната и грядки за окном. Улица была хотя и недалеко от центра, но не благоустроенная — с грязью в дождь и пылью в жару. Зимой — сугробы, разрытые только у калиток и ворот, да редкие фонари, гаснущие глубокой ночью, когда, якобы никому ходить.

И вот девушка из этой русской сибирской провинции, проехав почти треть огромной страны, оказалась в Хельсинки. Первый же отель с широкими лестницами в коврах, с резными перилами, дверями с ручками под золото, с умывальником и душем прямо в номере за тяжелой бархатной занавесью сразили ее наповал. Она стояла, ошеломленная у широкого окна и рыдала. Мир, который она видела только в кино, оказался реальностью. Реальностью для нее, молодой девушки из Сибири. И, надо же такому случиться, что в этом сказочном мире из грез нашлось место и прекрасному принцу — его привел в номер к туристкам водитель их автобуса. Звали принца русским именем Сергей. Оказалось, что мать у него была русской, а отец швед. В этом парне все было прекрасно: белый льняной костюм, батистовая тонюсенькая рубашка, черные замшевые туфли и будоражащий аромат парфюма. Оглядев девушек, он сразу выбрал Надю — ему понравилось состояние небольшого шока, в котором находилась русская. Прекрасная, даже литературная речь белокурого красавца, взгляд голубых глаз, понимающих ее смущение, сделали свое дело: Надя немедленно влюбилась. Он взял предложенную сигарету с ментолом и покиношному затянулась, закинув при этом ногу на ногу. Сергей понял, что девушка делала это в первый раз. Он пригласил Надю в бар, но она не решилась — незнакомая страна все-таки, не получилось и погулять по городу. Но ночь они провели вместе. Вечером прозвучал телефонный звонок и Надя, нарядившись в шелковое платье, полетела в номер к Сергею. Что там было, знают только эти двое, а наутро они разъехались каждый со своей группой. Сергей был гидом и торопился к своим туристам, так что простились они на людях, почти официально. Их автобусы одновременно тро-

нулись и покатили в разные стороны. Сергей прощально помаха-
л рукой, и машины растворились в солнечном тумане майского
прибалтийского утра. Всю оставшуюся дорогу – в автобусе и по-
том, в поезде Надя, что называется, не просыхала от слез. Этим так
растрогала финнов – гида и водителя, что когда группа садилась в
поезд до Москвы, один из них подошел к ней и, погладив девушку
по плечу, подал листок. Это был адрес принца.

Дальше была переписка с Сергеем, и вскоре он сообщил ей,
что будет учиться в Ленинграде. То, что Надя решит тоже пере-
браться туда, ему и в голову не пришло. Ничто не могло остано-
вить ее от такого шага – девушка активно взялась за дело, и это
ей вскоре удалось – она получила работу статистика в здравпункте
порта и маленькую комнату в коммуналке на Петроградской сто-
роне. В коллектив она вписалась легко – скромная провинциалка
была покладиста и аккуратна – отчеты вела исправно и сдавала
вовремя. Про свою связь с иностранцем Надя не распространя-
лась, да и сама связь оказалась хлипкой и говорить было бы про-
сто не о чем – они не гуляли вместе, он не приглашал ее в гости,
а когда приходил к ней, то старался незаметно проскользнуть по
темному коридору коммуналки, и оставался совсем недолго – но-
чевать уходил домой. Говорили, в основном на нейтральные темы,
а то ради чего она приехала в Ленинград никак не происходило.
Сергей для нее все больше и больше становился желанным. Она
никогда не знала, надолго ли он уходит и когда придет в следую-
щий раз. Жизнь ее превратилась в сплошное ожидание – ожида-
ние прихода Сергея, ожидание, что они наконец – то объяснятся
и она расскажет ему, как любит его, чего Сергею вовсе не хоте-
лось. Их отношения становились ему в тягость, он не собирался
развивать их, но и разочаровать Надю тоже не мог. Похоже, что
она начала это понимать. И только любовь к Ленинграду, кото-
рый невозможно было не полюбить – эта вторая любовь под-
держивала девушку в чужом городе. Пустынные ранними утрами
улицы, влажный с капельками воды воздух – магия города с ве-
ликой историей, ненавязчивость соседей и сослуживцев – все это
было подарком судьбы. Она могла часами гулять и придумывать,
что скажет Сергею при следующей встрече и что он ответит, это
были бесконечные диалоги в уме. Она уже не мечтала как раньше
о любви, замужестве и переезде в Финляндию, она просто хотела
родить ребенка и жить с ним, довольствуясь хотя бы редкими ви-
зитами Сергея-папы. Может, когда-нибудь она решится сказать
ему об этом. Но однажды вечером пришел Сергей, он был очень
расстроен, сказал, что попал в неприятную историю. Накануне

ему в ресторане подкинули наркотики, и он попал в милицию. Утешать себя не дал, по-быстрому простился и ушел. Дальше завели дело, и суд постановил иностранцу покинуть Россию — обольстителю пришлось ретироваться восвояси. Оттуда он написал Наде длинное, письмо, в котором литературно изложил, что Надя, конечно же, очень хорошая девушка, но он уже несколько лет живет с женщиной, которая старше его на четыре года и предать ее он не может. Потом, кажется, были еще несколько писем, как одиночные выстрелы, сделанные для поддержания легенды о любви, а на самом деле убивающие эту самую любовь. Опять были слезы и слезы... Ее долго не оставляла надежда, что Сергей еще появится, и она простит его за все не случившееся и это желаемое, наконец-то случится...

Эта история истощила Надежду — она стала терять интерес к жизни. Ей бы радоваться, что неопределенные отношения закончились, но не хотелось расставаться с придуманной сказкой. Ее ничего не интересовало, она не принимала участия в праздничных посиделках с сослуживцами, никуда не ходила кроме работы и магазинов, у нее не завязывалась дружба — после Сергея, казалось, уже никто не сможет ее увлечь.

Иногда ее одиночество нарушали бывшие сослуживцы, назвавшие из родного города. Чаще других приезжал в командировку Владимир. На работе он волочился за другими женщинами — Надежда не входила в группу его симпатий. Поэтому она, не боясь, принимала его в своей комнатенке. Наверное, когда молодой мужчина и девушка ночуют вместе на пяти квадратных метрах, то трудно представить, чтобы между ними не возникли отношения, которые называют близкими. И, Владимир, через некоторое время стал делать все, чтобы они стали таковыми. Он поражал соседей, готовя на кухне разнообразные угощения, удивлял Надежду замечательными, писанными специально для нее стихами и не скупился на подарки. Это не был флирт — он влюбился в доселе не признаваемую им девушку. Их прогулки были интересны и приятны — очень высокий харизматичный мужчина и тоненькая русоволосая девушка — привлекали внимание прохожих. А когда эта самая близость произошла, то наутро Надя проснулась в постели, усыпанная розами.

Потом было возвращение домой, в родной город, где роман с Владимиром вошел в затяжную фазу — он был женат, но жена была тяжелобольная и должна была вот-вот умереть. Можно было его бросить, но для чего тогда было уезжать из Ленинграда — и это останавливало. Вроде бы непорядочно было ждать смерти жены,

но ведь ее никто из них не убивал.... Просто ждали и все. Честно говоря, Наде хотелось выйти за него замуж. Владимир был из хорошей, состоятельной, влиятельной в городе семьи, что она считала вполне подходящим вариантом для себя.... И вот он сделал предложение — они поженились. Вскоре родилась Маша, и надо было видеть их вместе, чтобы восхититься силой отцовской любви. Когда Маша стала подрастать, он мастерил ей взрослые игрушки, которые невозможно купить в магазине: весы, кассовый аппарат с ручкой, прилавок для товаров. Дочь любила играть в магазин, а покупателем, конечно же был папа. Они жили в однокомнатной «хрущевке» в центре города, вечерами чинно прогуливались по центральному бульвару среди местного бомонда, ходили с родителями Владимира на все кинопремьеры. И когда Надежда шествовала в составе такого видного семейства по залу, полному зрителей, ее душа пела от гордости за себя, за то, что она попала в такое общество. Но прошло совсем немного времени и Надежду стало раздражать то, что муж курит, что моется не так часто, что любит рыбалку и свою дочь от первого брака и вообще много что еще делает не так. К тому же свекровь оказалась жадной и не очень привечала молодую сноху. В общем — развод. Да так эмоционально все произошло, что куда-то подевалась отцовская любовь к дочери — видно рассеялась по судам и скандалам. Бывшего мужа она возненавидела, но стихи, которые он ей посвящал в городе на Неве, спрятала, не сожгла. В них он описал ее такой, какой она сама себя представляла, когда в беседе с подругой говорила: «цену я себе, в общем-то, знаю».

Девочку Надежда растила одна — от Владимира получала только мизерные алименты. Ей пришлось уволиться, чтобы не работать вместе с бывшим мужем. Времена были трудные — она мыла пол сразу в нескольких местах — при этом очень уставала физически и еще больше морально. Однажды в дверь художественного салона, где она работала, вошел ее бывший муж с не умершей женой об руку. Увидев Надю с половой тряпкой в руках, он замер у двери и придержал жену, чтобы не наследить — погода была сыкатная. Надежда онемела, но быстро пришла в себя и даже постелила выжатую тряпку перед ними на порог. После этого унижительного для нее случая, Надя мыла торговый зал только после закрытия, без посетителей. Она не выступала на родительских собраниях в школе — стеснялась — ей, привыкшей выглядеть лучше других, было совсем нелегко показываться на людях. Без преувеличения все заработанные средства шли на Машу, которую она старалась кормить деликатесами и одевать из модных магазинов,

а не с базара. Сама при этом донашивала старые вещи, благо они были хорошего качества и носились долго. Владимира она видела изредка. При этом они не здоровались и, отвернувшись друг от друга, прибавляли шагу. В беседах с малочисленными подругами называла бывшего мужа не иначе, как козлом и не ленилась перечислять за что. Дочь при этом она не стеснялась и, таким образом, Маша усвоила с малых лет, что папа — козел.

Как-то летом, спустя лет пять после развода, она познакомилась с командированным из района. Виктор был (по его словам) одним из владельцев намечающегося завода одноразовых шприцев. Он приходил к Надежде вечерами с бутылкой вина и закуской. Причем закуски было ровно столько, что когда он уходил рано поутру, завтракать приходилось уже из ее запасов. Его визиты были внезапными и редкими, а совместный досуг лишь намечался, но все откладывался. Устававшей на работе женщине, близость с холемым мужиком была почти в тягость, да и нельзя сказать, что он ей нравился, но бизнесмен обещал место секретаря в его будущей фирме, и она встречала его, укладывалась с ним на диван и отправляла дочь спать за шкаф, на раскладушку. Когда любовник понял, что от него чего-то ждут и строят планы, то внезапно исчез. Телефон его вскоре перестал отвечать и вариант угас. А жаль — это был вполне тот уровень, на который она себя ставила.

Надежда становилась все больше и больше затворницей, никуда без особой надобности не выходила. Приглашали подруги по праздникам, но в гостях, да еще в праздник ей было особенно одиноко и невыносимо.

Как-то Надя пожаловалась соседке, что у нее потек кран на кухне, а денег на слесаря нет. И та прислала на помощь одинокой подруге своего родственника. Кран был вмиг отремонтирован, платой последовало чаепитие. Николай стал звонить, потом еще что-то отремонтировал и изъявил готовность всегда это делать впредь и с большим удовольствием. То есть, начал ухаживать. Хоть он и был слесарь, но слесарь образованный — с ним скучно не было. Ему явно нравилась грустная, худенькая с нежным голосом женщина, которая не кокетничала с ним, и только помогала, подавая инструменты. Потом вежливо благодарила его, и пожимала руку, прощаясь. Он был готов отремонтировать всю ее квартиру, но так сильно быть обязанной Надя не хотела — ей было бы неловко дать ему от ворот поворот после такой услуги, которую делают бесплатно только близким людям, а сближаться Надежда не хотела. Николай был не женат, молод, не испорчен. С ним было легко, он не позволял лишнего, не говорил глупостей, не имел вредных

привычек, но и перспективы по ее понятиям, тоже не имел. Глупая, она все еще думала о какой-то перспективе. Мужчина вскоре понял, что его не хотят и больше не появлялся, как в прочем не появился больше и никто другой.

И стало Наде все вокруг противно. Противна работа, противны высокомерные начальницы, противна квартира, давно требующая ремонта, противен сломанный диван, на который можно было садиться только на строго определенный участок, иначе – перевернешься, противны погода, город, люди. Продавцы были невежливы, врачи невнимательны, соседи любопытны, родственники наглы, а сама она считала себя фатально невезучей. Но больше всего она ненавидела мужчин, теперь уже, кажется, вообще всех. И никогда не упускала случая, чтобы констатировать: все мужики — козлы. Радость была только в дочери, которая оказалась очень умной девчонкой. К тому же она была честолюбива — училась лучше всех в школах и кружках, куда ходила. Маша танцевала, играла на пианино, хорошо говорила по-английски, побеждала во всех конкурсах и олимпиадах. Такая студентка могла быть гордостью любого института, но для ее неординарного, как ей казалось, ума, в России не было применения. Лицом и фигурой Маша была похожа на своего отца — высокая, крепко сбитая, с уверенной медлительной походкой. А выражение лица мамино — неулыбчивое с налетом независимости. Она одевалась смело и со вкусом, была самостоятельна и хорошо воспитана. Надежда не только любила Машу без меры, но и восхищалась тем, что дочь так превзошла ее во всем. Но между тем, они были подругами — одинаково мыслили, одинаково относились к происходящему. Маша, не смотря на насыщенную жизнь с интересными поездками, походами и другими молодежными развлечениями — как и мать не любила все вокруг — родной город, непритязательный быт, слишком наивных и примитивных ровесников — ей очень хотелось уехать в Америку. И при первой же возможности она уехала туда по учебной программе на три месяца. А когда срок закончился, то на Родину решила не возвращаться. Мама была только «за» — это было программой минимум и такое решение дочери ее обрадовало.

Обосновалась Маша в Нью-Йорке, училась в колледже, вечером подрабатывала в кафе — сначала официанткой, а потом умную и серьезную девушку поставили администратором. Надежда же работала в семи фирмах, чтобы посылать ей деньги на учебу. Она мыла пол в офисах, убирала богатые коттеджи, носила подаренные хозяевами, вышедшие из моды «фирменные» вещи. Как-то раз ей пришлось попросить у одного из них взаймы двадцать тысяч,

на что получила ответ, что денег займы ей дать не могут, так как принципиально этого не делают, а если дадут, то только безвозмездно – для них это совсем небольшие деньги – но не дали. Тогда она поняла, что когда ей отдавали вещи, это были не подарки, просто ее использовали как корзину для ненужного хлама. Вспоминала ли она тех, кого любила или думала, что любит, жалела ли о ком? Как-то раздался телефонный звонок и ей сообщили, что умер ее бывший муж, отец Маши. Это было для Надежды сильным ударом – она несколько дней находилась в ступоре. Потом нашла стихи, которые писал для нее Владимир еще в Ленинграде, читала их и плакала. Они показались ей совсем не такими, как двадцать лет назад, в них было столько искренности и любви – они угадывали ее желанья и предлагали исполнить их... Она достала с пыльной полки альбом и нашла там портрет Владимира. Надежда всматривалась совсем по-новому в знакомое, но уже позабытое лицо. В нем она нашла тоже что-то так необходимое для нее, но не увиденное тогда, когда он был рядом. Когда он ходил по комнате, сидел с ней на диване, играл с дочерью. Она опять потеряла что-то большое и важное, но невозвратно ушедшее. Постоянная депрессия опустила уголки ее рта, плечи поникли, походка стала прихрамывающей – болели спина и ноги. Она выглядела жалко, понимала это и старалась не встречаться с благополучными подругами и вообще ни с кем из прежней жизни. Многие ее бы и не узнали. Работа и только работа ради светлого будущего, а Надя очень хотела вслед за дочерью уехать в Америку – там все будет по-другому, казалось ей. Она жила, не живя, переживала, не замечая идущую полным ходом жизнь. Ее город рос, преображался, появлялись все новые и новые магазины и дома, благоустраивались парки, строились спортивные залы, развлекательные центры – люди становились благополучнее, увереннее, свободнее. И эта жизнь небольшого современного города уже не так разительно отличалась от той, западной, о которой она мечтала...

К тому времени ее дочь в Нью-Йорке сняла отдельную комнату и жила теперь одна, без подруг. Она купила породистого кота, которого водила на стрижки в парикмахерскую, ездила отдыхать в Майами, Доминикану и еще куда-то, продолжала учиться и нашла работу, дающую возможность тусоваться среди «звезд» и наслаждаться прочими радостями сытой Америки. Ей, конечно же, хотелось выйти замуж за американца, но вокруг были только такие же, как она, эмигранты. И вот, наконец-то повезло – она познакомилась с Робертом. И он стал приходить к ней домой. Что-то такое уже было в жизни ее матери – встречи только на ее поле

по выходным. Иногда Роберт их отменял из-за того, что уезжал на уик-энд с друзьями, и тогда она злилась и думала, что в следующий раз откажет ему. Маша не могла скрыть от матери свою личную жизнь, а Надежде никак не хотелось верить в намечаемый вариант, так знакомый ей по собственной жизни. Иногда, скучая в одиночестве, Маша подходила к окну, выходившему на неширокую улицу без деревьев, без солнца и вообще без ничего — даже без собак. Шкаф у нее был напихан всевозможными футболками, джинсами и другими вещами, купленными на распродажах — некоторые были даже с этикетками. Раньше бы это грело ей душу, но сейчас не помогало ничего — ни горячий кофе, ни дорогой и породистый кот на руках, ни американское шмутье, сшитое в Китае. Маша понимала, что Роберта она не любит и не понимает, просто это был вариант, если бы он женился на ней. Но речи об этом не шло. Ее русская подружка, Люся, приехавшая в Нью-Йорк из какого-то города в центральной России, работала официанткой, купила машину, сняла жилье и была довольна-предовольна тем, как она прекрасно устроилась. Маша одно время составляла ей компанию в ночных развлечениях, но вскоре поняла, что это не для нее. Она поняла, что ей не хватает русского пейзажа за окном, улочек с деревьями и посиделок с родственниками, оставшимися в России, просто посиделок дома, а не в кафе. С простыми кушаньями на столе без этикетного звяканья ножами и вилками, а с дружным хохотом и с песнями про любовь, исполняемых не под караоке, а нестройно, но с большим чувством. Ей не хватало того духа, который витает в русской среде и который называют русским... Она пугалась последовавшего бы за этим вывода, боялась не оправдать надежд матери на их счастливую жизнь в Америке. Но Маша была умной девушкой и не думать не могла... А подумав, решила, что ни Роберт, ни какой другой американец никогда не составят ее счастья, что к ней никогда не переедет мама, а если и переедет, то сможет только мыть полы или быть прислугой, и что у нее осталось совсем немного времени, чтобы успеть сделать ее счастливой...

Надежда никак не могла проснуться — вчера поздно приняла снотворное: все хотела заснуть без него, но не получалось. А звонок все звенел и звенел. Пришлось встать — похоже, звонивший уходить не собирался. Замок, как всегда не хотел открываться — пора бы новый поставить, да кому это нужно? Наконец она распахнула дверь — на пороге стояла красивая молодая женщина и знакомо улыбалась — это была ее дочь, это пришло ее долгожданное счастье...

Галина Свириденко

Прикосновение к творчеству... мимолетное, но от этого не менее волшебное ощущение чуда, тайны. Слова – просто инструмент, как нити в сложном полотне, формирующие узоры, смысл, сюжеты. В их переплетении – радость и боль, удивление красотой мира, одиночество и чувство сопричастности всему живущему, досада на непогоду и восхищение природой, грусть об ушедшем и надежда на будущее. Всё в этом калейдоскопе живо и реально, всё – маленькие сверкающие грани Большой Души. Пусть слог и ритм порой не совершенны, но тем искренней воспринимается душевный порыв, тем естественней выражение эмоций и чувств. Галина - поэт и сумела сохранить чистый и наивный, доверчивый взгляд на мир. Взгляд ребенка. Говорят, мир добр к детям. Пусть он будет также добр и к ней.

Мельников Д.А, нейрохирург, поэт

Стихи прилипают к душе...

*Без нитки, иголки, без английской булавки
Стихи прилипают к душе как пиявки,
Роятся и плещут в излюбленный миг
Прозрачные, как животворный родник.*

*И вот уж текут, облекаясь в слова,
Их ловишь спонтанно, коснувшись едва.
Потом наступает момент – они рдеют,
И вот их листаешь, страницы твердеют.*

*И может за тем, чтобы души не кисли
Фонтаном забьют потаенные мысли.*

Время муз

*Когда дожди густым потоком
закроют поднебесный свод,
приглушены все звуки нот
и горизонт не видно оком.*

*Исчезнет если неба груз,
Земля приемлет чисты струи,
Вздохнешь тихонько как-то всуе,
И ощутится время муз.*

*Они посыплются пургой,
Но не потребуется меха,
Как будто радужное эхо
Коснется розовой дугой.*

Я выросла у речки, у степной...

*Я выросла у речки, у степной,
На ее дне нога в песке тонула,
Вода спокойно к телу льнула,
И не пугал нас летний зной.
Как редки были там дожди,
Жарой степною опалены,
Бросались на песок каленый,
Катя волной его к груди.*

*Озябнув от заплывов, присмиреев,
Мы разгребали те барханы-складки.
Песок нещадно прожигал лопатки
Мгновенно успокаивал, согрев.
Воды спокойной благодать,
Восторженными были наши крики
Взрывалась водяная гладь
В ней отражались солнечные блики.*

*Под вечер всей толпой из дома
Искали место лучшее свое.
Каким счастливым, было то житье,
Но все ж со страхом обходили омут,
Который поглощал людей и скот,
И где кончался мир забот
Для тех, кто вел себя халатно.
Размеренно спокойная река,
Под дуновение степного ветряка
На берег отдавала вдруг обратно
Ушедшего навеки земляка...*

*Но горная река сменила ту, степную.
Теперь я в ней. Рукой махну и...
Не в силах я тягаться с ней,
Она сшибает с ног, она сильнее,
И не дает мне плыть, грести,
Стремится на средину унести.*

*Ей что, я для нее как щепка.
Волной своей она хватает цепко
И даже духа не дает перевести.
О, гордая река, меня прости,
Так жалуюсь тихонько валуну я
На ледяной твой горный лик.
Пусть тебя любит, кто к тебе привык,
А я люблю, спокойную, степную.*

Подарок

*Мне подарили горстку счастья
В один из дней запросто так
Странный прохожий в одночасье,
Казалось бы, такой пустяк!*

*В хрусталь на полку положить,
Или к окну в горшок цветочный?
Способность радоваться жить,
И счастье поселилось в доме. Точно!*

*Оно пришедшего обнимет,
Тайно подаренное мне,
И радоваться буду с ним я
Со всеми и наедине.*

*Плесну я счастьяца в бокал
Его не расплескать бы,
И кот из мисочки лакал
Счастливый, на моей усадьбе.*

И сложно быть...

*Крадется ночь. В отеле темноты
погребено всё буйство красок.
Закат не виден, как и ты
и никому не нужно масок.*

*Не обожжет лица лучом
Так холодна и бледнолица
Луна, с которой нипочём
Ночь совершенства не сравнится.*

*Поет романс в саду сверчок,
Выводит трели осторожно.
Его божественный смычок
Ничем нарушить невозможно.*

*И остановится когда,
В душе чуть сиротливо станет.
Летит упавшая звезда-
Миг исполнения желаний.*

*Времён – песочные часы
Засыплет память пыльной вьюгой
И вновь колеблются весы,
И сложно быть тебе подругой.*

Есть у августа все примета

*То ли осень свалилась с небес,
То ли сумрак прорвался с рассвета
И куда же девается лето?
Впрочем, голубь воркует что есть.*

*Солнце чуть приоткрыло фату,
Колосит нешутейно космея,
Небо держит бумажного змея,
И резвят воробьи на лету.*

*Есть у августа все примета,
Он не так беспричинен и прост
Впрочем, тучи ушли на погост.
Пусть грибное, но все-таки лето!*

Запоздалое признание

*Из тысячи лет позвонил одноклассник,
Из самого города детства почти.
Таинственный, смуглый мальчишка-проказник
Сказал обреченно, — Я умер почти.*

*Я думал, что песня моя с тобой спета
и долгие годы тебя забывал.
Бессмысленны были степные приветы,
А встретив, тебя я совсем не узнал.*

*И сердце свело от нечаянной боли,
Почти навернулась скупая слеза.
— На той отдаленной нелепейшей встрече
Чего-то тебе я совсем не сказал.*

*Летела сосулька со сказочной крыши ...
И можно назвать ли нас словом «друзья»?
Но что-то с того, что хотелось услышать
Мне жаль, что в тот миг не услышала я.*

На дороге лежат стихи

*Задержалась в ночи заря.
Осень. Брошены гнезда свитые.
Лес обилье листвы потерял,
Птицы в небо стремятся сытые.*

*Посвернулись в руно лопухи,
Сохнут травы, дождями избитые.
На дороге лежат стихи
И затоптанные и омытые.*

Отзовитесь!

*То, что в жизни моей было
 снегом рыхлым завалило,
И чеканит след ноги
 шпилькой-спицею.
Режешь сам себе круги,
 воспарив синицею.
Вперемежку с забытьём
 кружатся события,
А за форменным житьём
 теплятся открытия.
Сумка вслед через плечо
 с пойманною тайною.
Холодно иль горячо
 становиться крайнею!
И найдешь ли кто виной:
 леди или витязь!
Есть ли кто-нибудь со мной?
 отзовитесь!*

Ещё природа смотрит сны...

*Серьезный лик зимы и декабря
Нарушен возгласом синицы.
Ей почему-то вдруг не спится,
Хотя рассвет и, стало быть, не зря.*

*Но каждый день всегда в нови
Такая свежесть и морозность.
Сегодня иней проявил
Вновь уникальную возможность.*

*Еще природа смотрит сны,
И бьет родник фонтаном вроде.
Грации будущей весны
Пока не видно в непогоде.*

Начинается осень

*Начинается осень. Свежо. Желтый лист
Окружает неспешно сырые отавы.
Стаи птиц оголтело взлетают на бис,
Изумруды теряют поникшие травы.*

*Не теряет величия таинства бор,
Понимаешь язык изначально эзопов.
И к нечаянной радости, как на подбор,
Оживают грибами забытые тропы.*

*У природы есть множество маленьких правд,
Открывается часть. Принимаешь и веришь,
Но случается вдруг то, что было вчера
На сегодня уже из того не примеришь.*

*И не веря порой ни в одну из примет,
У желаний в плену откровенно зовущих
Так торопится в небо рубинов рассвет,
Удивляя и радуя сонмы живущих.*

Лето – вчерашний день

*Яркое солнце – где?
Капля дождя – слеза.
Лето – вчерашний день
Так календарь сказал.*

*Плакали тучи ливнем,
В лужах блестят пузыри.
Белым слоновым бивнем
Облако в час зари.*

*Знать для чего-то создан
Ветра шальной каприз.
Легким кивком береза
Плавнo роняет лист...*

Вечерний октябрь

*Вечерний октябрь отражается в лужах,
Он видно забыл, что рождаются стужи,
Измятые, низкие в тон облака,
В нем даже оттепiliло как-то слегка.*

*И этот октябрь-хулиган на закате
Был так по душе всем прохожим и, кстати,
Кирпичного цвета ржавела трава,
А он как умел теплотой согревал.*

*И странная схожесть во всем том была,
А лужи молчали о том. Зеркала
Являли прекраснейших россыпей зерна,
В них мир изначально был весь перевернут.*

Прощание

*Цветущая калина средь аллея
Склоняет ветер образа живые,
Зеленые роскошества кривые
Становятся заметней и белей.*

*Быть может так уходит рыба в нерест,
То выпрямляясь, то в изгибе стан,
Касается земли обвисший шелест
Пока еще не вызревших румян.*

*В короткий полдень или в вечеру
Весна так незатейливо прощается,
Как будто многоопытный гуру
С цветущею калиной совещається.*

Все станет другим...

*Блеснет краем облака желтый огарок
И будет видение всем нам в подарок.
И мир вдруг покажется как неземной,
И то никому не случится виной.
Появятся тени под стрекот сверчка
И что-то почудится как бы слегка:
Бросок вдруг прозревшей на время совы,
И что-то достанет она из травы
В молчанье обвисших суровых ветвей,
Где спит заблудившийся в них суховея.
И в этом затишье есть всплески со дна.
Виденьями часто бывает полна
Бессонная тайная лунная ночь.
И кто до её приключений охоч,
Воспользуйся тем, что даровано летом.
Все станет другим на пороге рассвета.*

Среди однотипных коралловых будней...

*Среди однотипных коралловых будней
и день то, казалось, совсем был не судный,
в нем дыбился месяц. Он тьму прерывая,
упрямо цеплялся за скорость трамвая.
А что рисовал, то порою не знать бы.
Венчанием крыл августовские свадьбы,
Но тем и ценился тот лунный виток,
Что судьбы людей ставил все на поток.
Манил расписными своими рогами,
И связывал нитями, то бишь долгами.
И было делов-то лишь взять отвернуться,
Но миг это был, что нельзя разминуться,
А то, что вершилось неведомо – есть!
Любимых, разлюбленных стало не счесть.
К рассвету, что мороком было, то стыло
И есть ли сомненье, что все это было?*

Растаял снег в улыбке дня

*Растаял снег в улыбке дня
Его следы в отчетливой парковке.
Должно быть непогодь кляня,
Промокший клен на остановке.*

*Мелькают куртки и плащи,
Дождь невоспитанно несдержан.
Уже октябрь зимой повержен
И ни с кого тут не взыщи.*

*Поляна инеем одета
Листья растерянно кружат.
Воспоминаньем стало лето
В руках его не удержать.*

Да будет свет, или не будет...

В один зимний день январского пошиба третий этаж общежития выбило из колеи. Дело заключалось в том, что с наступлением вечерних сумерек их коридор и подъезд оказывались в такой темноте, что невидимая входная дверь доставала проходящего не хилым ударом в лицо или спину. Впрочем, частенько идущие навстречу друг другу соседи могли так же хорошо налететь друг на друга, что более тесного знакомства и желать не приходилось.

Они, конечно, и дальше могли бы экономить на электрификации своего коридора, но вот не смогли. Дом был старый и преобладал там контингент со значительной частью возрастных приобретений, то есть: наличием подслеповатости, шаркающей походки и глухоты. Исключения составляли молодые квартиранты, студенты, внуки да правнуки, отданные на попечение уютной и заботливой старости.

Об уюте собственно и речь. Игорь Александрович, владелец угловой квартиры, не являлся домкомом, но приучил весь этаж к тому, что в случае ЧП со светом, он спешно выделял лампочки из своих резервов, что экономило время и средства работников ЖКХ. И какая муха его укусила перед исконным мужским праздником, одному Богу известно, но когда сторела последняя лампочка, он решил распрощаться с укрепившейся кличкой Доброхота.

— А и в самом деле, не дурак ли я? — выдал он свои соображения на этот счет супруге, — Пусть лучше домком шевелится.

Через несколько дней даже те соседи, которые не знали, как его зовут, начали взглядами сверлить спину Игоря Александровича. А когда одна из особо озабоченных женщин спросила:

— А почему, Игорь Александрович, у нас не горят лампочки?

Он, не оборачиваясь, ответил, что не худо бы собрать с людей эти лампочки, и вопрос был вроде исчерпан.

Елена Матвеевна, тоже привыкшая к порядку, в этот же вечер взялась исправлять положение, и вот что из этого вышло.

Баба Таня из 10-й квартиры, вникнув в суть вопроса, сделала удивленные глаза и тоном, не терпящим возражения, озвучила свою позицию: «Я, милочка, никуда не хожу по вечерам. Мне ничего не надо!» — и поспешила скрыться за дверью своей квартиры.

Два пожилых, совместно проживающих брата, успешно ретировались, словно не понимая, о чем идет речь. Студенты вообще

уехали на каникулы, а одна вечно закрытая дверь уже давно напоминала соседям то ли о затянувшемся ремонте, то ли об ее навсегда исчезнувшем владельце.

13-я квартира, видимо услышав, о чем идет речь, вообще не открыла. В 14-ой — женщина, работавшая на трех работах, тоже не позволила себя беспокоить.

В 15-й квартире жил работник МЧС и поскольку все предыдущие попытки обратиться к нему по любому вопросу оказывались себе дороже, и вовсе оказалась обойденной.

В квартире 16-ть поселились молодожены, но они всегда были такие стеснительные, что весь дом решил, что это семья глухонемых. В квартире за номером 17-ть жил политик. Редкий номер одной из ведущих газет выходил без его саркастических реплик и общего неудовлетворения жизнью. Дверь он в данном случае открыл, сказал, что он целиком за это благое дело, но тут у него зашипело что — то на сковородке, и он благополучно исчез.

18-я квартира дружно засмеялась, узнав в чем дело. Это были строители. Как они умудрялись вдесятером жить в однокомнатной, да еще с проходящими подругами, оставалось тайной за семью печатями.

— Темнота, друг молодежи! — визгнула одна из девиц, и дверь соблазнительно захлопнулась. В квартире 19-ть жила совершенно глухая старушка.

В 20-й, дедок, будучи с глубокого похмелья, клятвенно заверил, что со следующей пенсии все сделает, но со следующей...

Тенденция осветить коридор и подъезд потерпела фиаско. Вскоре в коридоре обозначилась тишина, и все разошлись по квартирам.

В отличие от остальных сон у Игоря Александровича оказался крепким, но вот у остальных.... Около полуночи в коридоре слышался оглушительный рев и грохот, что серьезно нарушило сон отдыхающих и взбудило еще не уснувших. Однако, открывать дверь и смотреть, что там стряслось, было бесполезно — света все равно не было. И поскольку никто не хотел выдать свое любопытство, то выходили осторожно, в начале, выключив свет у себя.

Быть свидетелем непонятно чего тоже никто не хотел. Ситуация оказалась сродни спектаклю по радио. Долбежка становилась основательней. МЧС молчал, политик осторожничал.

Кто-то наступил на кошку. Кошачий рев подлил масла в огонь, однако стойкие соседи предпочитали «спать»! Конкурс шел, похоже, на самого выдержанного. Неожиданно какофонию прервал густой бас:

— Когда все это закончится? — это из 15-й вышел молодожен.

— Немой заговорил! — крикнул некто не своим голосом. И все на миг онемели сами.

Молодожен включил шахтерский фонарь, и надо же в этот момент раскрытая дверь прилетела в лоб одному из долбящихся. Тут все увидели, что не прощенные визитеры ломятся в квартиру бабы Тани.

— Все! Теперь я буду разбираться без милиции! — шевельнул бицепсом молодожен.

Толпа заинтересованных лиц скатилась в нижний подъезд, сопровождаемая звуками ударов, падений с лестницы.

— А ведь молчал, надо же! — послышался ликующий голос бабы Тани.

После наступившей тишины дом утихомирился.

Утром Игорю Александровичу принесли пятнадцать лампочек сразу. Через некоторое время глухая бабушка из 20-й квартиры дала еще три.

— Зачем столько? — удивился Доброхот.

— В подъезд тоже надо, — объяснила она, поправляя слуховой аппарат.

Кстати, экономя на замке, ее дверь завязывалась на шнуровой шпегат.

Отправляясь на работу, Доброхот перешагнул двух обнявшихся бомжей, чудным образом спящих на ступеньках лестницы. Им было абсолютно без разницы: будет свет или не будет.

Жениться..., или не жениться...

Прожив шестнадцать лет в гражданском браке с милым сердцу мужчиной, в один прекрасный день Алевтина Семеновна озадачилась.

У неё вдруг появилось стойкое желание зарегистрироваться с ним. Этот внезапный порыв посетил её ночью, когда жених сладко спал. Но ведь не мог же он проспать столь сокровенного назревающего события, касающегося не кого-нибудь, а его самого. А раз так, Алевтина Семеновна решила не откладывать свою задумку в долгий ящик. Серьезнее обычного она тронула Алексея за плечо:

— Нам нужно зарегистрироваться.

Супруг долго не хотел просыпаться, пытаясь сбросить руку с плеча, но настойчивый голос жены был неумолим.

— Где зарегистрироваться? — наконец буркнул Алексей. — И почему это нужно решать в два часа ночи?

— Ты же на работу днем уйдешь, а по телефону такие вопросы не решаются, — домагивалась его Алевтина.

Понимая, что применить доходчивый русский мат здесь неудобно, он направился на кухню смочить горло.

— Чего, Алёк, не спишь, что нужно?

— Когда будем регистрироваться?

До Алексея, наконец, дошло, о чем идет речь.

— А в другое время если поговорить?

— Мы с этим и так тянем шестнадцать лет!

— Знаешь, у меня здесь нет такого друга, который бы пошел ко мне в свидетели, — с мягким юмором отвечивал супруг.

Алевтина Семеновна зашла в тупик.

— Но у меня же дочь, а у неё другая фамилия, она могла бы быть свидетельницей.

— Если захочет, — уточнил он, зевая.

— А где взять мужчину? — не на шутку разволновалась жена.

— Да где я тебе его возьму в два часа ночи? — уже откровенно иронизировал, гражданский супруг.

— Ну, ты говорил, начальник у тебя хороший...

— А кто сказал, что он плохой, только он не будет нас регистрировать.

— Он не захочет быть свидетелем? — озадачилась Алевтина.

— Ни свидетелем, ни участником этих событий он быть не захочет.

— Но может он тебе хоть денег выделит на подарок, — с меркантильной надеждой лоббировала свой вопрос сторона заинтересованная.

— Да слов нет, и на подарок и на свадьбу! — уже веселился окончательно проснувшийся жених.

— Я — серьезно, — продолжила Алевтина.

— А кто шутит? Митьку, одноклассника можно взять...

— Ты что, предлагаешь этого бомжа сюда пригласить?

— Зато он что угодно подпишет! — парировал супруг.

— Когда вы с ним играете в шахматы, я же специально ухожу из дома от запаха его носок!

— Зато я у него всегда выигрываю! Сама знаешь, ничья — то бывает редко.

— Вот-вот! Интересное сравнение! Ничья — редко, а я до сих пор ничья?

— Алечка, у нас же с тобой полное равноправие! Я ведь тоже ничей! Видишь, как хорошо! А то стану твоим, и Митька сюда не зайдет ни разу...

Расхохотавшись, они оставили вопрос открытым.

Утром Алеветина позвонила дочери:

— Как ты смотришь, если мы с отчимом регистрируемся?

— А где вы свадьбу справлять будете? — последовал улыбочивый вопрос.

— Так ее не будет.

— Как это не будет, это ты мама пятый раз замуж выходить собралась, а дядя Леша — неженатый! Ни разу! И он имеет право быть настоящим женихом! И хотя в эти годы уже жениться не принято, но у меня соседка по бутику дня четыре назад закатила свадьбу. И ничего, а ей, кажется, 60 сравнялось. Да шучу я, можешь покупать свадебное платье! Насколько я понимаю, костюма у жениха тоже нет. Я бы пошла в свидетели, но с Митькой в паре, мам, ты извини...

Радостный хохот дочери, похоже, назвал все вещи своими именами и расставил точки над «и».

День любви

Зинаида Павловна не торопилась. Она спокойно шла не одним годом проторённой тропой с хозяйственной сумкой набитой лакомой снедью. Она совсем забыла про день Святого Валентина, о котором неутомонно вещала реклама телевидения. Да и кто бы напомнил?

Лишь в середине дня на её рабочий стол упала шоколадка с изображением карты пиковой дамы. Когда Зинаида подняла голову, чтобы узнать автора презента, коллега уже хлопнула дверью. Развернув обертку, она прочла странную надпись: «Карта бита». С одной стороны на сердце от подарка, хотя и такого маленького, стало теплее, но фраза о битой карте где-то застряла. Зинаида благополучно съела презент, а обертку любовно разгладив, уж очень мила была пиковая дама, положила на край стола. Каково же было её удивление, когда через некоторое время на пиковой даме оказались четыре головки чеснока, положенные одной из пожилых пациенток. На что муж Зинаиды впоследствии наложил свой вердикт: «Такой взятки у нас еще не было!».

Третьим подарком в этот знаменательный День влюбленных был её любимый наигрыш супруга «Амурские волны». Между делами семейство поглядывало фигурное катание, и день Святого Валентина вскоре остался бы за бортом очередного будничного дня.

Однако, на пике тройного тулупа, исполняемого Е. Плющенко, Зинаида Павловна вдруг услышала тяжёлые удары в стену. Вскоре

к ним прибавился душераздирающий рёв. Резво подскочив, Зинаида подбежала к стене, на которой её любимые картины плясали «Камаринскую». Она еще подождала минуту, другую и выскочила в коридор выяснять, что случилось. В какой-то момент ей показалось, что соседи решили расширить собственную квартиру за счет её стены. Она подошла к соседской двери, вежливо постучала и остолбенела, потому что дверь ей открыл не хозяин, а сосед с нижнего этажа. Упредив всякие вопросы, он с улыбкой, потирая руки, ответил: «Всё под контролем. Подобное не повторится!»

После его ухода наступила кладбищенская тишина, которая через полчаса перешла во второй раунд. Остальные соседи, навострив уши, ждали окончания битвы... за любовь.

Вскоре в квартире стало настолько тесно, что партнеры выскочили с криками в коридор. Если бы крики не перемежались отборным матом, то можно было бы принять ситуацию за вторжение воинственного индейского племени. Оказалось намного проще – соседи, молодые супруги, отметив день влюбленных, выясняли, кто же в кого влюблен на самом деле в этом любовном треугольнике.

Остальные выяснения отношений проходили у них уже в отделении полиции. В коридоре у Зинаиды Павловны, наконец, наступила долгожданная тишина. День любви подходил к концу, и тут на ум пришла пиковая дама с лаконичной надписью «Карта бита». Сопоставив все факты дня, Зинаида поняла, что презент в виде шоколадки оказался знаменем. Она еще не знала, что её сменщик после Дня влюблённых окажется в отделении травматологии с проломленной макушкой.

Даёшь брови!

В один из солнечных мартовских дней в местном клубе собрались обычные завсегдатаи. Речь шла ни о чём. И хотя погода должна была бы выгнать их на свежий воздух, но общение, как известно превыше всего. Эту разношерстную компанию объединяло стремление не выделяться на общем фоне. Этакie серые мышки, чего нельзя было сказать об их интеллекте. Однотипные причёски, традиционные бесцветные возрастные костюмы, словом женщины, потерявшиеся во времени и пространстве. Упаси боже, если бы туда вошёл мужчина, он бы не отличил одну от другой! Одни уходили, другие приходили, и ничего не менялось, за исключением разговоров. Устоявшийся ритм неожиданно был нарушен вольным, каким-то раскованным поведением двух вошедших

представительниц прекрасного пола. Все присутствующие насто-
рожились. Вроде свои, но в чем-то отличные от остальной массы.

— Не слышим аплодисментов, — рассмеялись новенькие.

На некоторое время установилась подозрительная тишина. Их разглядывали, как чирей в лупу. То, что они были одеты по-
весеннему, в глаза бросалось, но в их облике был еще какой-то
подвох, который выбил всех из привычной колеи. Наблюдатель-
ная Ангелина Степановна первая увидела, что когда-то бесцвет-
ные, бесформенные брови вошедших общественниц изогнулись в
изящные дуги.

Вскоре всем стало понятно, что нарисованные в парикмахер-
ской брови подарили женщинам свободу, привлекательность
и раскованность. Ангелина Степановна непроизвольно провела
дрожащими от волнения пальцами по тому месту, где когда-то
у неё они были. Ираида Павловна судорожно стала укладывать,
несуществующую бровь. Ворон зависти накрыл черным крылом
присутствующих. Мир для них перестал существовать. Все посети-
тельницы разглядывали брови друг друга и пришли к выводу, что
выражение «повела бровью» давно не про них.

А тем временем счастливые обладательницы бровей, вгоняя
в прострацию своим поведением дали понять присутствующим,
что безбровые становятся изгоями.

Ираиде сначала показалось, что речь идёт не о ней. Уж она-то
считала, что у неё все в норме, хотя одна бровь сантиметра на пол-
тора была выше другой конкретно. Ангелина и вовсе была далека
от революционных косметических процессов — она по давней при-
вычке считала себя красавицей.

— Даёшь брови! — раздался чей-то шутливый голос.

Кто морщился, кто улыбался. После того, как все рассмотре-
ли друг друга, ситуация усугубилась пониманием всеобщей без-
бровости. Решение было принято кардинальное. Синдром толпы
возымел своё действие.

Ираида Павловна сдавленным голосом вызвала такси, призва-
ла всех погрузиться и оккупировать ближайший салон красоты.
Испуганный наплывом клиенток бальзаковского возраста парик-
махер засуетился.

— Вы, когда последний раз делали брови? — спросил он у пер-
вой, которой оказалась, естественно, Ираида.

— Никогда! — чистосердечно призналась та.

Процесс пошел. Было больно, но она стойчески терпела, хотя
казалось, что вырвут последние. Вскоре брови приобрели пра-
вильную форму и были готовы к покраске.

Оказавшись с бровями, она стала растерянной, чем была до того. К ним она привыкла только к вечеру. Утром, умываясь, чаровница сполна насладилась своими бровями. Однако, помня о том, что через 10 дней их может уже не быть и, продляя удовольствие, лоб остался невымытым. Страх потерять романтический образ оказался превыше выработанной с годами привычки.

Ангелина прежде, чем подставить свой лоб, долго пыталась разглядеть брови самого мастера. Ибо, как считала она, лечащий сам должен быть здоровым! Однако брови цирюльника были завешаны густой крашеной чёлкой. А после того, как его рука неожиданно дрогнула, и кисточка прошла ниже намеченного маршрута, Ангелина и вовсе потеряла доверие к специалисту, вспомнив, что она сама почти художница и уж брови-то себе нарисовать всегда сумеет.

*

В один из солнечных уже апрельских дней в местном клубе собрались обычные завсегдатаи. Речь также шла ни о чём. Привычная обстановка неожиданно была нарушена вольным, каким-то раскованным поведением двух вошедших представительниц прекрасного пола. Все присутствующие насторожились. Вроде свои, но, в чём-то отличные от остальной массы. На них были шикарные, весенние, шифоновые шарфики, пикантно облегающие их лебединые шеи.

— Не слышим аплодисментов, — рассмеялись новенькие.

Серенькая толпа, всколыхнувшись, разобрав дамские сумочки, спешно направились в сторону нового супермаркета.

Георгий Черных

Георгий Черных родился в 1975 г. в г. Красноярске. Стихи начал писать с 9 лет, долгое время не придавая этому серьезного значения.

2001 г. – начало публикаций в газете «Постскриптум» и 5-е место в первом литературном конкурсе, организованном этой газетой.

2006 г. – третье место в конкурсе «78 слов о Горно-Алтайске» (газета «Вестник Горно-Алтайска»)

2007 г. – Георгий становится победителем районного фестиваля «Вместе мы сможем больше» в номинациях «Литературная» и «Видеоматериалы», а затем на подобном республиканском фестивале жюри присвоило ему вторую премию в номинации «Поэтическое творчество». Посещение литературного клуба при газете «Вестник Горно-Алтайска», строгие и справедливые замечания «братьев по перу» и особенно школа Сергея Решетнева, способствовали дальнейшему росту Георгия, как поэта. И вот он уже один из авторов сборника «Я сердцем чувствую стихи».

2008 г. – создание литературного клуба «Повозочка» в Майме, и он вступает в его ряды. Его стихи начинают выходить в сборниках: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «Снова память распахнута настежь», «Майма литературная», «Отражение веков». Наконец, выходит его первый авторский сборник – «Времена жизни».

Георгий – участник Международного поэтического конкурса 2009 г. «Золотая строфа». Его стихи вошли в 3 альманаха, выпущенные по результатам конкурса.

В ожидании чудес

*Не грело солнце, не пекло.
Наоборот – мороз трескучий
На речке лёд сломал и вспучил,
А в окнах трескалось стекло.*

*Но, в ожидании чудес,
Душа от зимнего светила
Чудесный дивный свет струила
На всё лежащее окрест.*

*Душе не важно, что мороз.
Ей прошлых тёплых дней не жалко.
Душе и в минус сорок жарко
От вновь рождающихся звёзд...*

*Ведь вновь случится волшебство
Во всех церквах, святылицах и храмах
От Вифлеема и до Валаама
На день великий в Рождество!*

Снег

*Снег кружится, снег ложится
Еле-еле по аллее.
Снег искрится, снег струится,
Опадая с лапы ели.*

*Снег слетает с неба, тая,
От тепла моей ладони.
Сеет, веет, оседая,
В поле вольным белым роем.*

*Снег мелькает и... не тает.
Снег лучистый чистый-чистый.
Усыпляет, убирает
Землю под ковёр пушистый.*

*Снег звенящий, снег хрустящий
В день погожий под проходим.
Снег блестящий, снег горящий –
Нет сейчас его дороже!*

Настанет ночь. А с нею мрак –
Извечный враг.
Не превозмочь его никак –
Им ночь полна.
Но будет знак, и свет свечи,
Вершитель благ –
Разрушит мрак, и в той ночи
Взойдёт луна!
Её восход на небосвод
Жемчужных вод
Под звёздный блеск и яркий всплеск
Свечи священной
Не отпугнёт, а возведёт
Из ночи грот,
Где воссоздастся арабеск
Мечты нетленной!
И вмиг уйдут: презренье, месть,
Война, беда.
А злости пуд, двуличность, лесть
Исчезнут в Лету.
И все почтут навеки – здесь
И навсегда –
За счастье Труд. А слово "честь"
Вернётся к свету ...!
Наступит день. А с ним и свет
Моей свечи
Отбросит тень на тот ответ,
Что в жизни мрак.
В нём "да" и "нет" ...Но не дано
Луне в ночи
Переломить то "Всё равно"
На верный знак.

В Томске

*В Томске
Звёзды близко, рядом.
Если их коснуться взглядом,
Ночь на небе звездопадом
Стает, как пломбир.
И, как древняя божница,
Серебром засеребрится,
Озаряя людям лица,
Освещающая мир.*

*В Томске дождь.
Как это славно!
В парке капли кружат плавно.
Стала, как канва недавно
Вся речная гладь.
В платье цвета листопада
От Кардена, нет, от Прадо
Томь изящна и так рада:
Ей оно под стать!*

*На речном вокзале фея,
Как Даная из музея,
От эмоций, чувств шалея
Всем твердит о том,
Как прекрасна неба просинь,
Как волшебны кроны сосен!
Что вошла неслышно осень
В славный город Томск!*

Встреча прощания

Вот и всё.

Подходит день к финалу.

Солнце покидает синеву.

Вымостив аллею к пьедесталу,

Вечно юный Лето ставит к балу,

Чтобы стала сказка наяву, –

Театрализованную пьесу.

Он сегодня ждёт на randеву

Осень – рыжекудрую принцессу!

А она уже спешит по лесу,

Украшая золотым листву.

Звёзды зажжены. Пылают свечи.

В парк, где состоится танцев шквал,

Укрывая лёгким шарфом плечи,

И ведя приветливые речи,

Входит Осень, открывая бал.

Вечер встречи – Осени и Лета, –

Всеми ожидаемый настал!

И для музыки, сотканной из света,

И для сероглазого поэта

Закружится в вальсе полный зал!

Но вернётся в мир покоя стражник.

Гости, утомлённые, уйдут.

И заплачет в парке дождь-проказник

Оттого, что прошлым станет праздник

Под весёлый праздничный салют.

И, прощаясь в парке, Осень с Летом,

Не спеша, рука в руке бредут.

Но разлука пролетит моментом:

Вечер встречи вновь зажжётся светом,

Что случится в будущем году.

Постижение

*Знаешь, об этом мы и не мечтали,
Что, постигая вселенские дали,
Там, где блуждает Большая Медведица,
В звёздном пространстве ангелы встретятся.*

*С ним проплывая в серебряном свете
Над неизвестной науке планете
В звёздных скоплениях необнаруженных
Дивную музыку, чувствуя, слушали.*

*В тех вездесущих космических звуках
Мы находили друг в друге друг друга.
И на туманностях без гравитации
Воссоздавали свои инсталляции.*

*Чтобы понять, кто ввысь мир этот движет,
Путь длинной в жизнь нам указан был свыше.
До восхищения от созерцания
Мы постигали его созидание!*

*Нам открывался, вставал всё чудесней
Музыкой вечной от дальних созвездий,
Солнцами яркими весь освещаемый
Космос – великий и непроницаемый...!*

*Мы не желали космических далей.
Взявшись за руки, мы просто – мечтали.
И, поражаясь вселенскими глубями,
Крепче сплетались сердцами и судьбами.*

Татьяна Константинова

Татьяна Константинова (Зызганова) родилась в с. Городок Минусинского района Красноярского края. По образованию филолог. Начиная трудиться в сельской школе учителем русского языка и литературы. Вскоре была приглашена на работу в редакцию районной газеты, где прошла творческий путь от литературного сотрудника до главного редактора. Является неоднократным победителем краевых профессиональных конкурсов. Постепенно журналистское мастерство стало перерастать в литературное творчество.

Вещий сон

Новелла

Вступительные экзамены позади. Новоиспечённая студентка Оля всё оттягивала момент отъезда из родного дома. Наконец, накануне первого сентября, мама отправила её на последний рейс в город, а там до областного центра автобусы ходят каждые полчаса.

Прикрыв глаза и мерно покачиваясь в мягком салоне «Икаруса», она вспоминала бурные события уходящего лета: школьный выпускной бал, сдачу документов в АГПИ, вступительные испытания, собеседование и самый волнующий день – когда в главном корпусе вывесили списки счастливчиков, выдержавших конкурс. Сотни абитуриентов с шумом ринулись в распахнутые после обеденного перерыва двери вестибюля главного корпуса, мгновенно окружив стенды плотным кольцом.

Оля пробиваться сквозь толпу не стала, остановилась переждать в стороне у огромного окна. В целом мире никто бы не догадался, какие бури переживаний и страха проносились в тот момент в её душе: эта деревенская девочка умела сохранять самообладание.

Спокойную с виду абитуриентку заприметила пожилая сотрудница института, это была филфаковская секретарша Антониды Александровны. По каким-то одной ей известным признакам она поняла, что это тоже абитуриентка.

– А тебе неинтересно узнать, поступила ли ты, или ждёшь кого? – спросила она.

– Подожду, когда схлынут.

– Скажи свою фамилию, я списки печатала, может, вспомню.

Девочка недоверчиво посмотрела на неё, но всё же назвалась.

– У тебя редкая фамилия, её трудно не запомнить. Радуйся – ты поступила.

Олино сердце подпрыгнуло к самому горлу, а потом гулко ухнуло куда-то вниз. «Спокойно-спокойно, может, тёточка ошибается», – скомандовала она себе, но улыбнулась благодарно и вмиг пересохшими губами выдавила «спасибо». Дождалась конца ажиотажа, собственными глазами прочитала свою редкую фамилию среди сотни других поступивших на филфак, убедившись в феноменальной памяти факультетской секретарши.

Уняв радостное волнение, нашла, где подать заявление на общежитие, узнала номер своей комнаты и тут же уехала домой, даже не заглянув туда. Радость поступления уже начала потихоньку омрачаться скорой разлукой со всем тем, что ей было близко и дорого.

Оставшиеся летние дни пролетели молниеносно. В последний раз она сходила на свою любимую реку Тубу. Её крутой обрывистый берег причудливо испещрён множеством маленьких птичьих норок, откуда день-деньской стремительно вылетали проворные стрижи, добывая корм птенцам. В Олином детстве все берега реки летом были забиты большими вкусно пахнущими смолой плотами, откуда так здорово было на спор нырять с мальчишками. Выныривали они уже почти на середине глубоководной Тубы, где пловцов подхватывала стремнина и уносила вниз по течению. Причалить к берегу им помогал крутой изгиб своенравной реки. Измождённые, выбирались они на каменистый берег и долго отдыхали на раскалённых валунах.

Теперь Туба уже не та: после открытия Красноярской ГЭС она постепенно обмелела, местами даже заилилась, плоты по ней давно не сплавляют, зато малышне купаться раздолье – полно мелких затончиков, где в жару вода прогревается как кипяток.

Вдохнув, Ольга поднялась с добела отмытой коряги, оставшейся здесь с незапамятного половодья, и знакомой тропинкой стала подниматься по крутому берегу вверх, в село. Пора было прощаться с домом, с родителями, любимыми учителями, с клубом, где она вместе со старшим братом-музыкантом все школьные годы неизменно участвовала в художественной самодеятельности; расставаться с многочисленными друзьями.

Их большой класс, состоящий из ребят нескольких окрестных деревень, был очень дружным. Вечерами и праздниками они частенько сходились у заводилы-Оли. Её дом друзья называли штаб-квартирой. Все самые интересные школьные дела задумывались именно там: походы с кострами, классные часы, сценарии тематических вечеров, новогодние балы. Соберутся, нажарят картошки до золотистой хрустящей корочки (после казённой пищи на неё особенно налегали «интернатовские» ребята да всеобщий любимчик Ванюшка Шварц по кличке Чёрный). Вдоволь наедятся с молоком и тогда уж допоздна составляют «наполеоновские» планы, гаддя, и перебивая друг друга.

Теперь это беззаботное времечко в прошлом. А впереди – манящая и в то же время пугающая неизвестность. Под родительским то крылышком спокойно и надёжно, а каково будет там, в городе, где все чужие и где придётся жить от воскресенья до воскресенья?

С этими тревожными мыслями, заглушая тлеющий уголёк тоски по дому, девушка и перешагнула к вечеру порог общежития.

– О, у нас ещё одна жилища! – громко воскликнула одна из тех, кого Оля застала в комнате. – Пятой будешь. Иди, бери у коменданта раскладушку.

Все соседки оказались с рабфака, а значит, старше как минимум на два года, давно знали друг друга, вели себя раскованно и, знакомясь, всю подтрунивали над вновь прибывшей. Особенно Вера, то и дело выбегающая в туалет покурить, что для Ольги оказалось чуть ли не шоком – у неё в семье даже отец никогда не курил.

Кое-как расположив свои вещи, она мечтала только об одном – поскорее лечь спать перед завтрашним трудным днём, но девчонки шумели и возились ещё долго, в тесноте комнаты то и дело задевая раскладушку. Улеглись за полночь. Узнав, что новенькая ещё ни разу не ночевала в общежитии, загадали ей: «На новом месте приснись жених невесте».

Выключив свет, они продолжали шушукаться, Оля же мгновенно провалилась в сон.

Юность-юность! В эти годы даже самые сложные проблемы не давят сердце тяжёлым камнем, не изводят душу, не изнуряют бессонницей. Только донёс голову до подушки – незримый Морфей тут же обовьёт твои ресницы своим лёгким дуновением. Ночь прошла, и вот уже утро вечера мудренее.

Она проснулась от девичьего гомона. Все уже поднялись.

– Вставай-вставай, на первую лекцию опоздаешь. Ну, рассказывай, кого во сне видела? – Самая бойкая из соседок, Вера, не забыла своё вчерашнее пожелание.

И она стала вспоминать... Неясные ночные видения начали проступать будто сквозь густую пелену: вот корпус их филологического факультета, до сей поры всё ещё незнакомого (вступительные экзамены они сдавали то в главном корпусе, то на инязе).., вот она поднимается по широкой каменной лестнице.., заходит на второй этаж, отчего-то залитый небесно-голубым светом.., кругом пусто, только вдалеке, на другом конце коридора, стоит паренёк, опершись на подоконник и сложив руки на груди, будто ожидая чего-то...

– Всё ясно, быть тебе замужем за нашим, филфаковским, – заключила скорая на выводы соседка по комнате. – Лицо-то хоть запомнила? Глядишь, и встретится прямо сейчас

– Да нет, силуэт только помню. Роста как будто невысокого.

– Ничего, узнаешь, тут парней раз-два и обчёлся.

– То-то и оно, – подхватила тему другая соседка. – Где уж нам уж тут выйти замуж. На весь первый курс парней пять-шесть наберётся, так ладно. А девчонок в трёх группах штук 60-70, поди. Не-е, мы себе кавалеров на физмате искать будем. Там их пруд пруди.

Засмеявшись и заторопившись в институт, девчонки быстренько побросали в сумки ручки, общие тетради с пока ещё девственно чистыми листами и, замкнув комнату, наперегонки побежали с пятого этажа вниз, сдали дежурному вахтёру ключ и весёлой стайкой выпорхнули из общежития. Только Оля в новых, ещё не разношенных туфлях, купленных мамой по случаю поступления дочери на учёбу в город, отстала от них. Ступала осторожно, боясь натереть ногу.

Она едва не опоздала. Резкий электрический звонок прострелил слух ещё в холле. После переливчатого школьного колокольчика он показался ей грубо-пронзительным, и у неё вновь сжалось в груди.

Однако делать нечего, надо бежать искать зал, где должно было состояться знакомство с факультетским начальством. Не хватало ещё опоздать в первый же день! Обращать внимание на тесные туфли было уже некогда, она узнала у дежурного, как найти 15 аудиторию, пулей влетела на второй этаж и... обомлела: пол коридора был покрыт ярко-голубым линолеумом. Совсем как из её сегодняшнего сна!

Никакого паренька у подоконника, конечно, не было, все первокурсники заняли места и напряжённо ожидали декана, могущественного Виктора Алексеевича. Опоздавшая едва успела юркнуть перед ним в аудиторию, присела на единственное свободное место за первым столом около преподавательской кафедры, как оказалось, рядом с Ниной Колесниковой, серьёзное лицо которой уже сейчас выдавало будущую строгую учительницу.

Во время перерыва девушки познакомились. Оказалось, что обе они выросли на одной и той же чистой, глубокой и широкой реке Тубе, образовавшейся от слияния трёх могучих сибирских рек – Амыла, Кызыра и Кизира. Для обеих с раннего детства вода была главным летним развлечением, стихией, страстью. Видно, это и определило их дружбу с первого студенческого дня и на все годы учёбы. Да они даже внешне подходили друг к другу: круглолицые и пухлощёкие, с фигурами явно не для дефилирования по подиуму. Но главное – характер: у обеих независимый и самостоятельный, без преклонения перед сильными мира сего.

Словом, девушки подружились. Вскоре Ольга напрочь забыла свой предутренний сон перед первым сентября. Какой там сон,

когда на них навалились огромные списки книг, казалось, это невозможно одолеть за один семестр. Всякие там антички и зарубежки, литературоведение и языкознание, историческая грамматика и старославянский язык. И множество других мудрёных предметов, о существовании которых они раньше и не догадывались.

Каждую неделю Оля уезжала в своё село. Отец, шофёр сельского авторемзавода, специально брал рейс в Черногорск в выходной субботний день, чтобы привезти дочку после учёбы домой, а увозил к первой паре лекций в понедельник рано утром, и Оля лишнюю ночь ночевала дома.

Трудно привыкала она к новой жизни. Все остальные освоились ещё осенью в отдалённом хакасском колхозе, где, как водится, весь первый курс доблестно помогал убирать урожай в закрома Родины. Весь, кроме Оли. Новые туфли всё же натёрли ей ногу, но из-за переживаний первых дней вдали от дома она не обратила на это внимания. Началось заражение. Пока сокурсники месяц ворошили хлеб на зерносушилке, она лечилась у хирургов.

В институт студенты вернулись через месяц. Вскоре появилась там и Ольга. Прихрамывая, она прошла к ставшей уже своей первой парте у окна рядом с Ниной. Подруги погрузились в учёбу. Обеим новые науки давались без особого труда, только с мёртвым старославянским у Ольги что-то не заладилось. Но и тут ей здорово повезло с подружкой. Оказалось, что она по жизни круглая отличница. Рядом с ней любой экзамен не страшен.

Время пошло своим чередом. Позади уже была первая сессия, зимние каникулы. Наступила весна.

Как-то в апреле отец привёз её на занятия очень рано. В пустынном здании гулко отдавались Олины шаги. В аудитории за последним столом сидела лишь Татьяна Оседко, местная жительница. По годам она была старше всех в группе, умная, спокойная, рассудительная.

– Рассказала бы хоть что-нибудь о себе, – первой начала разговор Татьяна. – Ты у нас староста группы, а мы о тебе ничего не знаем, прямо закрытая книга. Только и видим, как расцветаешь по субботам – домой, значит, едешь.

Она действительно ни с кем, кроме Нины, не общалась. Старостой группы её никто не выбирал – декан Виктор Алексеевич Федченко сам назначил ещё в первые дни учёбы. Видно, его подкупила Ольгина школьная характеристика. Ничего такого особенного как староста она и не делала: ну, получит раз в месяц в кассе института стипендию на всю группу, раздаст, вот, пожалуй, и всё. Даже отсутствующих на занятиях староста группы «Б» в спецжурнале

чаще всего не отмечала, если только преподаватель сам случайно не выяснит, кто из студентов сегодня проигнорировал его лекцию или семинар. К слову, через год Ольгу как не справившуюся со своими обязанностями с должности старосты сняли. К её великому удовлетворению. Ей бы неделя поскорее пролетела – да домой, к друзьям. Тут Татьяна Оседко была абсолютно права. И Ольге стало немного стыдно перед одноклассницей.

А вскоре произошло ещё одно, на первый взгляд, незначительное событие, но перевернувшее всю Олину душу.

...Для поездки домой из Абакана с пересадкой в Минусинске нужен был всего один рубль, но в кошельке не звенело ни копейки. Все оставшиеся к концу недели деньги, как обычно, она истратила на гостинцы младшей сестрёнке ещё детсадовского возраста да на книги (спешила собрать свою библиотеку, готовясь работать словесником в какой-нибудь глухой деревушке, мало ли куда молодых специалистов могут отправить по распределению).

Последние деньги потратила, а стипендию отчего-то задержали. Что делать? Попросить в долг? Но у кого? Все в такой же ситуации. Остаться на выходной в городе? Даже мысль такую она не допускала.

Девушка всё же решила попробовать занять – авось да найдутся у кого. На перерыве семинарского занятия она вслух спросила, не может ли кто одолжить ей до понедельника рубль на билет.

Такой фантастической перед стипендией суммы ни у кого, конечно, не оказалось. Однако все, как один, дружно принялись вытряхивать свои тощие студенческие кошельки и карманы, проверяя, не затерялась ли там, случайно, копейка-другая.

Глядя, с каким азартом они пересчитывали мелочь, прося местных (самых богатых!) ещё раз проверить всё досконально, чтобы собрать ей недостающую сумму, Ольга будто стряхнула с глаз пелену, и вдруг поняла, что и здесь, в институте, она в кругу своих друзей.

С того трогательного момента недавняя школьница окончательно ощутила себя студенткой первого курса АГПИ группы «Б», стала присматриваться к тем, кто учился рядом с ней, сидел на лекциях, отвечал на семинарах, выступал на коллоквиумах. Среди них, как оказалось, так много интересных людей, хороших товарищей, верных друзей, даже вечно отсутствующий единственный молодой человек в их группе – Сергей Калягин – оказался неплохим парнем. С ним у старосты Ольги были вечные проблемы. Спортсмен-лыжник, он часто ездил то на сборы, то на соревнования, а под эту марку и просто так частенько пропускал занятия, отсыпался в комнате, а староста отвечай за него.

Незаметно подкралась летняя сессия, а там и каникулы, когда она могла пожить дома целых два месяца. Школьные друзья тоже съехались домой, и тут уж они дали себе волю – купание на речке, поездки в любимый Потрошиловский бор на мотоциклах, вечерами – кино, по выходным – танцы чуть не до рассвета. Ходили в гости к своим любимым школьным учителям.

Но в конце августа Ольга вдруг почувствовала, что соскучилась по институту, преподавателям, однокурсникам. Поняла, что хочет встретиться с ними, послушать их непринуждённый щебет, поговорить.

На первое занятие в качестве второкурсницы в середине сентября она шла с удовольствием (первые две недели часть студентов их курса ездила в диалектологическую экспедицию в Курагинский район, а остальные работали кто в стройотряде, кто в колхозе). Оля поднялась по знакомой лестнице, свернула на второй этаж с голубым линолеумом, где, как обычно, в самом большом лекционном зале собирался весь курс. Этаж гудел. Везде уже сновали студенты, то и дело раздавались радостные возгласы, дружеские хлопки по плечам, со всех сторон сыпались приветствия, тут и там группы друзей бросались в горячие объятия, возбуждённо обменивались летними новостями. Ольга тоже на ходу здоровалась, улыбалась, кивала налево и направо.

Прямо напротив двери в аудиторию, опершись на подоконник, со сложенными на груди руками стоял паренёк из параллельной группы. Он негромко поздоровался с ней и тут же отвёл глаза. Она только и знала о нём, что его зовут Алексеем.

Какое-то смутное, едва уловимое воспоминание шевельнулось в душе девушки, но тут же исчезло, улетучилось, превратилось в дымку. К пареньку шумно подлетел его одноклассник, рыжий Юрка Кочергин, стал тискать друга и одновременно выпаливать какую-то несусветную тираду, а к Ольге подошла Нина. Они виделись совсем недавно, вместе ездили в экспедицию, потом побывали друг у друга в гостях, благо, живут в соседних районах, так что встреча их была довольно спокойной.

Подруги заняли своё привычное место на первом столе первого ряда. Вскоре вошла преподавательница современного русского языка Анна Фёдоровна Василенко. В отличие от коллег, она требовала полной записи своих лекций. И была права. Орфография с синтаксисом – это вам не литература или история КПСС, где, пробежав глазами учебник и овладев кое-какими знаниями, на экзаменах можно было «выехать» за счёт богатой лексики и умения красиво и гладко излагать свои мыс-

ли, а с этим у большинства студентов-филологов проблем не возникало.

Оля прилежно записывала лекцию, но вскоре почувствовала какую-то тревогу. Пытаясь подавить неясные ощущения, старалась ещё внимательнее слушать преподавателя, но, движимая чем-то ей неподвластным, оглянулась. Вся студенческая братва дружно склонила головы к своим тетрадам, сосредоточенно записывая практически под диктовку, поэтому девушка сразу же перехватила полный затаённой мальчишеской нежности взгляд, устремлённый явно на неё. Это был тот самый парень из параллельной группы, что утром стоял у окна и смущённо поздоровался с ней.

И Оля вспомнила! Отчётливо, как будто это было вчера, она вновь увидела картины своего сна годичной давности: тогда ещё незнакомый голубой коридор, неясные очертания одинокой хуленькой мальчишеской фигуры...

Как же открыты в 18 лет наши сердца навстречу добру, свету, любви. Этот потаённый многоговорящий взгляд мгновенно покорила её, помог ощутить в нём нечто такое, что до поры до времени было скрыто очень глубоко внутри.

Всего лишь несколько секунд смотрела она ему в глаза и, ступевавшись, вновь склонилась над тетрадкой с лекциями. Но это была уже другая Оля: волны необъяснимых предчувствий чего-то большого и настоящего мягко перекатились внутри её девичьего существа.

Какое-то время спустя она поймёт, что тот никем, кроме них, не замеченный миг явился точкой отсчёта нового времени. А шутовское предсказание бывших соседок по комнате и прошлогодний сон стали для неё, далеко не фаталистки, буквально наваждением. И она как должное приняла дальнейшее развитие внешне едва уловимого романа.

Хотя какой там роман! При встрече в институте (девушка к тому времени жила на квартире, а не в общежитии) не мимолётное «привет», а чуть более значительное «здравствуй», всё те же взгляды во время лекций, заметить которые был в состоянии разве что самый придирчивый преподаватель.

И лишь через полтора месяца, накануне ноябрьских праздников, к Ольге на перерыве подсел друг Алексея, конопатый Кочергин:

– Слушай, давайте вчетвером праздник встретим. Можно у тебя? Твоя бабушка не будет против?

– Вчетвером – это с кем? – насмешливо уточнила она.

– Ну, мы с Лешкой и вы с Ниной.

– А что же твой друг сам не подошёл? – с напускным безразличием, как ни в чём не бывало, продолжала она пытаться парламентаря, но тот лишь сопел и отмахивался.

– Да ну вас! Давно пора бы уж самим разобраться, а вы всё вокруг да около.

Вечеринка все-таки состоялась. Правда, без Нины. Далеко живущим студентам разрешили съездить домой за зимней одеждой, все остальные строго-настрого должны были организованно явиться на праздничную демонстрацию создавать массовость и в нужный момент выкрикивать громкое «ура», а вечер накануне оказался свободным.

Пожилая квартирная хозяйка опытным взглядом тут же определила, кто втайне вздыхает по её постоялице, присмотрелась к нему. Ребята, конечно, только из вежливости предложили ей вместе с ними выпить лёгкой розовой шипучки за очередную годовщину революции, но она не отказалась. С Алёшкой разговорились, дошли даже до старческих болячек. Узнав, что в Каратузском районе, где он живёт, сеют коноплю, попросила привезти ей мешочек конопляного семени на лекарство (о наркоманах тогда ещё слухом не слыхивали).

После того, как гости ушли, вслух одобрила выбор своей квартирантки.

– Да какой выбор, тётя Ганна! – вспыхнула было девушка, но много повидавшую на своём веку женщину обмануть было невозможно.

– Не отнекивайся, девка, вижу я. Говорят тебе – славный парень, добрым станет хозяином в доме. А тот рыжий, вихлястый – не для тебя. Мороки с ним в жизни будет много.

Перечить старухе не имело смысла, да, откровенно говоря, и не хотелось. Ольге ещё раз ненароком подумалось, что, может, это судьба и девичьему сну суждено стать вещим?

На переменах они теперь частенько стояли вместе, иногда ходили в областной кинотеатр «Победа», где Алёша первое время стеснялся надевать очки и, как потом выяснилось, ничегошеньки не видел из того, что происходило на экране.

На совместных лекциях они теперь перебрасывались записками, Лёша иногда писал стихами, получая ответы в прозе. Их особенные взаимоотношения уже ни для кого не были секретом.

Однажды весь второй курс отправили по городу дежурить до полуночи в качестве народных дружинников. Нашей парочке с красными повязками на рукавах достался оживлённый проспект имени Ленина. Никаких хулиганов они, конечно, не обнаружили, зато наговорились в тот вечер вдоволь.

Ближе к весне впервые вместе съездили к Оле домой. Нельзя сказать, что её родители были в восторге от потенциального жениха, но, мудрые сердцем, виду не подали, радушно приняли парня, поверив дочериному выбору.

Время всё больше и больше связывало молодых людей: совместная учёба, общие интересы, в мае, перед весенней сессией, – инструктивный лагерь, где их учили воспитывать отдыхающих школьников, а на летних каникулах – лагерь пионерский в живописном сосновом бору Шушенского района, там они вместе работали в одном отряде и под их неусыпным надзором находились сироты из черногорского детского дома, отзывчивые на любовь и заботу.

Потом, уже осенью, во главе с неулыбчивой преподавательницей «зубодробильного» старославянского языка Верой Геннадьевной сборная группа третьекурсников, в том числе и наши влюблённые, отправились на побережье Чёрного моря, где на бесконечных, как небо, плантациях с рассвета и до наступления испепеляющего южного зноя в огромные корзины они собирали тяжёлые спелые гроздья винограда, зарабатывая себе на обратную дорогу. А после обеда в общественной столовой Черноморского совхоза, преодолевая под палящими лучами южного солнца двухкилометровый марш-бросок, до позднего вечера загорали, барахтались в крупном, добела промытом морскими приливами песке. Что малые дети, строили из него сказочные дворцы, собирали ракушки и разноцветные камушки, качались на крупных волнах ласкового сентябрьского моря, с визгом уваливая от скользких желеобразных медуз.

Приверженцы водной стихии Ольга с Ниной, всё детство пропадавшие на глубокой и стремительной реке, пожалуй, больше всех остальных наслаждались упругой морской гладью, которая в тихие, спокойные дни штиля как будто сама держала их на поверхности. Однажды они заплыли так далеко, что Алёшке, рядом с домом которого в детстве текла лишь мелководная Кундулучка (не очень-то натренируешься в плавании), оставалось лишь близоруко всматриваться вдаль, пытаясь разглядеть, когда на гребнях высоких волн появятся две отчаянные девчоночьи головы. Его верный ординарец Юрка Кочергин только подзуживал, прыгая рядом на раскалённом песке: «Может, пора за спасателями бежать?».

А хитрые пловчихи, порядком отмахав от берега, случайно наткнулись на подводный островок и спокойно отдыхали перед обратной дорогой, надеясь, что попутные волны сами станут им

помощниками, да посмеивались над друзьями, силуэты которых они видели время от времени, когда солёная волна словно подбрасывала их над поверхностью моря, а потом вновь опускала на спасительный островок.

Вернувшись на берег, девчонки получили изрядную дозу словесных воспитательных мер и клятвенно пообещали больше так далеко не заплывать. Размолвка влюблённых быстро, сама собой, сошла на нет. Тратить время на ссоры в таком чудном месте было неразумно. Им хотелось как можно больше увидеть, запомнить, впить в себя.

За несколько недель путешествия сибирские студенты побывали с экскурсиями в близлежащих приморских городах, где есть множество великолепных видов и исторических достопримечательностей, но память до сих пор ярче всего высвечивает скромный домик Лермонтова на Таманском полуострове да поездку в Керчь на прогулочном катере по проливу между Чёрным и Азовским морями. Громадные дельфины незаметно подплывали к ним совсем близко, а потом внезапно выбрасывали из морской пучины свои красивые мощные тела, взлетая почти столбиком, будто специально позволяя людям полюбоваться собой.

Тот бархатный сезон Ольга и Алексей запомнили на всю жизнь. Когда весь отряд обычно уже крепко спал, набираясь сил перед следующим днём, они бродили по пустынному посёлку, взявшись за руки. Ночь на юге наступала удивительно быстро, будто по чьёму-то сигналу. Мгновенно окутывала их непроницаемой фиолетовой темнотой, оседала на губах солоноватой влагой.

Эти волшебные южные ночи, да ещё слишком яркие звёзды, мерцающие так близко, что, казалось, к ним можно прикоснуться ладонью, создавали ощущение ирреальности мира, в котором, кроме них двоих, не было никого.

К тому времени они уже многое знали друг о друге. Лёша рассказал, как обратил на неё внимание в первый же студенческий день. Вполне банальная причина – она оказалась удивительно похожей на одну знакомую девочку – его школьную подружку Любу Тиден (чья фотография – нежное детское личико со вздернутым носиком – как талисман до сих пор хранится в их семейном альбоме. Первая любовь – это святое).

Во время ночных прогулок Лёша перечислил изумлённой Ольге, в каких она ходила платьях на первом курсе, какого цвета косынкой подвязывала волосы (была в 70-х годах мода на такую причёску). Он помнил даже, на какую она хромала ногу, стерева новыми туфлями в тот первый студенческий сентябрь.

Этот удивительный месяц года, который так любят поэты, стал для них особенным. Именно в этом месяце у них произошли многие значительные события. И вещей сон был под утро первого сентября на первом курсе. На втором, ровно через год, – Лёшин потаённый взгляд во время первой лекции по современному русскому и Олино озарение. В сентябре третьего курса – вот эта счастливая поездка на юг, ещё больше сблизившая их и укрепившая в мысли, что они нужны друг другу. На четвёртом курсе в этом же месяце они сыграли студенческую свадьбу, на ней, несмотря на скромное угощение, веселились и плясали обе студенческие группы. Ещё через год, аккуратно в самый первый рабочий день, утром первого сентября у них, уже дипломированных педагогов, появился первенец – малютка Светочка. И даже первый внук Илья родился в такой же первосентябрьский день и такой же утренний час, но только 21 год спустя.

Когда-то Олина мама поделилась со своей дочерью самым сокровенным:

– На нашей серебряной свадьбе твой отец сделал мне очень дорогой подарок, когда признался, что 25 лет он прожил со мной как 25 дней. И я ему ответила тем же. Дай бог, дочка, чтобы и вы сказали друг другу такие же слова.

...До их четвертиночки осталось всего ничего: весна, лето, а там и сентябрь.

Принц на белом коне

Задумчивые подружки, вчерашние студентки исторического факультета, не спеша прогуливались по набережной Енисея, то и дело запуская в спокойную водную гладь блинчики. Позади госэкзамены, защита дипломов, нервы, стрессы и бессонные ночи, когда они до чёрных кругов под глазами просиживали над книжками и конспектами. Всё это настолько вымотало девушек, что теперь, когда заветные дипломы уже получены, хотелось просто помолчать, обдумывая свою дальнейшую жизнь. Обе они прекрасно справились с защитой, но Ирине предложили поступать в аспирантуру, а Лене предстояло вернуться домой, в районный центр Мотыгино.

— Везёт тебе, Иришка, — прервала затянувшееся молчание Лена. — Ты остаёшься в городе, продолжишь учёбу, у тебя будет интересная работа в нашем университете, да и жениха себе здесь, конечно, встретишь, а кого можно найти в нашем Мотыгино? Хорошие парни меня не дожидались, нашли себе подруг да невест, а кто остался – в мужья не годятся.

— Не переживай, Леноч, всё образуется, — успокаивала Ирина подружку. — Моих кавалеров тоже что-то не видно на горизонте. Разве что в архивах какой-нибудь вдовый профессор сидит и не только исторические архивы изучает, но и по сторонам оглядывается, высматривая молоденьких аспиранток.

Девчонки представили себе пожилого и седовласого учёного сластолюбца, в картинках изобразив его вкрадчивый взгляд по соседним столам читального зала, и расхохотались так, что вспугнули птиц, подбирающих на берегу случайные крошки.

Отганцевав на выпускном университетском балу, Лена уехала домой, к родителям. Устроилась в свою родную школу учительницей истории. Но часов ей не хватило даже на ставку: классов-комплектов с каждым годом становилось всё меньше, учителя, по возрасту вышедшие на пенсию, не собирались сдавать свои позиции и уступать часы молодым специалистам — жить на одну пенсию означало нищенствовать.

Через год Лена перешла работать в районный краеведческий музей — собирать и хранить историю района. Вечерами ходила по бабушкам, разговаривала с ними по душам, записывала их воспоминания о былых годах, а те, польщённые вниманием славной учительши, без сожаления передавали для музея старинную утварь: самовары, утюги, у кого-то на чердаках завалились даже патефоны и люльки. Обмахнув с них едва ли не вековую пыль, бабульки отдавали ей дорогие сердцу вещицы, с которыми была связана самая счастливая пора их жизни — молодость. Вручали торжественно, приговаривая — пусть, мол, и нынешняя молодёжь знает, как мы жили.

Девушка принимала бесценные дары с почтением, всё больше и больше завоёвывая любовь и уважение пожилой части мотыгинского населения.

Вот только в местный клуб она не ходила. Кино теперь можно и дома посмотреть на собственный вкус, а на дискотеке любая девушка, которой едва за 20, чувствует себя древней старушкой: там теперь старшеклассницы из школы красуются, встречаются и совсем юные особы — это за кем дома не очень-то следят, позволяя гулять допоздна. Директриса районного музея в такой компании чувствовала бы себя неудобно.

Она частенько засиживалась на работе допоздна. Днём то экскурсии, то районные мероприятия, а вечерами, когда в музей редко кто заглядывал, она систематизировала материалы, составляла каталог собранных предметов.

Незаметно прошло несколько лет, похожих друг на друга как две капли воды. Лена много читала специальной литературы, навела безупречный порядок в музейном архиве и каталогах, вдохновенно проводила экскурсии – чаще всего со школьниками. Готовилась к встрече с ними особенно тщательно, словно испуская свою вину перед профессией педагога.

А вечерами... Вечерами всё так же задерживалась на работе, как будто стремилась довести своё нехитрое музейное хозяйство до совершенства. Другой вариант вечернего времяпрепровождения – перед компьютером. Интернет, стремительно ворвавшись в не богатую на события и несуетную сельскую жизнь, распахнул окно в иной мир – шумный, многообразный, интересный. С его помощью девушка утоляла информационный голод, легко переносилась из города в город. Из страны в страну. Из континента в континент. Впитывала в себя новые знания, а иногда помогала своим односельчанам справляться с учёбой в вузах. Во всемирной паутине она находила массу новых материалов по истории, политологии, социологии, философии, каких не сыщешь в учебниках. А ещё с помощью «компа» в режиме реального времени она частенько общалась со своей студенческой подружкой.

Ирина сначала работала на кафедре секретарём у своего научного руководителя, одновременно училась в аспирантуре, писала диссертацию по теме «Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине 19 – начале 20 веков». Во время каникул ездила по городам и весям – в архивы Минусинска, Шушенского, Барнаула, Иркутска, Санкт-Петербурга, Москвы. Жила там по три-четыре недели, выискивая по своей теме крупницы нужных цифр и отчётов. Систематизируя найденные материалы, дотошная аспирантка пыталась как будто лично для себя ответить на главный вопрос: почему в 19 веке, ещё до реформы Столыпина и массового освоения плодородных земель Енисейской губернии переселенцами с западной части России, сибирский крестьянин не только себя и свою семью сытно кормил: собранного им зерна хватало и для продажи, и для натурального обмена. Теперь же, в век мощной сельскохозяйственной техники и высоких технологий, Сибирь уже не назовёшь житницей страны.

Подолгу разговаривая с мотыгинской подружкой по скайпу, Ирина чаще всего взахлёб делилась с ней впечатлениями от найденных редких исторических материалов.

— Да что ты мне всё про хлеб да про политику, — со смехом прерывала её Лена в таких случаях, — лучше признайся, никакого

аспирантика себе не приглядела? Или, того лучше, профессора? Помнишь, как мечтала?

— Не придумывай, ни о чём таком я и не мечтала. Все аспиранты мужского пола от книжек глаз не отрывают, а на пожилых профессоров я и сама не заглядываю. А что это тебе мои новости по научной работе не интересуют? Про хлеб ей, видите ли, не интересно. А без хлеба, сдаётся мне, ты за стол не сядишься. С политикой же — хоть при царе, хоть сейчас — это так связано, что не разорвать. У вас вот, в Мотыгино, много хлеба выращивают?

— Да какой тут хлеб — мы же в сторону северо-востока живём, в пятистах километрах от Красноярска. В добрые-то времена негусто было с урожаем, а теперь и подавно. Мои родители, оставшись после развала колхоза без работы, вынуждены много свиней держать, так комбикорм только привозной. Наших фермеров соседние районы задавили, оттого и работники поразъехались, и женихов не осталось, — Лена снова перевела разговор на обычную девчоночью тему. — А ты там, в городе всё по библиотекам чахнешь или выбираешься на вечеринки?

— И хотелось бы отвлечься, да не получается.

— Смотри, время уходит. Это в нашу Тмутаракань никакой принц не забредёт, а ты, считай, полстраны уже объездила и до сих пор не нашла себе половинку.

— Наверное, моя половинка ещё в школе учится, — привычно отшутилась Ирина.

Так и текла жизнь наших героинь — у каждой по своему руслу.

За несколько лет работы Лена собрала столько очерков по истории родного района, что задумала издать документальную книгу. Привлекла сотрудников районной газеты, с которыми она сотрудничала уже давно. Вокруг неё стала складываться будущая авторская группа. Как истинный фанат своего дела, ещё с большим старанием она взялась за сбор краеведческих материалов, отсеивала сомнительные, сличала детали, шлифовала стиль, подбирала иллюстрации.

Однажды августовским вечером она, по обыкновению, находилась в музее, давно ставшем ей вторым родным домом. Дверь была открытой: после череды проливных дождей, совсем уж ничемных в это время года (зреющий лук подпортил, и хлеба нескольких отчаянных фермеров-смельчаков повалил), природа будто оправдывалась перед людьми и в последние летние недели одаривала их мягким обволакивающим теплом. Хотелось впустить в отсыревшие здания ласковые лучи солнца, подышать полной грудью: густой аромат, исходящий от земли, перенасыщенной влагой, про-

никал в самые глубины лёгких. Казалось, его можно резать ножом и намазывать на хлеб.

Пятничный вечер Лена любила особенно. Часам к шести-семи на сельских улицах почти никого не оставалось. Те, кому посчастливилось иметь работу в бюджетной сфере, уже разошлись по домам, по пути заглянув за продуктами в магазины (вот им-то хоть бы хны – растут себе как грибы после вчерашнего дождя). Местный базарчик, расположенный неподалёку, давно опустел. Прохожих мало. В преддверии выходного дня некому было нарушить вечернюю тишину.

Лена сидела за тихо жужжащим компьютером. Работалось как никогда легко. Мысли, давно сформированные в её умной головке, без особого напряжения складывались в стройные словесные конструкции.

Из-за перестука клавиатуры она не сразу услышала, что в здание кто-то вошёл, лишь несколько мгновений спустя боковым зрением увидела в дверном проёме человека, явно не местного. Но – странное дело! – Лене вдруг почудилось, что давным-давно, скорее всего, в детстве, она уже встречала такого же высокого плечистого парня. Ей показались знакомыми его длинные каштановые волосы, лёгкими волнами ниспадающие до плеч; открытый взгляд карих глаз, в уголках которых притаилась едва обозначенная доброжелательная улыбка. Но где и когда она могла видеть его?! И тут внутри неё, где-то очень глубоко, щёлкнуло: сказка! Да-да, этот парень так похож на принца из чешской сказки «Три орешка для золушки».

Смахнув как наваждение возникшую на миг сказочную картинку, Лена вышла из-за своего рабочего стола и шагнула навстречу гостю:

— Добрый вечер.

— Здравствуйте. Меня зовут Мартин, я из Чехии,- ответил он с лёгким акцентом на приветствие хозяйки.

— Из Чехии?! – Девушка слегка вздрогнула от такого известия. И впрямь как будто пришелец из её любимого чешского фильма. — Чем я могу быть вам полезной?

— Я заблудился. Мне очень нужна ваша помощь, товарищ.

Девушка уже справилась с лёгким волнением, а подзабытое в новой России обращение «товарищ» рассмешило её. Выросшая в постсоветское время, она лишь из учебников своей любимой истории знала, что так пафосно обращались друг к другу в первый послереволюционный десяток лет, а потом – на торжественных мероприятиях да партийных собраниях. Теперь это обращение

забыто, правда, и замены ему пока не нашлось – «госпожа» да «сударыня» тоже резали слух. Лена никак не поправила неожиданно-го гостя, лишь протянула ему руку для приветствия и попросила рассказать, что случилось. История, услышанная ею, оказалась почти невероятной.

Мартин Новак – чех по национальности. Живёт с родителями в Праге. Профессиональный фотограф. Со своим фотоаппаратом к тому времени объездил 27 стран, не раз бывал в России. Снимки, сделанные здесь, кажутся ему самыми удачными. Трудно даже объяснить — почему. То ли русская природа настолько живописна, то ли лица наших соотечественников особенно открыты и выразительны.

Но, пожалуй, есть и ещё одно объяснение: Мартин прекрасно знает русский язык. Его уроки были обязательны для всех школьников их страны до 1989 года – года бархатной революции, когда произошла череда ноябрьских студенческих волнений, положивших начало бескровному свержению в Чехословакии коммунистического режима. Начиная с первого класса, русский язык там изучался так же глубоко, как и родной. Поэтому теперь все взрослое население Чехии и Словакии свободно говорит по-русски. Мартину это здорово помогает устанавливать контакт с россиянами, а значит, и понимать глубину русской души, особенности характера нашего человека.

Впервые в Россию он приехал в 1997 году ещё совсем юным свободным художником. Уже тогда его интересовала жизнь простых людей в самых дальних уголках России: шахтёров, вулканологов, рыбаков, охотников, китоловов. Во всём мире охота на китов запрещена, а в российской Чукотке это не только официальный, но и единственный способ заработать на жизнь хоть какие-то деньги. Здесь Мартин сделал целую серию эксклюзивных снимков.

Затем его фотоаппарат запечатлел тысячи великолепных видов и характерных лиц Заполярья, черноморского побережья Кавказа, Мурманска, Байкала, Владивостока, Анадыря, и с тех пор наша страна словно магнитом притягивает его к себе прежде всего своей необъятной ширию, а ещё загадочной русской душой, о которой он много слышал с детства и тогда же поставил себе цель – разгадать. И помощником ему стал именно фотоаппарат, причём не новомодный цветной: только чёрно-белые снимки, считает фотохудожник, способны наиболее точно отразить внутреннее состояние человека, его душу. А цвет часто мешает.

Результатом практически каждой поездки Мартина Новака становились фотоальбомы и персональные выставки, которые в

Чехии неизменно пользуются успехом. Частый гость он и в странах бывшего СССР. В 1995 году несколько дней работал в Чернобыле. Оттуда он привёз такие пронзительные снимки, что они никого не оставили равнодушными, именно тогда Мартин впервые стал лауреатом Международного конкурса фоторабот.

Обо всём этом Лена Иванова, директор мотыгинского районного краеведческого музея, узнавала постепенно, по мере того, как их случайная встреча положила начало союзу двух неординарных творческих личностей: одного – из центра Европы, другого – из маленького села, затерявшегося в просторах Сибири.

В то лето в планах у Мартина значились Ергаки. Он много слышал и читал об этих замечательных первозданных местах, мечтал сделать отсюда серию снимков, которые могли бы стать украшением любой выставки. Добрался до Красноярска, но судьба распорядилась по-своему: на автовокзале ему неправильно указали маршрут, вместо Абакана он уехал в Мотыгино, и лишь выйдя на конечной остановке, догадался, что попал не туда, куда хотел. Пока он, раздосадованный, думал, что теперь предпринять, приехавшие вместе с ним пассажиры разошлись, автобус отбыл в гараж на стоянку, привокзальная площадь опустела, а сам вокзал оказался на замке.

Быстро вечерело. После восьмичасовой утомительной дороги голод и усталость брали своё. Мартин пошёл вдоль улицы, надеясь узнать у кого-нибудь, где ему можно остановиться на ночь и как утром продолжить путь в вожделенные Ергаки.

Однако улица оказалась пустынной. Впрочем, Мартин не удивился этому обстоятельству: у них в Праге все учреждения и магазины и вовсе закрывались к пяти часам. В Чехии строго соблюдается правило: нельзя заставлять людей работать в вечерние и тем более ночные часы – это время для отдыха. Отработав положенное, жители города расходились по своим домам и квартирам, а если и встретишь на вечерних улицах города редких прохожих, то это, как правило, иностранные туристы, использующие каждый час своего путешествия для знакомства с многочисленными достопримечательностями чешской столицы.

Так что, не увидев на сельской улице за 10-15 минут ходьбы ни одного человека, Мартин принял это как должное.

Незадачливый путешественник шёл по широкой улице, с профессиональным интересом вглядываясь в старинные дома с полукруглыми рамами, машинально отмечая про себя многочисленные лужи с плавающими в них обёртками от мороженого и разнокалиберными пустыми пластиковыми бутылками, с почер-

невшими шкурками от крупных кормовых бананов. В 90-е годы, когда он только начинал путешествия по России, сельские улицы, как ему помнилось, выглядели намного чище. Или тогда в России просто не было ни мороженого, ни разнообразных напитков, а об экзотических фруктах россияне вообще имели представление только из книг про Африку?

Размышляя так на голодный желудок, Мартин дошёл до старинного купеческого здания с вывеской «Районный краеведческий музей». Раньше он уже бывал в маленьких российских музеях, они нравились ему своим особым патриархальным колоритом – крепким, основательным, неспешным. Старинная русская культура уже была широко представлена в фотоработах художника, упустить ещё одну возможность он не мог. Да и надо же было, в конце концов, определиться, что ему делать дальше в той западне, куда он попал по воле его величества Случай.

Лена недолго думала, как ему помочь. Перво-наперво позволила домой и попросила маму приготовить ужин – она придёт с гостем. Предлагать иностранцу мотыгинский общепит девушка не хотела: единственная действующая точка с затёртыми столами не могла похвастаться ни ассортиментом, ни качеством, ни уровнем сервиса. Да и сама точка, вполне вероятно, может оказаться закрытой. Просто так. Без объяснения причин.

У них дома, конечно, тоже не ресторанный уровень, зато мама сумеет приготовить по-домашнему вкусно, а главное, от души. Да и есть что на стол поставить. Слава богу, зелени полон огород, огурцы-помидоры в теплицах наспели, а мясо от замороженных свиней в морозилке у трудолюбивой семьи Ивановых не выводится круглый год. На удачу, первые грибы Лена с отцом насобираала ещё в прошлые выходные, а солить-мариновать мама с дочкой мастерицы.

Пока Светлана Фёдоровна, получив от дочери задание, хлопотала дома на кухне, девушка познакомила гостя с музейными экспонатами, а потом повела его на соседнюю улицу, где находилась их родовая усадьба: с большим крепким домом, сплошь застеклённой верандой, летней кухней, большим плодовым садом. Август – благодатное время: начинают поспевать сливы, первые ранетки и полуяблочки, вызревающие даже в их довольно суровом климате. На клумбах всюду цветут цветы, с февраля-марта взлелеянные и выхваленные неутомимыми женскими руками.

Когда Мартин зашёл в ограду и увидел всё это великолепие, ему показалось, что он попал в рай. Ленины родители пригласили гостя к столу, накрытому в саду в деревянной ажурной бе-

сидке, благо, вечер обещал быть тёплым, а старинный фонарь, подвешенный над островерхой алюминиевой крышей, в быстро надвигающихся фиолетовых сумерках ярко освещал щедро накрытый стол.

За ужином Мартин ещё раз рассказал историю, в которую неожиданно попал, и хозяин дома предложил ему остаться переночевать у них. Чего, мол, так поздно идти в гостиницу, да и каково там – в той гостинице? Поди, не пятизвёздочный отель, как у них в Европе.

Мартину было неловко стеснять незнакомых людей, но, поразмыслив, согласился. Эти простые люди излучали неподдельное гостеприимство. Часто путешествуя по России, парень давно уже понял разницу между людьми Запада, которые при встрече, как правило, вежливо улыбнутся и, соблюдая ритуал, непременно спросят: «Как дела?» Но мало кого это в самом деле интересует, просто так принято. А в России, узнав о беде, примут участие, помогут, если понадобится, откроют дверь и незнакомцу.

После ужина дочь быстренько помогла матери перемыть посуду, и они с гостем отправились немного погулять, накинув лёгкие куртки: к ночи комары стали вести себя очень уж воинственно. За время застольного разговора с простыми и сердечными людьми Мартин почувствовал к ним полное расположение. Давно прошли остатки досады на невольное приключение. Более того, ему стало казаться, что он не случайно попал в это село. Что на самом деле он давно стремился сюда, но всё время что-то мешало, а сегодня его планам суждено сбыться. Ему захотелось побольше узнать об этой девушке.

— Расскажи о себе, пожалуйста, — попросил он её во время прогулки.

— О себе? Да особо нечего рассказывать. Работаю.

— А о чём мечтала в детстве?

— Смеяться не будешь? Научиться скакать на белой лошади.

— Почему именно белой?

— На такой скачет героиня в моей любимой сказке « Три орешка для Золушки».

— Так это же наш чешский фильм! – воскликнул Мартин. – Я в детстве тоже его любил.

— У нас в стране раньше его показывали по телевизору каждый Новый год. Родители всю ночь «Голубой огонёк» смотрели, но утром, почему-то всегда это было в восемь часов, папа обязательно будил нас с сестрой смотреть любимую сказку, а сам дальше ложился спать.

— Будил обязательно папа?

— У мамы 1 января день рождения, и никто не тревожил её в это утро. Такой подарок. А мы с сестрой из новогодних подарков, которые родители приносили с работы, набирали шоколадных конфет и мандаринов, устраивались на диване рядом с ёлкой, зажигали гирлянды, укутывались одеялом, и каждый раз как будто впервые с замиранием сердца следили за тем, как бедная Золушка влюбляется в красавца-принца и в конце концов тоже превращается в принцессу. Мы были влюблены почти во всех героев сразу, даже в сову Розарку и коня Юрашека. А музыка... . Какая в этом фильме музыка! Слушая её, нам всегда хотелось плакать. До сих пор от этой удивительно красивой истории у меня остаётся ощущение детства, счастья и надежды. Вот отсюда и мечта про белую лошадь. Увы, пока не осуществилась. Коней в нашем селе почти не осталось.

Когда ещё учились в школе, мы пытались хоть что-нибудь узнать о том, как создавался этот фильм, про актёров, сыгравших главные роли, у нас тогда все девчонки в школе грезили артистами кино, но так ничего и не нашли.

— А хочешь, я сейчас для тебя найду? Или уже неинтересно?

— Что ты, конечно, интересно.

— Недавно по нашему чешскому телевидению к 35-летию создания этого фильма на пражской киностудии показывали сюжет про режиссёра «Трёх орешек» Вацлава Ворличка и о том, как сложились судьбы актёров, сыгравших главные роли. Их зовут Либуша Шафранкова и Павел Травничек. Могу найти для тебя дискету с этой передачей.

— Здорово! Буду тебе очень признательна, это же как встреча с детством.

Наутро, ещё раз поблагодарив за гостеприимство, Мартин уехал. Лена проводила его к утреннему автобусу на Красноярск. На прощание они обменялись телефонами.

Ни в какие Ергаки чешский фотограф решил сейчас не ехать, почему-то ему казалось, что он непременно ещё побывает в этих местах, и тогда осуществит задуманную поездку в заповедные горы.

Встреча с Леной взволновала его, он давно уже не испытывал ничего подобного: за всё время общения не заметил в русской девушке ни тени фальши или кокетства, всё в ней было естественно и органично.

Он стал звонить ей, едва вернувшись домой, и почти сразу же предложил приехать к нему в Прагу. Так сказать, с ответным визитом.

Поначалу для девушки это показалось неприемлемым, но чем дальше шло время с той случайной августовской встречи и чем более длительными становились их телефонные переговоры, тем чаще она думала о летнем госте. Смешно, наверное, но её воображение рисовало сказочные картины: вот Мартин возвращается за ней на белой лошади, вот они вместе скачут далеко-далеко, за снежный горизонт.

Тем временем приглашения приехать в Прагу становились всё настойчивее, и к ноябрю Лена сдалась. Оформила заграничный паспорт, шенгенскую визу, и на Рождество отправилась в Чехию.

Мартин жил в центре Праги вместе с родителями. Его никогда не смущало обстоятельство, что взрослый мужчина не имеет отдельной квартиры: он так много путешествовал по свету, а находясь в Праге, большую часть времени проводил в своей фотомастерской на тихой улочке на окраине столицы, что сын и родители практически не мешали друг другу. Напротив, им довольно редко удавалось вместе проводить семейные вечера, как правило, это случалось, когда по какому-нибудь важному поводу приходила старшая дочь Новаков – Дана.

Приехав в Прагу, Лена Иванова, деревенская, в сущности, девчонка, очень робела в гостях у Мартина. Его тактичные и воспитанные родители отнеслись к новой подруге сына со всем радушием хозяев, но некоторая напряжённость всё-таки чувствовалась. Именно старшая сестра Мартина помогла Лене понять, в чём дело.

Дана закончила среднюю школу в последний год власти чехословацких коммунистов. Она решила поступать на филологический факультет университета, и выбрала языки – испанский и русский. Вот против последнего-то и взбунтовался отец, прежде никак не проявлявший неприязни к русским, но в душе его, оказывается, давно зрел клубок ненависти.

— Как! Ты хочешь посвятить свою жизнь изучению языка, на котором разговаривали русские танкисты, в 1968 году гусеницами раздавившие в нашей стране ростки свободы? Не бывать этому! Ты забыла, что их танкисты только в первый день вторжения убили 58 наших граждан, они не пощадили семерых женщин и даже одного ребёнка. А сколько всего погибло людей, ты помнишь? За месяц проведения варварской операции «Дунай» было убито 107 чехов и словаков, ещё 500 — ранены.

Но Дана стояла на своём. В их спор вмешалась мама. Обычно более мягкая и покладистая, чем отец, тут она попросила мужа не перечить дочери:

— Ну, ты сам подумай, Ян, причём тут язык? К тому же не забывай, как много советских людей вступились тогда за нас. Всту-

пились, несмотря на то, что сами могли жестоко поплатиться.

Отец ещё долго скрежетал зубами, но в конце концов сдался. В самом деле, в Чехословакии знали, что 172 советских гражданина, из них 38 женщин, тогда, в 68-м, не побоялись выступить в защиту Пражской весны и публично выразили несогласие с вводом на улицы Праги советских танков.

Одни присоединились к манифесту Пражской весны, получившему название «2000 слов». Его автор — писатель Людвик Вацулик. Манифест со стороны интеллигенции Чехословакии стал поддержкой реформ Александра Дубчека — с января 1968 года лидера ЦК КП ЧССР. Другие советские граждане устраивали пусть немногочисленные, но всё же открытые демонстрации, протестуя против ввода войск стран Варшавского договора (прежде всего СССР) для пресечения в Чехословакии курса демократических реформ. Третьи подписывали письмо «В защиту семерых» — это когда семерых самых отчаянных, протестовавших прямо на Красной площади — у стен Кремля, бросили в тюрьмы и жестоко допрашивали, пытаясь выяснить, существует ли в СССР разветвлённая оппозиционная сеть. Четвёртые писали мелом на асфальте или вывешивали из окон своих квартир плакаты: «Брежнев, вон из Праги!», «Руки прочь от Чехословакии!», «Свободу Дубчеку!» (его сразу после советского вторжения привезли в Москву, и Москва об этом узнала). Пятые в связи с насилием над Чехословакией отказывались служить в советской армии или порывали с КПСС. Шестые в августовские дни 68-го года выходили на улицы советских городов в траурных повязках на голове. Седьмые подписывали протестные письма в первую годовщину вторжения. Восьмые — аналогичные заявления «Десять лет спустя».

Два журналиста «Известий» и один радиожурналист, аккредитованные в ЧССР, отказались писать статьи и проводить радиопередачи в «нужном духе» — в поддержку ввода войск, более того, открыто высказывали осуждение подавления Пражской весны.

Писатели Леонид Леонов, Константин Симонов, Александр Твардовский тоже отказались подписывать открытое письмо чехословацким писателям со словами поддержки внешней политики СССР и стран Варшавского договора.

Популярный поэт Евгений Евтушенко через два дня после вторжения написал пронзительные строки:

*Танки идут по Праге
В закатной крови рассвета,
Танки идут по правде,
Которая не газета.*

*Страх – это хамства основа.
Охотнорядские хари,
Вы – это помесь Ноздрёва
И человека в футляре.
Совесть и честь вы попрали,
Чудищем едет брюхатым
В танках-футлярах по Праге
Страх, бронированный хамством.*

*Танки идут по склепам,
По тем, что ещё не родились,
Чётки чиновничьих скрепок
В гусеницы превратились.
Разве я враг России?
Разве я не счастливым
В танки другие, родные,
Тыкался носом сопливым?
Чем же мне жить, как прежде,
Если, как будто рубанком,
Танки идут по надежде,
Что это родные танки?
Прежде, чем я подохну,
Как – мне неважно, прозван,
Я обращаюсь к потомку
Только с единственной просьбой.
Пусть надо мной – без рыданий,
Просто напишут, по правде:
«Русский писатель. Раздавлен
Русскими танками в Праге».*
23 августа 1968 года.

Каждый протестовавший, так или иначе, пострадал. Всех уволили с работы, кандидаты и доктора наук лишились учёных званий и степеней, писателей и журналистов исключили из профессиональных союзов, членов КПСС – из партии. Самый юный протестант – 1957 года рождения (одиннадцатилетний ребёнок!) – был исключён из школы, возможно, за то, что всего лишь повторил вслух слова своих родителей.

Образованные люди, вложившие значительную лепту в науку или искусство, вынуждены были становиться кочегарами, грузчиками, шофёрами. Женщины – санитарками или посудомойками. Все

были подвержены обыскам на квартирах и унижительным допросам. Их садили в тюрьмы, принудительно «лечили» в психушках. Самых активных и «социально опасных» вынудили к эмиграции.

Словом, расправились со всеми, кто в связи с чехословацкими событиями публично высказал своё несогласие с внешней политикой СССР, а сколько было тех, кто осуждал, но боялся говорить об этом вслух, помня недавние годы сталинского террора?

Лена Иванова, находясь в гостях в Чехии и проводя вечера в семье Новаков, почти физически ощутила ответственность своей страны за то, что произошло здесь задолго до её рождения. Она, историк по образованию, явственно поняла, как можно одним махом, за считанные дни, перечеркнуть любовь к русским людям и благодарность им за освобождение от фашизма.

Рождественские каникулы подходили к концу. Эта неделя сблизила молодых людей. В последний вечер перед отъездом девушки они гуляли по городу. Лена наслаждалась красотой европейской столицы. Зимой Прага куда красивее не днём, а именно поздним вечером, когда город расцветивается неоновыми огнями и до утра становится незаметным бесснежный серый пейзаж, унылый, даже несмотря на великолепие готической архитектуры.

Они остановились на Карловом мосту, под которым несла свои чёрные зимние воды река Влтава. От речной сырости слегка пощипывал нос, хотя для сибирячки после 40-градусных морозов, от которых она уехала несколько дней назад, шесть-восемь европейских градусов ниже нуля – что южный берег Крыма.

— Замёрзла? — Мартин бережно взял узкие Ленины ладошки в свои широкие горячие ладони.

— Нет, что ты. Здесь так хорошо.

— Тогда пойдём. Я ведь обещал показать тебе Пражский град – резиденцию чешских королей. Сейчас там работает наш Президент.

Спустившись с моста, они совсем близко подошли к величественному архитектурному ансамблю. Никакой охраны. Несколько припозднившихся прохожих, как и они, спокойно подошли сюда же, фотографировались, снимали друг друга на видеокамеру на фоне правительственного здания.

Одна из главных достопримечательностей Пражского града (по-чешски град – крепость) – собор Святого Вита. Его строили целых 600 лет. Сколько архитекторов передавали своё любимое детище из рук в руки, но все они сохраняли изначальный стиль, задуманный самым первым зодчим – французом Матье, внося лишь незначительные коррективы. Высоко взметнувшиеся шпили как

будто подтверждают, что этот собор – духовная, художественно-архитектурная и национально-историческая святыня Чехии. К счастью, фашистские бомбы миновали его.

Молодые люди вошли внутрь. За последние дни Лена успела познакомиться со многими архитектурными шедеврами родного города своего друга, но величественная органная музыка, льющая, казалось, откуда-то из поднебесья, мгновенно заворожала её, горло перехватил восторженный спазм. Только через минуту она вновь обрела способность любоваться красотой внутреннего убранства: цветными стёклами витражей, мозаикой из полудрагоценных камней, сетчатыми сводами и чёткими геометрическими пропорциями собора, сплошным кружевом изящных оконных переплётов. Мартин обратил внимание своей спутницы на то, что ни одно окно не повторяет орнамент, каждое – оригинально и восхитительно по красоте.

Впечатление от посещения собора оказалось столь сильным, что у девушки слегка заболела голова, и они вышли на свежий воздух. На улице её ждала приятная неожиданность – только-только начал идти невесомый пушистый снег. На разгорячённых Лениных щеках такие родные ледяные кристаллики тут же таяли, приятно холодя лицо.

— А мне уж подумалось, что у вас снега никогда не бывает. Это он меня домой зовёт, загостились вы у нас.

На следующий день Мартин проводил её на поезд Прага – Варшава – Москва, и они расстались, пообещав друг другу звонить.

— Летом я обязательно приеду, всё-таки очень хочется познакомиться с вашими Ергаками.

— Надеюсь, больше не заблудишься? Хотя это и немудрено: теперь-то я воочию убедилась, что вся ваша Европа — во много раз меньше нашего Красноярского края. Так уж и быть, помогу тебе добраться до Ергаков, сама давно мечтаю там побывать.

За месяцы, прошедшие после отъезда Лены, Мартин всё больше и больше чувствовал, как стала дорога ему эта девушка из Сибири, как ему хочется, чтобы она всегда была рядом с ним, и он решил на предложение руки и сердца. Об этом он написал ей в письме. Написал так горячо и нежно, как только может большой художник с душой романтика.

На этот раз он приехал в Мотыгино ранним утром, но решил в такой час не беспокоить. На скамейке около автовокзала дождался открытия цветочного магазина и уже знакомой дорогой пошёл к своей любимой с двумя огромными букетами: нежно-кремовых роз для невесты и розовых — для будущей тёщи.

В то утро ничего не подозревающая Лена, как обычно, ушла на работу. Она, конечно, поджидала друга, но, откровенно говоря, сомневалась, что Мартин действительно приедет за ней. Где – он и где – она?

Когда же он вновь, как и год назад, неожиданно появился на пороге районного музея, у неё гулко ухнуло сердце: и от того, что он всё-таки приехал, и от шикарных цветов – предвестника счастливой развязки медленно, исподволь развивающихся отношений, и даже от того, что он вновь напомнил ей красавца-принца из любимой детской сказки.

Попросив свою помощницу поработать за неё, девушка позвонила родителям и предупредила о Мартине. По дороге домой они заходили в магазины и выбирали к столу самые лучшие продукты.

А стол к их приходу уже был накрыт, но, странное дело, мама Лены, не в пример предыдущему разу, как-то не очень приветливо встретила гостя. Зная от дочери о серьёзных намерениях Мартина, в глубине души она надеялась, что тот передумает, найдёт себе невесту у себя на Родине и не станет мать лишать любимой дочери – слишком дорого она досталась родителям, слишком много сил приложили они с отцом, чтобы вылечить, выхолить и вырастить их младшую девочку, тяжело и часто болевшую в детстве.

Но её тайные надежды не оправдались. Мартин всё-таки приехал.

Зайдя в дом, парень учтиво поздоровался с родителями, преподнёс Светлане Фёдоровне цветы и, не откладывая в долгий ящик, несколько старомодно сообщил о цели своего визита:

— Я люблю вашу дочь, обещаю быть ей опорой и защитой, надёжным и верным мужем. А вас мы всегда будем уважать и обязательно навещать каждое лето.

— Нет, – не раздумывая, сообщила мать давно принятое ею решение.

— Почему? – растерялся молодой человек.

— Наша дочь должна жить дома, в России.

— Но в моём доме Лене будет хорошо, я вам обещаю.

— Я не даю своё согласие! — Положив букет на край стола, она вышла из комнаты. Повисла неловкая пауза. Лена стояла, потупив голову.

— Значит, так, — взял слово отец. — Пока мать переубеждать бесполезно, надо дать ей время остыть. Три дня у тебя, Мартин, есть? Сейчас мы позавтракаем и отправимся на реку – поплывём по Ангаре. А там видно будет.

Ели молча, без аппетита глотая пищу. Отец первым вышел из-за стола. Заядлый рыбак и охотник, отработанными действиями он начал быстро собирать необходимые для такого путешествия вещи. Сгодились и продукты, купленные молодыми для праздничного стола. Чего ж пропадать добру!

Он повёл парня окольными путями – подальше от любопытных глаз мотыгинцев, которые уж наверняка прознали, что директора их музея приехал сватать жених аж из самой заграницы.

Спустившись к Ангаре, они установили мотор, хранившийся на высоком берегу в маленькой сторожке, уложили рюкзаки и коробки в лодку и оттолкнули её. Быстрые воды тут же подхватили судёнышко, но Геннадий Петрович ловко завёл послушную технику и развернул её против течения. Часа два плыли без перерыва. Мартин с удовольствием подставлял свежему речному ветру разгорячённое лицо, остужая неожиданную обиду. Наконец, пристали к берегу. Старший ловко развёл костёр, установил котелок с чистой ангарской водой, проворно принёс из прибрежного леса кипрей и смородиновый лист.

— Жаль, душицы не нашёл, за ней дальше надо было идти, а я не хотел тебя надолго оставлять одного. Ты не сердись на мою жену, — стал он успокаивать Мартина. — Её можно понять, сама она дальше Красноярска сроду не была, боится за дочь, а ну как не увидит больше? Мы вот тебя второй раз в жизни видим, хороший парень, ничего не скажу, а всё же страшно дочку в такую даль отпускать. Да и насмотрелась она по телевизору передач, как заграничные женихи, такие сначала ласковые да щедрые, потом наших преданных русских девчонок под домашний арест сажают, заставляют прислуживать, а если девушка одумается и захочет домой вернуться, даже детей не отдают. Лена нам ведь давно всё сказала. Ожидая тебя, мы обо всём передумали и переговорили. Я перечесть дочке не могу, поэтому поддерживал её, а не мать. А она ни в какую. «Он вот запрёт тебя в комнате, — говорит, — и заставит детей рожать, будешь у него как рабыня».

Несмотря на пережитое нервное напряжение, Мартин при этих словах расхохотался. Его сильный голос широко раскатился вдоль реки, отдаваясь звучным эхом. Парень смеялся так долго, что и отец Лены, в конце концов, присоединился к нему. Нахотавшись вдоволь и, сняв таким образом напряжение, они принялись пить чай, давно булькавший в котелке и разносивший по всей округе дразнящий аромат лесных трав.

— Никогда в жизни не пил такого вкусного чая, — признался гость, — и без сахара сладкий.

Хозяин впопыхах забыл его, торопясь скорее увезти гостя на природу.

Три дня провели они на берегу красивой сибирской реки. Всё выше и выше переплывая с места на место, одно другого краше, они собирали на берегу пряные травы для чая и хворост для костра, удили рыбу, запекали её до черноты прямо на угольках, варили уху, купались в студёной ангарской воде. Наудачу стояла жара, и, выбравшись на берег, они до истомы прогревались на раскалённых крупных камнях. Мартин и тут не терял времени даром – нащёлкал огромное количество снимков, оригинальные сюжеты которых не надо было долго искать. Вот они, хоть всё подряд снимай, не прогадаешь.

— А хочешь, я познакомлю тебя со староверами? — предложил Геннадий Петрович на утро четвёртого дня.

— Это кто такие?

— Сами себя они величают старообрядцами. Живут тут неподалёку, в глухой тайге. Их предки сбежали сюда ещё в 17 веке, когда Патриарх Никон начал проводить церковные реформы. Многие тогда на Руси не согласились с никонианскими нововведениями, но Патриарха поддержал царь, и несогласных стали называть раскольниками. Гнобили их, предавали анафеме, ссылали в Сибирь, а особо упорных казнили. Чтобы остаться в живых, а главное, продолжать исповедовать родную веру, старообрядцы семьями и целыми сёлами потянулись в эти места, захватив только самое необходимое, в основном старые иконы, они, как рассказывают их потомки, скорее утварь какую на прежних местах бросали. Всем можно снова обзавестись, а старой вере своей оставались верны. Селились подальше от людских глаз, жили в своих скитах и тайных сектах отрешенно, там им никто не мешал по-прежнему креститься двумя, а не тремя перстами, во время богослужений дважды, а не трижды произносить «Аллилуя» и на привычный лад называть Бога Иисусом, а не Исусом.

— А примут ли они нас?

— Примут. Обряды свои они и сейчас соблюдают строго, а вот с иноверцами мало-помалу начали общаться. Да и как в современном мире без людей обойтись. Вон, Агафья Лыкова уж на что соблюдает отцовскую твёрдость веры, а людей перестала избегать, принимает от них дары и даже сама теперь нередко просит подсобить, чтобы выжить в тайге, не умереть с голоду, холоду или от болезней.

Молодой чех с интересом выслушал удивительную историю, которую в России, пожалуй, знает каждый, а не только читатели

«Комсомольской правды», где в 80-е годы прошлого века журналист Василий Песков в серии документальных очерков «Таёжный тупик» впервые рассказал о тогда ещё большой семье Лыковых. И о том, как после встречи с мирскими один за другим стали умирать члены этой семьи. Иммуитета у них не было, а «мир» принёс им не только блага в виде каких-то необходимых в быту вещей, но прежде всего болезни, от которых мы не умираем, а вот они, незащищённые, погибли. Устояла одна лишь Агафья.

Побывав в нынешнем староверческом скиту, скрывавшемся за одним из многочисленных ангарских излучин, Мартин до отказа наполнил свой фотоаппарат эксклюзивными снимками, благо, поселенцы скита, что называется, осовременились и вполне благодушно относятся к тем чужакам, которые не принесут им вреда, а таких они чуяли сразу.

Съестные припасы, наспех взятые из дома, подходили к концу, и хоть рыбой Ангара всё ещё богата, да без хлеба сыт не будешь. Пора было возвращаться. Обратный ход – вниз по течению – показался Мартину стремительным. Чем ближе к селу, тем больше у парня щемила душа. Как-то встретят его на этот раз? Удалось ли Лене уговорить маму не вставать у них на пути? Девушка успела шепнуть ему перед их отъездом, что она всё уладит.

Причалив к берегу и замкнув в сторожке мотор, мужчины с обветренными загорелыми лицами направились к дому. Во дворе их встретила тишина. Мать и дочь находились в доме.

— Заждались мы вас, — как ни в чём не бывало, произнесла Светлана Фёдоровна. — Ладно, догадались, что у вас хлеб кончается, и вы сегодня непременно приплывёте, вот и поставили томиться в русскую печку щи.

У мужчин отлегло от сердца. У младшего — от того, что не придётся увозить любимую убёгом, без родительского благословения. Ну, а у старшего — потому что ход его оказался как всегда точным. За 30 лет совместной жизни он научился безошибочно управлять женой, не ущемляя её излишнего самолюбия, — надо лишь вовремя как будто бы отступить. Или сделать вид, что отступаешь, и тогда мир и согласие снова воцарятся в их семье.

Кроме щей, на столе вскоре оказались глиняный горшочек со сметаной, блины с творогом, пироги утренней выпечки со свежей капустой и грибами.

Нельзя сказать, что на этот раз хозяйка оказалась более ласковой к будущему зятю, но лёд тронулся. Уж какие слова убеждения нашла её любимая доченька, осталось в секрете даже от Мартина. Только за время их речного путешествия Лена уволилась с работы,

собрала документы и необходимые на первое время вещи, заказала авиабилеты на Москву.

Они выехали на следующий же день. Отец попрощался с детьми тепло, пожелал счастья, лишь попросил Мартина беречь их дочку. Мама, обнимая Лену, не сдержалась, заплакала. Её душа так и не приняла дочкиного решения, но ничего не поделаешь, ей не 15 лет, поздно держать у своей юбки. Да и годы, что там говорить, брали своё, пора ей обзаводиться своей семьёй, не век же с родителями жить.

Приехав в Прагу в первых числах августа, Лена записалась на полугодовые курсы чешского языка, а потом пошла устраиваться на работу в русскую школу по своей специальности – учителем отечественной истории. Таких школ, на её удивление, оказалось несколько, здесь обширная русская диаспора – около 20 тысяч человек.

Получив любимую работу с русскими детьми, Лена довольно быстро адаптировалась в новой обстановке. Покладистая и доброжелательная, она нашла общий язык и с родителями Мартина, а с его старшей сестрой Даной и вовсе крепко подружилась.

Прожив год вместе с родителями, молодые взяли приемлемый кредит и купили однокомнатную, но все же отдельную квартиру, главное достоинство которой в том, что она расположена не в шумной столице, а в её пригороде – Кралупах. Там они появляются только к вечеру: и Ленина школа, и мастерская Мартина находились в самой Праге. Добираться до квартиры не представляло никакого труда — регулярно ходят электрички.

Выходные дни они часто проводят в заповедном лесу. Лена особенно полюбила прибрежную дорогу: всё вверх и вверх, километра три, мимо ухоженного лесного массива, где то и дело встречаются таблички с указателями, какие здесь растут деревья, водятся птицы и животные. Финишем таких путешествий становится величественный замок, находящийся на вершине горы. Когда-то он принадлежал знатному чешскому роду, но после свержения королевской власти его национализировали. Бывшие хозяева, не смирившись с новыми порядками в их стране, эмигрировали в Америку. Бархатная революция всё расставила по своим местам. Замок был возвращён наследникам прежних хозяев. За несколько месяцев они оформили на своё родовое поместье документы, отремонтировали замок, превратив его в музей, и сдали новым властям в аренду. Изумительной древней архитектурой теперь любят многочисленные чешские и зарубежные туристы.

Молодые супруги Новаки живут дружно, вопреки опасениям матери Лены. Мартин дорожит своим счастьем, доставшимся ему нелегко. И только во время редких и не очень-то серьёзных размовок он шутя грозит своей молодой жене:

— Вот запрю тебя в комнату и будешь мне детей рожать.

На этом скоротечный конфликт обычно и заканчивается: рассмеявшись и прильнув друг к другу, они представляют, как в их комнате начнёт бегать долгожданный малыш, пытаются угадать, на кого он будет похож и какое будущее ждёт его.

Словно в первую минуту встречи на пороге мотыгинского музея, для Лены её муж всё такой же чудесный принц из детской сказки «Три орешка для золушки». А их совместные прогулки по городу непременно заканчиваются в маленьком, но уютном пражском кафе «Дольче Вита» — сладкая жизнь, где Мартин обязательно угощает свою жену её любимым лакомством — мороженым с орешками.

Время от времени, примерно раз в неделю, Лена выходит на компьютерную связь со своей задушевной подругой Ириной, по-прежнему работающей преподавателем в красноярском педуниверситете. С тех пор, как молодые Новаки купили отдельную квартиру, Лена настойчиво приглашает её в гости:

— Ты уж всю Россию объездила, пора тебе за границей побывать. Знаешь, приезжай на Рождество. То зимнее путешествие оказалось для меня счастливым, а вдруг да тебе повезёт. Мартин обещает познакомить тебя со своим другом, тоже фотографом. Славный парень. Он, кстати, не женат.

— Да ну тебя, Ленка, у тебя одно на уме — выдать меня замуж. Я уж как-нибудь сама. А за приглашение спасибо. Правда, на ваше католическое Рождество не получится — зачётная неделя будет в разгаре, а вот на наше православное — пожалуй. Жди меня с русскими подарками. Всё равно, поди, душа скучает по России.

— Привези мне, пожалуйста, игрушечного Деда Мороза. Хоть самого маленького.

Екатерина Черепанова

Родилась 5 августа 1985 года. в Майме. В 2002 закончила МСШ №1, в 2006г. — Горно-Алтайский педагогический колледж, в 2013г. — Новосибирский институт экономики и менеджмента. Стихи начала писать с 9 лет, вот первое стихотворение.

*Где-то на горе растет цветок
Утром распускает лепесток,
Солнышко глядит из далека,
Улыбаясь мчатся облака.*

Также с раннего детства начала рисовать. В юности вдохновлялась поэзией Цветовой, Друниной. Стихи писала больше для себя, чтобы облегчить душевные терзания, высвободить накопившиеся эмоции. Главным слушателем моих творений была мама.

А может быть...

*А может я и вправду, не любила?
И все, что было, лишь приснилось мне во сне?
Ноябрь месяц, а душа обледенела,
И кажется, оттаает лишь к весне.*

*А может быть, я просто не простила,
Когда раздор решают кулаком?
Когда лавина из мужицкой силы,
Захватывает душу целиком?*

*А может быть, я жизнь не оценила?
И не по той тропинке побрела?
И не тому когда-то изменила,
И не того в объятия приняла?*

*А может быть? Что, может быть? Не знаю!
Ответы на вопросы не просты...
Но я одна в постели засыпаю,
И помыслы, по-прежнему, чисты.*

*Ничем не прикрыть равнодушие,
И холодность каменных глаз,
Не спрятать осколки застывшие
В потоке «заботливых» фраз!
И с каждой минутой присутствия
Тебя в моей жалкой судьбе,
Меня разрушает отсутствие
Заботы твоей обо мне...*

Как трудно и легко...

*Как трудно и легко все начинать сначала!
Все с чистого листа и слабенькой надежды,
С прощения себя, что годы не мечтала,
С принятия того, что все мы небезгрешны.*

*Ночами не до сна, как иглы чувства остры!
Пыталась объяснить свою не идеальность,
Но то, что не познать, то объяснить непросто,
А что не объяснить – не воплотить в реальность...*

*Прости, я не из тех, кто ложь берет в привычку,
Кто может соблюдать тактичность с наглцом,
Того, кто в суете Любовь берет в кавычки,
В глаза я назову лгуном и подлецом!*

*Бежала от людей, пыталась скрыться в мире,
Задуманном задолго до появления слез,
Но стало жаль мне жизнь, и я теперь отныне,
Бегу не от людей, а от своих же грез.*

На самом краешке зимы

*На самом краешке зимы,
В ее начале,
Я убегала от тебя –
Своей печали.
По снежной корке босиком,
Не чуя холод,
Я убегала от тебя
В забытый город.
Я воскрешала по частям
Его структуру –
Все краски дня, ночную малу,
Архитектуру.
Я создала хрупкий мир,
Где жизнь прекрасна,
Там, по крупицам, позабыв,
Как я несчастна...*

Мария Образцова

Быть мне здесь понравилось! Некоторые моменты, конечно, доставляли неудобство, но это было всё временным: когда меня клали на русскую печь, и снизу шёл такой жар, что я начинала орать, или, когда я лежала замотанная в пелёнки и не могла пошевелить ни ногой, ни рукой и без конца приходилось усиленно работать, чтобы освободиться от всех завязок.

С родственниками мне крупно повезло: родители отца были педагогами и настоящими интеллигентами, родители мамы, с которыми я подолгу жила, были простыми, но мудрыми людьми. Отец — строитель, а мама — бухгалтер. В моем окружении вообще не пили алкоголь. Со мной, моим родным повезло не очень, так как ребёнком я была беспокойным. Когда я жила в Черемшанке Майминского района у бабушки, ей приходилось часто штопать мои платья, так как они не выдерживали веток черемушника, за который постоянно цеплялись.

Читать, в пять лет, меня научил дед – педагог, а вот практику я проходила с другим дедом на газетах «Известия» и «Правда» — у керосиновой лампы.

После окончания Манжерокской восьмилетней школы все мои одноклассники поехали учиться дальше – кто в десятый, кто в техникум, а я пошла в «замуж» и работать на мебельную фабрику. Здесь началась моя трудовая эпопея.

В девятнадцать я уехала жить в Эстонию, где у меня родилась вторая дочь, и откуда я благополучно вернулась через три года обратно в Манжерок, где и живу.

В тридцать лет родился сын. В это же время появилось желание непреодолимой силы — учиться. В 1994 году успешно оканчиваю Горно-Алтайский ГПИ – филологическое отделение. Грядут кошмарные девяностые. Я работаю в Манжерокской школьной библиотеке, денег катастрофически не хватает, и я ухожу в свободное плавание, как и большинство русских женщин, которые научились «тянуть лямку», думаю, ещё в годы войны.

Если писать о всех жизненных перипетиях, то это большой неоконченный роман. Но, главное, где бы я ни работала, всегда пишу, мне это доставляет удовольствие. Потому, с желанием, была корреспондентом в местных газетах «Народная газета», «Вестник Горно-Алтайска», «Звезда Алтая»; создала манжерокскую газету «Минутка» и газету «КиТ (культура и туризм) на Алтае», которой вышло пять номеров, а на большее не хватило денег (у нас не любят спонсировать такие проекты, а жаль).

В 1999 году вышел мой первый сборник стихов «Бабье лето», затем сборник стихов и рассказов «Манжерок – моя обитель», печаталась в разных альманахах и СМИ. В 2002 году принята в СП России.

Серые будни

*Сплошными рядами, холодные серые дыры.
Усталые взгляды, блуждают, теряя опору.
Лишь ветер ласкает бабёнок, унылых и сирых.
И судьбы закручены, в тряпок узорные шторы.*

*И копит жара, миражи зарубежного счастья,
Каленым асфальтом фонтаны выносятся газа.
Ручьями текут, как бывает в большие ненастья,
Машинные реки, что движутся сыто и праздно.*

*Надрывный аккорд, прозвонит на прощанье под вечер,
Уже нет надежды, любить и лелеять восходы.
Уходишь в нокаут, неверием в мире помечен,
Сереешь от буден, что стянуты в длинные годы.*

Заваруха

*Заваруха — всё, что в мире этом,
Суета и праздное житьё.
И звенят холодные монеты,
И раздора падает копье.*

*И встаю я молча на колени,
Между двух берёзок у реки.
И несутся мимо годы-кони,
И с укором смотрят старики.*

*И не знаю завтра ли, сегодня,
Я зажму в кулак мой вздорный нрав.
В кутерьме, что стала мерой модной,
Проживём мы, жизни не поняв.*

*Только снова сниться будет долго
Вербы куст, зависший над водой,
Звук телеги старой гулко-дробный,
Да поля с пшеницей золотой.*

Детство

*Когда я стою у плиты деревянной печи,
И вкусно так пахнет, поджаренной в масле картошкой,
И дождь, потихоньку, осенний по крыше стучит.
Покажется, детство ко мне заглянуло в окошко.*

*И, как-то, становится сразу на сердце тепло,
И, кто-то, настойчиво тянет на берег Катуня.
— Вон там, дяди Саши запряжено в листьях весло,
А здесь — харюзок под камнями на удочку клюнет.*

*А здесь, на Шишах, мы учились с разбега нырять,
На каменных плитах лежали, и грелись подолгу.
И Мишка в любви признавался кому-то опять,
А Нинка о планах болтала своих без умолку.*

*Как быстро выросли, шестнадцать — влюбленных пора.
— И тот, кто стоит за углом, всех милее и краше,
А он, провожая, со страхом тебя до двора,
Рукою, так долго, так мило и трепетно машет.*

*И только, когда незаметно года пробежут.
И внук, на горячем песке, на твое сядет место.
И греть будет сердце "плита", да домашний уют,
Вдруг, с теплой улыбкой, тебя позовёт в гости детство.*

Ты сказал, что всё бывает

*Ты сказал, что всё бывает,
Ветер снова клён колышет.
Речка к морю убегает,
Тяжело октябрь дышит.*

*На стене рисую горы,
Кедр разлапистый и древний.
На песке веду узоры,
То — земли стальные нервы.*

*Дождь пройдёт и всё размоем,
А потом туманом станет.
Не делюсь ни с кем тоскою,
И одна живу на стане.*

*Ты сказал, что всё бывает:
Грубость, склоки, неудачи.
Что же снова я вздыхаю,
За улыбкой горечь прячу.*

*У костра сижу до ночи,
Темнота кругом разлита.
Кто же нам любовь пророчил,
У разбитого корыта?*

Я жить хочу...

*О, нет! Во мне живет не жалость,
Ни боль, ни зависть, ни тоска,
Во мне, смешно сказать, осталось,
Два камня и одна доска.*

*Не вижу радость, гнев, страданье,
И дни, как ртутные бегут.
И, что мне это мирозданье,
Где пряник пользуют и кнут.*

*Я жить хочу светло и вольно,
И чувств душевных не таить.
И на сиреневом затоне,
На реку звездный дождь пролить.*

*И не рабыней быть в хозяйстве,
Все ниже голову клоня.
— Но молния разбила царство,
Что в сердце было у меня.*

Переполненное сердце

*На песке вышивает влажном,
Пена белая дивное кружево,
Шелковистые нити разглажены,
Лучом солнечным отутюжены.*

*Прикрываю глаза ресницами,
Вижу, шов убегает зигзагами.
Изумрудная струйка искристая,
С неба жёлтого в реку падает.*

*Из капрона дорожки воздушные,
Словно мостики над водою.
И сердечко мое непослушное,
Переполнено снова любовью.*

Неба благодать

*Потянуло тучи с севера на юг,
И луна холодная чертит в небе круг.
Будто что-то древнее навевает там,
А за речкой быстрой выстроила храм.*

*И пройду я к храму млечною тропой,
Встану на колени в келье золотой,
Почему-то трудно станет вдруг дышать,
И прольётся в душу неба благодать.*

*И тепло и сладко телу в тишине,
Матерь Пресвятая, ты добра ко мне.
Сердцу так спокойно, нет земных тревог,
Места всем хватает, кто душой продрог.*

Сумрак

*Сумрак. Сети темно-серые
Над Россией кто-то сплёл.
Бесшабашно всё затеяно.
Каждый вымучен и зол.*

*Неудачников стенания,
И простого люда бред.
Есть на карте расстояния,
А России как бы нет.*

*То ли с жезлом, то ли с посохом,
Ты идешь из года в год.
Выжимают тебя досуха,
Каждый пай земли берёт.*

*Мысли кружат в небе ржавые,
Да монетный слышен звон.
Распадается держава,
Мир дурманом опоен.*

*Видно, где-то потеряли,
Предков праведный завет.
Души каменными стали,
И надежды свет померк.*

Горели замки в отсвете зари...

*Горели замки в отсвете зари,
Лиловым обагрённые закатом.
И в парке зажигались фонари,
И лаяла дворняга виновато.*

*И что-то уходило в век иной,
Уж не лукавя и не раздражая.
И все интриги мира за стеной,
Слетали в ров столетий птичьей стаей.*

*И долго луч, меж яблонь зависал,
На паутине из блестящих нитей.
И в мир, похожий на большой вокзал,
Захаживали бледные пииты.*

*И было, то всё скучно и темно,
Затянута туманом Андромеды.
А то, всё поднимало и несло,
И утекали все земные беды.*

*И вера зажигала вновь сердца,
надежда белым ангелом слетала.
Не нужной становилась суета,
Где муза арф небесная звучала.*

Мои года

*Прошла тропинкой вдоль забора,
И села тихо у пруда.
На белом плюше косогора,
Мои рассыпались года.*

*Здесь было всё: разлуки, встречи,
И град обид, и боль утрат.
И каждый год был чем-то мечен,
Своею правдою богат.*

*Я в память редко окунаюсь,
— В былом мой камень — сатанит.
Ты говоришь: я не святая,
И невозможно огранить.*

*Но, я в святые и не мечу,
Их место там — на небесах.
А я люблю земли путь млечный,
И запах дыма в волосах.*

*Вот так люблю пройти тропюю,
И сесть у тихого пруда.
И были, чтоб всегда со мною,
Мои тревожные года.*

Полина

*Наползают тучи, вихрит непогода,
Солнце не пробьётся в омуте стальном.
И тоскливо домик глазом мутным водит,
И ворона каркает громко о своём.*

*На улице Болотной, где живёт Полина,
Собачонка бегаёт, странно хвост поджав,
У калитки бабушка Феня загрустила,
На суку ворона читает свой устав.*

*У забора серого, что плешив и скрючен,
Мурка притаилась, ждёт из садамышь.
Магазин столетний возрастом замучен,
До земли пригнулся, вслушиваясь в тишь.*

*А Полина вяжет для сыночка кофту.
Петелька за петелькой выстроилась ряд.
Думы отгоняет, что с них глупых толку,
Да к тому же темные в голову летят!*

*Уж они упорные, налетают роем,
А поднимет голову, память бьёт крылом.
Вот уже бежит она, девочка проворная,
С пареньком увидеться на яру крутом.*

*Он такой загадочный, ростом не обижен.
И гитару в руки, как мечту берёт.
«Вот, — Полина, думает, — вновь его увижу!»
Песня поднимается в синий небосвод.*

*И слегка весёлый, и немного скован,
Нежностью мужскою переполнен взгляд.
Говорит всё просто, не обидит словом
И её приходу, видно, очень рад.*

*Ступенька за ступенькой, год идёт за годом.
Было счастье светлое — поросло быльём.
Милый, ставший суженным, позабыл о многом,
Стала зелья стопка его поводырём.*

*Не светились радостью маленькие окна,
И сжималось сердце Полино в комок,
Когда милый пьяным, калиткой грозно стукнув,
Грозно поднимался на сломанный порог.*

*Все проблемы мира стали так ничтожны.
Паутина серая домик оплела.
Может счастье долгое, где-то и возможно.
Только радость Полина в поле отцвела.*

*Вся она в заботах: дом, сынок, работа.
Всё она умеет, всё в руках горит.
Только сердце часто от боли цепенеет,
Да в волосах смолистых серебряная нить.*

*С пьяным мужем рядом, ночь она проводит.
В тридцать тело хочет ласки и тепла.
Только холод мрачный рядом тихо бродит,
Сердцем завладела тягостная мгла...*

Скандалила, Боже ты мой

*Скандалила, Боже ты мой,
Свинцовый готовила дождь.
Забыла про слово «покой»,
Запутала правду и ложь.*

*Кроваво блестели в лучах,
Холодные брызги росы.
И сумрак от старости чах,
И тикали громко часы.*

*В миру, что на радости скуп,
С бренчаньем тяжелых цепей
Тоскою с обветренных губ
Неслось заклинание змей.*

*В задымленном, старом саду,
Где ветхие бродят стволы,
Я веяла в сите судьбу:
От слез, от молвы, от хулы.*

Бычье сердце *Легенда*

Это было так давно, что уже никто и не помнит когда. Это было видимо, когда величаво и монотонно под удивительную музыку горных ветров стройные сосны пели песню любви, которая уносилась в небо. В те далёкие времена не было широких дорог, а тропки были так узки, что знали о них лишь дикие звери. В непроходимых тёмных лесах, где никогда не росли цветы, а только сырой влажный мох покрывал землю, были топкие болота. Птицы жили на высоких горах и не залетали в лес, потому что страшились его. Лучи солнца нежно ласкали верхушки сосен, но тоже боялись опуститься ниже, чтобы не потеряться в тёмном царстве.

По земле шёл слух, что, если найдёшь тропку и пройдёшь дремучею тайгою, откроется тебе неведомая поляна. На той поляне есть родник с живою водой. А охраняет его большой чёрный бык. Многие века пытались пройти тропой неведомой смельчаки, но никто не одолел и половины пути.

Однажды, у одного юноши заболела мать, и знахарка, пришедшая её лечить, сказала, что только живая вода из родника, что находится в непроходимой тайге, спасёт ей жизнь. Смелый юноша, чтобы спасти свою мать, отправился в дорогу. Очень долгим был путь до мёртвой и топкой тайги. А когда он ступил в лес, такая его окутала тишина и темнота, будто опустился он в царство Эрлика. Но сын каждую минуту думал о матери и медленно и уверенно продвигался вперёд.

Он не знал, сколько дней и ночей был в пути, но, вдруг, выйдя из тёмного леса, попал на поляну. Здесь мужественный юноша увидел, что родник с живой водой охраняет большой чёрный бык, и обратился к нему:

— У меня сильно болеет мать, а чтобы она выздоровела, я должен принести живой воды из этого родника. Дай мне её!

— Я вижу, ты мужественный юноша. Ни один не смог прийти сюда за тысячи лет, которые я охраняю родник, а ты пришёл. Видно, так велика твоя любовь к матери. Но есть одно условие, при котором я могу тебе дать живую воду — мы должны состязаться в беге», — ответил ему бык.

Юноша согласился, и они побежали. Большими скачками нёсся сильный и могучий бык. Юноша не отставал от него, потому что

думал о матери. И когда оставалось совсем немного пробежать, бык упал замертво. Его покорила сыновья любовь, и он пожелал, чтобы юноша пришёл первым. Сердце быка разорвалось на части, потому что оно было большое и благородное, а осколки разлетелись по тайге яркими огоньками. Лес, озаренный этим светом, расступился и ожил. Защебетали в нём птицы и зацвели цветы.

Люди стали приходить сюда за живой водой, но им так здесь нравилось, что они оставались жить. Это место назвали Манжерок, что в переводе с алтайского языка означает «бычье сердце». Это случилось так давно, что никто уже и не помнит, когда это было. Только родник, по-прежнему, исцеляет всех, кто напьётся животворящей воды.

Синюха и Аржан

Легенда

В те далекие времена, когда в мире высоких гор все было покрыто дремучими лесами и топкими болотами, никто не мог знать, что хранит эта неведомая земля. Здесь жили люди, но никто не видел ни их, ни их жилища, никто не знал, во что они одеваются, а главное, никто не знал злые они или добрые. В Ковыльных степях, что были ниже гор, жили люди спокойные и доброжелательные, а взгляд их всегда притягивался туда, где луна повисала на остроконечных пиках.

Однажды охотник из степных ковылей, Аржан, погнался за бурой лисицей, которая была так хороша, что он и не заметил, как заехал в дремучий лес. Пытаясь выбраться, он кружил и забирался все дальше. Так прошел день, неделя, месяц. У охотника пропал конь, кончились стрелы, которыми он ставил метки, чтобы не потерять тропу, и которых так ни одной и не нашел. И когда потерявший в конце силы охотник опустился на мох и забылся в глубоком сне, привиделся ему необычный сон. Будто плывет к нему между мрачных кедров, не касаясь пушистых мхов, луноликая красавица. Не видел он в степях девушек, такой необычной красоты. Волосы были черны, как смоль, брови — словно две радуги, а глаза — синевы небесной — что у росوماхи гордой. Одежды ее были из шкур лесного зверья. В руках несла она стрелы, что Аржан оставлял на пути.

- Я знаю тебя, воин, — сказала она, нагнувшись над Аржаном.
- Ты шел по моим лесам, по моим тропам, а я шла за тобой.
- Кто ты, пречистая дева? — спросил Аржан, вздрогнув всем

телом и протянув к ней свои сильные руки.

— О, воин, — сказала красавица, — как ты скор. Ты узнаешь все. Но прежде, должен будешь решить три задачи: первая — скажи, где здесь сторона холода, а где изобилия; вторая — какое от болезней людских лучшее средство; и третье — чем в этом краю живут люди?

Удивился Охотник, глаза открыл — нет никого. Встал, отряхнулся и чувствует, будто силы прибывают. Посмотрел, тропинка вверх поднимается, и понял, что по ней ему и надо идти.

Идет Аржан по тропе и диву дается: « Не простая, знать, та девица, что так долго меня по тайге водила, а теперь дорогу показала».

А перед ним открывается мир удивительный. Видит гора большая, а богатства разного на ней не счесть — и зверье, и ягоды.

— Ага, вот он мир изобилия” — думает Аржан. Идет дальше, слышит легкое журчание родничка. Чувствует, в теле усталость скопилась. Подошел к родничку, воды испил, и сразу кровь в жилах будто обновилась, и пошла сила по телу гулять.

— Вот откуда, здоровье — то берется. Вода таежная, родниковая силы прибавляет, от недугов исцеляет!. Смотрит Аржан кругом и понимает, что люди здесь живут тем, что природа дает. И только подумал так, а перед ним ясноликая стоит, да только теперь не во сне, а наяву.

— Правильно, охотник Аржан, ты решил все мои задачи. А теперь скажу тебе, кто я. Все, что ты увидел здесь, принадлежит мне. Я — хозяйка этого раздолья и изобилия. А зовут меня Синюха. Всем, кто придет ко мне с поклоном, чистым сердцем, светлыми мыслями и благородством, я открою красоту и недра своей стороны. Но плохо будет тому, кто придет на землю мою варваром с темными мыслями. Вечно он будет ходить по холодным дремучим лесам и никогда не найдет выхода. Скажу тебе, охотник Аржан, не просто ты попал в наш край. Я привела тебя, чтобы ты увидел богатство мое, познал великую мою силу, и рассказал людям степного ковыля, что приходить сюда можно, но только с добром, иначе их постигнет горе. А меня ты забудь. Вижу, сердце твоё переполнено любовью. Но если ты вернёшься ко мне, быть тебе только святым родником у моих ног.

Сказала это все Синюха и исчезла. Лес перед Аржаном расступился. На камне он увидел свои стрелы.

Вернувшись в степные ковыли, рассказал всё Аржан своим братьям. А вскоре ушел — никто не знал куда.

Потянулись люди степного ковыля в страну горную — богатую и чудесную. Там они побратались с народом — смуглым, как ночь,

с гордым и открытым сердцем, хранящим много знаний про свой край, щедро принимающим всех, кто приходил к ним с чистыми помыслами.

А там, где появилась тропа к сказочной красавице Синюхе, поет нежную песню любви, даря всем страждущим прохладу и здоровье, изумрудный родник, который называют люди Аржаном.

Права человека

Колян был парень спокойный, рассудительный и добрый. Он рано остался без родителей и воспитывался в детском доме. Женился и любил свою жену, стараясь во всем ей угодить. За несколько прожитых лет с женой, он ей никогда не перечил и в худшем случае просто молчал.

Но однажды, он сам не знал почему, но ему надоело молча слушать её бесконечное недовольство своей жизнью, в которой и он был составляющей частью. И Колян, после очередной ссоры, когда на дворе был поздний вечер, ушёл из дома.

Походив с час по улочкам деревни, он стал думать куда ему податься, так как была поздняя осень, а домой он решил не возвращаться. Он еще не знал навсегда ли он ушёл, но сейчас ему возвращаться не хотелось.

Колян подумал и вспомнил знакомого — Петьку, с которым работал раньше в одной строительной бригаде. Петька жил один в маленькой избушке, куда он и направился с некоторым чувством неловкости за столь поздний час. Но оказалось, что товарищ не спит, а сидит в интернете.

Петька был парень с пониманием, хотя сам еще никогда не жил семейной жизнью и спрашивать у Коляна ничего не стал, но достал бутылку водки, припрятанную на всякий случай. Ему явно показалось, что это то самое время, когда выпить необходимо.

После нескольких выпитых стопок Коляну стало легко и свободно, думать ни о чем сейчас не хотелось. Он всё говорил и говорил, а Петька только слушал и кивал головой, понимая, что надо мужику выплеснуться.

На другой день с утра они сходили с Петькой ещё за бутылкой, но взяли сразу большую, чтобы больше не бегать. С такой порции спиртного, он вырубился следом за Петькой, который отключился вперед.

Разбудил Коляна шум и какая-то невероятная тряска, потом он понял, что это его будили, трясая за плечо. Он сел на кровати,

ничего не понимая. Над ним стоял человек во всём черном, и ему даже показалось, что это какой-то демон. В сознании быстро восстановились события последнего дня. Двери были открыты настежь, и в сенях он увидел еще трех незнакомых людей: двух мужчин и пожилую женщину. В одном из них он признал участкового. Колян никак не мог понять, что здесь происходит. Тот, что дергал его за руку, грубо ему сказал, что он в розыске, и заставил быстро собираться, а Петьке сказал, что он укрывает Коляна.

Колян в жизни всего боялся, и от ужаса, что он выпил и что-то натворил, волосы у него на голове, как ему показалось, поднялись кверху. Пожилая женщина, которая громко кричала, и которую он видел впервые, как он понял чуть позже, была Петькиной бабушкой. Она закрывала Петьку, раскинув руки. Колян прислушался к разговору. "Весь в черном" совал Петьке в руки листок: « На, повестку, поедешь с нами, дело будем заводить за укрывательство находящегося в розыске человека. Днём к тебе приходили, спрашивали про него, а ты скрыл, что он здесь, собирайся!»

— Это мой внук, и он никуда не поедет" — говорила бабушка, также как и в "черном" на высоких нотах. Его явно раздражал её тон, уважением, с его стороны к ней, хотя она и была лет на сорок его старше и не пахло. Колян смотрел и понимал, что если так разговаривают со старыми, то ему и совсем несдобровать. Он ещё не знал, что натворил, но что его заберут, он явно уже понимал. И все — таки он решил спросить, о причинах столь пристального к нему внимания.

Участковый, до сих пор стоявший молча, качнул головой: " Да теща твоя, написала заявление, что ты из дому ушёл, с верёвкой в руках, вот опер группа и работала целый день по твоему розыску. Сейчас домой поедешь с нами".

Тут Колян понял всё, и неожиданно для себя заголосил. Он не знал, что у него есть право быть свободным в праве выбора, где жить и как жить. Он не знал, что уйдя в ссоре из дому, не совершил никакого противоправного действия. Рано оставшись без родителей, он в полной мере не испытал материнской любви, и сам её дарил неумело. Но пережить унижение, когда его, как никчемную вещь топчут, не мог. Он шёл к машине, и чувствовал на себе Петькин тоскующий взгляд. А рядом шли три крепких оперативника, которым было абсолютно всё равно до всех Коляновых чувств. И когда его повезли сдавать жене, он вдруг успокоился и понял, что уже никогда не сможет жить с чувством униженной скотины на этой грешной земле.

Дело в белых тапочках

Она нагнулась чуть вперёд, прищурилась и снова попыталась вдеть нитку в иголку. Но нитка, как живая скользила по стальной палочке и всё не желала протиснуться в ушко.

Ольга чертыхнулась с досады, воткнула иголку в тюрючок. Всё сегодня не ладилось, шло кувырком, да и всю неделю она не могла прийти в себя. С того злополучного дня, всё было как-то не так.

Ольга надела шапку, куртку, натянула сапоги и вышла на улицу, чтобы принести дров. Зима нынче была морозной, но может быть, ей так казалось, что нынче холодней, чем в прошлом году.

Мимо проехал сосед, который жил от них через три дома. Он купил дом несколько лет назад, но бывал здесь в основном наездами. Говорили, что Геннадий Чернов возглавляет в городе транспортную компанию, водит дружбу с гаишниками и полицией. В деревне этого сытого лощеного мужика не уважали за его непорядочный и подлый нрав. А сложил он себе такую репутацию на селе из всяких мелких делишек и крупных тоже. В деревне-то, оно всё быстро передаётся из уст в уста.

Геннадий любил нанимать местных работяг на всякие работы, а вот платить он как раз не любил и потому старался, через дней десять работника выпнать, по какой-нибудь причине, чтобы не платить ему деньги за проработанное время. И это ему почти всегда удавалось. Если не удавалось полностью не рассчитаться, то платил мизер от договорной суммы. А ещё о нём говорили, что он занимался с другом краденым лесом. Только когда их накрыли, то он друга подставил и того посадили, а он сумел откупиться. Шли и разговоры о том, что ему ничего не стоило оговорить человека и грязью облить, а если что и показания в полицию дать какие там понадобятся.

Хоть и жил Чернов в селе наездами, но все уже знали его мелкую и гадкую сущность и старались по возможности дел с ним не иметь.

Ольга увидела, как он вышел из своего богатого автомобиля, а с другой стороны вышла белокурая дама. «Очередную привёз», - подумала Ольга. Она с ним разговаривала только раз, когда попросила привязывать большую чёрную овчарку. Он ей ответил по-хамски, надменно выпятив нижнюю губу, что здесь его вотчина, так и не привязав собаки. Она не подошла к нему больше ни разу, поняв, что разговоры о нём идут не зря, и не хотела больше с ним иметь никаких дел. А убедиться в его гнилостной натуре ей пришлось ещё раз, когда к ней, после их разговора, пришёл участковый.

— Вы, это почему соседу угрожали ножом? — спросил он голо-
сом, не терпящим возражения.

Ольга тогда растерялась, не зная, что ответить на такую на-
глость со стороны Чернова.

— Да я же с ним только о собаке разговаривала, чтобы он при-
вязывал. Люди мимо ходят, старики, ребяташки!

— Так..., человек зря наговаривать не будет. Заявление его у
меня. Может, не помните, спьяну что сказали. Он пишет, что вы
были пьяны.

Ольга жила одна, сын давно вырос, выучился и уехал в город.
Бывало вечером заглядывала к ней давняя её подруга Полина, с
которой они любили посидеть поговорить о своих житейских де-
лах, иногда и выпив по стопке красного вина, бутылки которого
хватало им на полгода. Но чтобы выйти на улицу пьяной, да ещё
разговаривать с соседом, она даже не могла себе представить.

— Я не пью, — сказала она, почему-то совсем тихо, вдруг по-
чувствовав в свой адрес, непонятную ей скрытую угрозу.

Вечером она пошла к подруге, не находя себе места от вну-
треннего дискомфорта.

Полина была в противоположность Ольге эмоциональна и
остроязыка. Слушая о произошедшем с Олей происшествии, она
стукнула по столу кулаком, не зная как выразить своё негодова-
ние.

— Вот, паразит! Носит же таких земля! — говорила она, то
вставая, то снова садясь на стул. — Конечно, если нет свидетелей,
то всё это пустой звук! Но, надо же такую гадость придумать! Ни-
когда не думала, что люди есть до такой степени конченные! Слу-
шай, ему надо за это морду набить.

Ольга аж замахала руками.

— Да ты что, он же нас сразу посадит! Он скажет, что его двумя
ножами порезали!

— Да, такому точно ничего не стоит человека за решетку упря-
тать ни за что! Оля, а участковый то, что не понимает что это всё
мура?

— Да всё он понимает, только, видно, в хороших они с ним от-
ношениях. Как участковый со мной разговаривал, так я сразу по-
няла, что ему важнее его расположение, чем моя правда!

Подруги разошлись далеко за полночь, так ничего и не решив.

С того времени прошла неделя, которая была для Ольги, как
коромысло на плечах с ведрами полными воды, которые гнули её к
земле. Ничего не сделав, она чувствовала себя преступницей, и ни-
как не могла победить в себе это чувство полной подавленности.

После прихода к ней участкового, она сегодня впервые увидела автомобиль Чернова. У неё было желание сразу пойти и спросить, за что он на неё такое написал. Но она подавила его в себе, понимая, что такие существа не слышат и не видят ничего, кроме своих корыстных целей. Глубоко вдохнув морозный воздух, она, набрав дров, вошла в дом.

С этой минуты прошло около часу, когда в дверь постучали. На пороге снова стоял участковый. В руках он держал какие-то белые тряпочные тапочки.

— Ольга Степановна, это ваши тапки? — спросил он жестко, громким голосом.

Ольга подошла и стала внимательно разглядывать тапочки, которые держал участковый, раньше таких она никогда не видела.

— Да что вы! Я ещё на тот свет не собираюсь и приданное не готовила. Думаю ещё пожить! Такие мёртвым одевают! А где вы их взяли!? — спросила она по-настоящему удивлённо. И по её виду можно было сразу понять, что она на самом деле ничего не знает.

— Да, вот Чернов привёз! Сказал, что у ворот стояли, — как-то растерянно ответил участковый. — Вы-то, никого не видели?

— Видела! — усмехнулась Ольга. — Овчарку, которая до сих пор не привязанная бегают.

Участковый пожал плечами, и сказав вежливо «До свидания», держа в руке белые тапочки, вышел на улицу. Ольга от всей увиденной картины еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. На сердце вдруг стало легко и весело.

Вечером она рассказывала Полине о том, как приходил участковый, а главное, сосед вместе с подругой, уехал, даже не растопив печь. Это она отметила сразу, когда пошла к Полине.

— И кто бы это мог придумать такое!? — недоумевала Ольга.

Полина мыла посуду и всё усмехалась.

— Знаешь, Оля, какая разница кто! Этот человек наделал столько на земле чёрных дел, что ему уже пора очищаться!

О большой любви

У нашей семьи есть друг. Мы его все любим. Он небольшого роста и кругленький как шар, а главное — полнейший добряк. К нам в дом он попал, будучи ещё совсем маленьким, исхудавшим и больным, брошенным хозяевами и никому не нужным. За несколько месяцев, что он прожил у нас, он буквально преобразился. Стал играть, весело бегать по траве, тереться о ноги, тем самым выражая свою преданность и любовь.

Мы его называли Кода. Наш похорошевший друг рос, развивался, с удовольствием с нами общался.

Однажды, наступил день, когда в его глазах появилась лёгкая грустинка. Мы никак не могли понять, что с ним произошло. Но, в конце концов, всё встало на свои места. Оказалось, что наш Кода влюбился в соседку Дину, светлую, кудрявенькую и маленькую – ему под стать. Он стал бегать к ней в гости и подолгу пропадать из дому. Затем, события стали развиваться очень стремительно. Он совершенно потерял голову и двое суток не приходил домой. Всё складывалось, как нельзя лучше, и мы уже думали, что скоро будем водиться с детьми Коды и Дины — когда всё жестоко перевернулось. За нашей прекрасной дамой стал ухаживать ещё один кавалер из соседнего двора. Он был высокий, поджарый, жестокий, И никого не уважающий. И конечно, на нашего Коду он смотрел сверху, а когда Кода решил отстаивать свои права на Дину, так как уже ходил к ней довольно долго и пользовался её расположением, тот жестоко с ним расправился. Он вытащил нашего друга из Дининой будки и стал кусать, своей огромной пастью.

Коду мы принесли домой полуживого: с разорванной ногой, и несколькими переломами. Мы понимали, что если срочно не отвезем его в город в больницу, за пятьдесят километров, то он не выживет. Всё сложилось как нельзя лучше, когда мы приехали в больницу, там были хирурги, положившие сразу нашего Коду на операционный стол. Ему поставили снотворное, зашили все раны и наложили шину. Когда ехали домой, Кода стонал, приподнимал с подушки голову, и в его ещё мутных от наркоза глазах, было видно, как ему больно. Мы привезли его в уютный домик, постелив на подушку простынь, осторожно и нежно положили туда нашего Дон Жуана. Ещё под действием снотворного он спал, слегка постанывая во сне. Мы прикрыли проход в домик плахой, чтобы нашего друга никто не беспокоил и пошли управляться по хозяйству.

Через два часа, приготовив легкий ужин, мы пошли кормить нашего больного друга, но когда заглянули в домик, увиденным были ошеломлены, Коды простыл след.

Куда делся наш милый друг!? Что с ним случилось!? Мы переполошённые потерей Коды бегали вокруг и не могли его найти. Мы предполагали всё, куда он мог деться. Но то, что мы увидели — было непередаваемо. Наш Кода уже в метрах ста от дома, оставившись, опуская голову и тяжело вздыхая, полз в гору, туда, где жила его возлюбленная. Он готов был выдержать любые лишения, ради своей большой любви — Дины.

Да, не зря воспевают большую собачью любовь и верность!

Утро добрым не бывает

Лето удивительная пора. Впрочем, и остальные времена года хороши по-своему, но всё равно солнце, воздух и вода пьянят, завоораживают и бодрят. Все едут отдыхать и, конечно, не обходится без приключений, которые выливаются затем в весёлые байки, и удивительные истории, когда говорят: «Хочешь — верь, хочешь — проверь». «Веришь, я в тайге, за Чемалом, нос к носу столкнулся с медведем. Здоровый, метра два ростом. Стоит он в малиннике и как человек на двух ногах малинку кушает. И так он увлекся, что не замечает, что я стою в десяти шагах и с места сдвинуться не могу, от ужаса у меня ноги к земле приросли. Не помню, как отходил я от этого места, но бежал, километров пять, не останавливаясь, и всё казалось, что он следом бежит», — рассказывал мне один худенький, очкастенький студентик из городских жителей. А вот один знакомый охотник, хмыкая в усы, рассказывал об ученой братии, приехавшей что-то там изучать в таёжной зоне: «Обосновались они на стоянке, километров пятьдесят в тайгу. Рядом ни одного жилого дома. Запасы еды оказались небольшие, и на второй неделе уже все практически закончилось. К селению спускаться далеко, а работы еще дня на три. Тут охотники с промысла возвращались. Оставили им маралятины килограмм пять. Рассказали, как сварить, а вот то, что пить сырую воду ни в коем случае нельзя не сказали. А пить воду сразу после того, как поешь маралятину — страшное дело. Я то, к ним на стоянку попал через два дня после того, как они мяса налопались. Картина была похожая на «Последний день Помпеи» — удручающая. Вокруг стоянки в разных позах ползали и лежали светила науки. А некоторые висли жидкими плетями на сломанной грозой берёзе. В глазах сквозило безразличие, казалось, что этот мир им уже не интересен. Я стал спрашивать, что случилось. Ответил один, наверное, самый сильный и выносливый: «Как утки стали. Всё вылетает наружу, да уже не можем ни разговаривать, ни шевелиться. Полное обезвоживание организма. Надо бы в больницу, но никто из нас дойти туда не в состоянии. Наверное, нам хана» — он это сказал, закрыл глаза и покорно опустил на землю голову. Надрал я коры черёмухи, корень бадана, да травки всякие собрал, давай всё заваривать, да отпаивать мужиков, а то кто науку, двигать будет. Ну, ничего, оклемались».

Как-то зашел разговор про сплав. Мужчина представительно-го вида похвалился, слегка усмехнувшись, как здорово он проплыл по самым крутым порогам. Да, плыли они с другом по-барски, развалившись в лодке и посасывая пиво, надменно и похохатывая,

смотрели на берег, по которому бежали их жёны, которые хорошо знали, насколько крепко они набрались перед заплывом. На одном из легких порогов лодку перевернуло. Хмель махом вылетел, когда они стали по-собачьи грести да барахтаться. Одна-то из жён вперед забежала, вроде как её муж там. Палку ему бросила. Глядит, а это не тот. А муж то в это время тоже на берег выбрался. Тут он по полной программе устроил с женой разборку.

— Ты что не видишь, что муж плавает позади!

— Так вы же оба черные!

— А на трусы что не могла посмотреть, у него зелёные, а у меня розовые.

Ах, лето, как хорошо, бросив все дела, оставив все проблемы, уехать из городской суеты, из квартиры, заполненной всяким пылесобирающим добром, и расслабиться. Коля отдыхал уже три дня, от каких-то обязательств, решений, документации. Третья ночь отдыха была особенно великолепна. Он с двумя товарищами пили водку, шампанское, пиво, закусывали шашлыком и горланили громко по-пионерски песни детства: «Видишь, товарищ, заря поднимается, красные с белыми отряды сражаются...», «Взвейтесь кострами синие ночи, мы — пионеры, дети рабочих...», «Мой паровоз вперёд лети, в коммуне остановка, другого нет у нас пути, в руках у нас винтовка!».

Утром он стоял на крыльце, опустив голову и держась за перила трясущимися руками. А когда хозяйка дома, проходя мимо, с улыбкой сказала ему: «С добрым утром!», он грустно покачал головой и тихо ответил: «Утро добрым не бывает». Но обязательно, зимой он вспомнит и эту весёлую ночь, и это грустное утро, и ему будет весело и хорошо.

— Это что, — скажет его знакомый. — Мы однажды, компанией около реки расслаблялись. Костёр разожгли, весело, жарко. Да ещё водочка разгорячила. Вижу, костёр, притухать начал. Я за хворостом побежал. Поблизости — то уже весь валежник посожгли, решил подалее пробежать. В общем, на другой день к вечеру вернулся совсем с другой стороны, километров тридцать намотал по тайге. Хорошо ещё в лесу лесника встретил, он мне рассказал и показал, куда идти. Я прибежал на место нашего отдыха, комарами объеденный, а они с ночной попойки только из палаток выползают.

— Ты, что, — говорят — Серёга, костёр не разжигаешь, надо бы супчик варить. Никто и не заметил, что я у них потерялся. А когда рассказал, так на смех подняли, что я великий выдумщик.

Прошло лето, но любители приключений, весёлые непоседы — уже ждут следующего.

Я упала с сеновала

Жуть! Я просто не могла отдышаться от всего того, что со мной происходило. То впадая в болотную депрессию, то плывя по течению жизни, то вдруг начиная барахтаться против леденящего быстро несущегося потока времени.

Не понимая абсолютно, что со мной происходит, и происходит ли вообще что-то, я, в конце – концов, решила, что схожу с ума. И думаю, диагноз я себе поставила правильный! Мозги мои кипели, как будто находились в чайнике на газе.

Вот уже неделю, я сидела в комнате, закрывшись на внутренний замок, оставив снаружи клочок бумаги, прилепив его скотчем – «Меня не будет дома с 10.04. по 10.05».

Я лежала на диване, сидела за столом, ходила из комнаты в кухню и обратно.

Я никак не могла собрать в кучу свои мысли, и начать думать абсолютно холодной головой.

Только передо мной всплывали картинки последних событий, меня начинало штормить и хотелось громко завывать. Я понимала, что надо что-то решить, но было ясно, ничего путного из моей затеи думать своими мозгами не может получиться.

Я пыталась пользоваться чужими умными головами, приобщив к своему делу Льва Толстого, но и это не помогло. Да я и не собиралась, к примеру, в моём дурацком положении бросаться под поезд.

На восьмой день моего пребывания в добровольном заточении, я услышала разговор двух моих добрых соседок, которые решили посудачить, остановившись прямо под моим окном.

– А Тайка-то дура, каких свет не видел. – это они про меня так ласково. Они же не ведают, что я их слушаю.

– Так, она ж хотя бы не пила! Пьет. А отсюда и все вот эти непристойности. Позорница! Постеснялась бы себя так вести. Мать-то на том свете, наверно, краснеет и бледнеет!

– Так она всю жизнь, такая бесстыжая. Что-то из себя возомнила, а толку-то. Эти кавалеры кучами ходят!

– Так что им не ходить! Тут всё доступно!

– Помнишь, с электриком связалась. Жена приехала, и его и её вокруг дома гоняла. А ей хоть бы хны.

– И что они в ней хорошего находят? Ни серьёзности, ни хозяйственности. Да и на внешность – «Я упала с сеновала».

– Да не говори! Я с ней разговариваю и думаю всегда, что у неё, как бы, не все дома.

— А эти-то кавалеры, то ли не видят, что она настоящая пустышка? Вроде и один и другой серьёзные мужики.

— Так ведь не знают, что она с ними с двумя крутит!

— Да им какая разница. Потреплются, да бросят. Такие мужчины женщин находят умных, а как Тайка — для развлечения держат.

— Да, видно, что серьёзные. И одеты богато, и машины и у одного и у другого крутые.

— Они быстро поймут, что она вертихвостка.

— Я-то со своим алкашом недавно перепласталась. Тебе, — говорю, -такую вот, как Тайка — дуру надо.

А он мне представляешь: «Она меня не возьмёт. У неё вон какие кавалеры. Меня только к тэбэ.

— Вот, гад! Я его чуть от злости не прибила.

Слушай, а куда она из дома-то смылась!?

— Да, наверно, поехала пятого жениха искать!

Я еле сдержалась, чтобы не вылететь из своей засады. Вот склочницы, сплетницы. Вышла бы сейчас, сразу бы закивали: — «Здравствуй, Таечка!». Я-то, про вас знаю больше, чем вы про меня. Много рассказывали про вас мне соседки. Ну ладно, ведьмы, я с вами потом разберусь! Сейчас мне не до вас! У меня проблема поважней. Да уж, точно, сложилось всё скверно, но совсем не потому, как напридумывали вы — две деревенских курицы.

Год назад, с подружкой Ленкой, которой уже сорок лет, но которая всегда делает вид, что ей как и мне тридцать, я отдыхала в палатке на берегу озера.

Ленка с утра, красила глаза, накладывала крем, делала какую-то невообразимую зарядку, и шла купаться. А я, продрав глаза, натянув рубаху с длинными рукавами и не расчесав свои противные волосы, которые почему-то всегда торчат в разные стороны, шла за дровами в лесок, чтобы разжечь костер и вскипятить чай. Лето было изумительное. Днём мы купались и загорали, а вечером ловили карасей, и жарили их на костре. На второй день нашего прекрасного отдыха, около нашей палатки остановилась «крутая» машина. Из неё выкатил «колобок» с блестящей на солнце макушкой.

— Девочки, вы мне разрешите обосноваться рядом с вами!? Меня звать — Николай Петрович Забралов. Я бывший прокурор большого города. Теперь на заслуженном отдыхе.

Всё это он выдал нам по-царски с легка надменным видом. Видно, сказывалась производственная привычка. Посмотрев на его тачку, я подумала, что про «заслуженный» отдых он сказал точно.

Те, кто просто вкалывал, вряд ли имеют такие тачки.

Мы, в принципе, были не против такого соседства, подумав вместе с Ленкой, что будет веселей проводить время.

И вот тут началось. Он стал открыто за мной ухаживать, хотя моя подруга была ближе ему по возрасту и всё делала, чтобы обратить на себя его внимание.

— Николай Петрович, вы не желаете испробовать наших красиков, которых мы с Таечкой наловили на озере? — говорила она вкрадчиво-обворожительным голосом.

Но, в конце концов, ей надоело перед ним прогибаться, а, тем более, что в ста метрах от нас в палатке поселился приятный молодой мужчина, которого звали просто Юра, и с которым у них вскоре завязался роман. А в конце лета Юра приехал и увез мою подружку в город.

Со вторым своим кавалером я познакомилась на пешеходном переходе, где он не заметил меня и сшиб. Но закончилось все благополучно. Особых ушибов у меня не было. Он меня довёз до дому, а по дороге представился: «Чириков Валерий Валерьевич». Чириков оказался бывшим начальником ГАИ. Через два дня он приехал ко мне с цветами и большой бутылкой коньяка.

Мне было приятно, что у меня два таких ухажёра. А главное, я видела, как обзавидовались мои соседки, у которых нет ни одного нормального мужика.

Всё было просто прекрасно до тех пор, пока они не собрались в один месяц, вдруг, на мне жениться. Ничего не пойму, что им такое в голову пришло. То ли месяц был повышенной радиоактивности?!

В тот момент, когда две мои «любимые соседки» поковыляли домой, к дому подкатили одна за другой машины, из которых почти одновременно вышли два моих жениха и направились к калитке. И надо же было им приехать в один день и в один час. Вот говорят же — «закон подлости»!

В щель в кладовке, откуда мне все было хорошо видно и слышно, я наблюдала, как они, встретившись у калитки, стали пожимать друг другу руки и громко восклицать:

— Николай Петрович!

— Валерий Валерьевич, какими судьбами?!

Вот это да! Они были знакомы! Этого мне только не хватало — бывший прокурор с бывшим начальником ГАИ.

От страха мне показалось, что сейчас произойдёт что-то страшное и у них начнутся разборки, но они оказались настоящими авторитетами и вели себя чинно и сдержанно.

Как-то очень быстро они решили, что если их общей знакомой нет дома, то они посидят на крыльце и вспомнят старые добрые времена. В щель я видела, как быстро крыльцо превращалось в скатерть-самобранку. Чего только тут не было, я пригляделась и проглотила слюну: и колбаска копчёная, и коньячок, и шоколад и ещё какие-то вкусности, что я не могла разобрать.

Первый тост они подняли за неожиданную встречу, потом за старую дружбу, потом за успех в былых делах.

Я сидела в старом кресле, довольно удобно, наблюдала за ними в щель и слушала их душевные разговоры, как старое настенное радио.

Конечно, я даже предположить не могла, что всё так неожиданно обернется. Что они окажутся давними приятелями. Да ещё какими!

— Николай Петрович, родной! Надо же нам тут с тобой встретиться! Да так душевно! — сказал Валерий Валерьевич, после нескольких стопок коньяка, а я закрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться вслух. После каждой выпитой стопки они все меньше и меньше производили на меня впечатление серьёзных и уважаемых людей.

— А как поживает твой племянник? Да, много мы тогда трудов положили, вытаскивая его из этого грязного дела!

— Николай Петрович, дай Бог тебе здоровья! Он по-прежнему работает в ДПС. Если бы не ты, могли и закрыть. Приспичило же ему, дураку, тогда из табельного выстрелить!

— Да уж, Валерий Валерьевич, если б не я... Да и эти, деревенские, в которых пальнул, если бы поумней были, однозначно сидеть бы ему. Я же тогда действовал на свой страх и риск!

— Да уж, Николай Петрович, родственники — то мои, тебя, однако, хорошо отблагодарили!?

— За то, что я для них сделал, не грех...

— И я то, Николай Петрович, всегда твою доброту помню. Поди, до сих пор ни разу «наши» тебя не остановили. Рука руку всегда моет.

— Слушай, а дело-то, однако в этой деревне и было?!

Я вспомнила сразу, про тот случай, о котором так гордо говорили мои женихи. Тогда два пьяных гаишника, остановили моего соседа — видно, не хватило на бутылку. Сосед — то у меня не пьющий, а они его в свою машину давай тащить, разбираться. Он, естественно, упираться стал, здесь его мать выбежала, стала сына отбирать. Тут-то один из гаишников и пульнул. Все думали, что их накажут за превышение должностных полномочий. Да только

соседа моего тогда затаскали, а тем работникам хоть бы хны. Все думали, почему? А оказывается вон оно что! Я чуть не вскрикнула от негодования, но вовремя спохватилась. Теперь же, говорят, не надо этому удивляться.

А после того, что они стали друг другу рассказывать, что оказались здесь случайно, а я так – девчонка-пустышка, я уже выдержать не могла, окончательно поняв, что это совсем не настоящие – прокурор и начальник ДПС, а два микроба в моем дворе.

И что я так переживала, что они вдруг приедут меня сватать вдвоём? Теперь они были мне противны оба – два мелких человечиска.

На улице были уже сумерки. Два бывших чина, кажется всё выпив, и переговорив, сидели друг против друга, слегка задремав.

Я аккуратно вылезла через отверстие в кладовке, которое пригостила на всякий случай и пошла к реке, чтобы немного отойти от услышанного. В голове шумело точно я упала с сеновала.

Рассказ

Алексей открыл задний борт, сел в кабину и, попятив машину к мостику, заглушил мотор. Односельчанка попросила увезти бычка в пастушную. Желания заниматься таким делом у него не было абсолютно, да ещё и накануне проткнул гвоздём ногу – она припухла и болела. «Как всегда не вовремя. Ладно, загонят, как-нибудь потихоньку увезу», — думал он, проходя до калитки хозяйки. Дорога была засыпана щебнем, и острые камни чувствовались даже через подошву китайских кроссовок.

Алексею было сорок пять лет. Сейчас, это был совсем не тот сухощавый, жилистый мальчишка, в девятнадцать лет узнавший, что такое настоящая война, теперь уже казавшаяся далёким событием его жизни. Сначала была дальневосточная застава, а затем огненный Афганистан.

Он был немногословным, не любил говорить о войне, не смотрел военные фильмы – предпочитая веселые кинокомедии.

Когда пришел из армии, по ночам часто плакал, а мама его успокаивала, спрашивая, что ему приснилось. Он не мог рассказать о том, что снится ему один сон..., сон, который живёт в нем, как часть его души. Ему снились глаза мальчика – огромные, черные и испуганно удивлённые..., а потом кровь, которая сочилась сквозь худенькие пальцы мальчишки.... И звучало откуда-то из далека: «...Безвинно убиенный... Безви-и-нно-о у-у-би-и-е-е-нны-й-й...», и почему-то в сон приходила мама Алексея и склонялась над убитым ребёнком.

Это был его первый выстрел, случайный... Он был наслышан о жестокости «духов», но когда увидел распластанного на земле пацанёнка, неизвестно откуда взявшегося, Алексея затрясло, казалось, сейчас он лишится рассудка, но «батя» тряхнул Лёху за шкуру, как нашкодившего кота: «Уймись..., сопляк, ... ещё всё впереди...».

Впереди была долгая война, и было такое, что от ужаса содрогались земля и небо. Но постепенно уходило чувство страха, стиралось раскаяние и сострадание, сознание было притуплённым, тело холодным и опустошенным. Были команды, приказы и беспрекословное выполнение – солдат всегда солдат. Потом, уже дома, всё казалось далёким, не с ним происходящим, и только тот мальчик снился долго..., но и это отступило, а когда не стало мамы – растаяло совсем, как страшное наваждение.

*

Семья, дети, работа, новые друзья, с которыми вечером можно расслабиться за кружкой пива – всё закружило в новом ритме. Любил ходить с сыном на рыбалку и смотреть, как тот с особым азартом выдёргивает из воды карасиков. «Хороший у меня сын получился – умница!», — думал он, наблюдая за сыном со стороны.

Бычок был привязан к дереву в метрах трёхстах от трапа, откуда его надо было грузить. «Да, не бычок, а бычара», — подумал Алексей, глядя на огромное коричневое тело, раздутые ноздри и роющее землю копыто. Ещё, ко всему, оказалось, что хозяйка привязала его к дереву, когда он ел, а дома никого нет и Алексею надо самому вести быка к машине и затаскивать по трапу в кузов. Она попыталась найти ещё кого-нибудь, но соседей не было дома. Сначала Алексей хотел отказаться от затеи одному вести этого великана, но глянув на женщину, в душе чертыхнулся и согласился.

Бык, с минуту постояв, почувствовал свободу и резво побежал от большой старой берёзы, к которой был крепко привязан — вперед.

Алексей, зная бычий нрав, стоял, намотав верёвку на руку. Бык, увидев незнакомого человека, пытающегося им руководить, возмутился. Нагнув низко шею и раздув ноздри, стал медленно двигаться на человека, пытаясь своим видом сломить волю этого здорового мужика. Алексей, не выпуская верёвки, отскочил в сторону. Рассерженный бык взревел, и, подняв голову, ринулся по дороге. Алексей еле удержал равновесие, чтобы не упасть, крепко держа верёвку, но остановить быка не смог. Протацив, как паровоз, упирающегося ногами человека, бык снова встал как вкопанный. На

несколько секунд Алексей почувствовал, как горят его ноги и увидел, что его кроссовки, болтаются задом наперед без подошв. А бык уже снова сорвался с места, играя и похваляясь своей могучей силой перед человеком. Но и человек уже не хотел уступать, накручивая верёвку на руку. Бык бежал в сторону машины, Алексей — за ним, не замечая боли от режущих ноги камней, не чувствуя боли в пораненной ноге. За метр от машины неожиданно бык на минуту остановился, этого хватило Алексею, чтобы обмотнуть веревку за борт кузова, а потом затянуть на машину. Тяжёлым мешком он плюхнулся с кузова на землю, затем медленно вошел в речку. Ноги кровоточили, вода окрасилась в алый цвет, а солнечный луч сделал её ещё более яркой. Алексей смотрел на расплывающееся по речке пятно крови и вдруг, почему-то, вспомнились слова их командира: «Ещё всё впереди!». И уже не во сне, а явно он вдруг снова увидел того мальчика, в огромных его глазах стоял укор. Бык заревел в кузове — Алексей вздрогнул, мотнул головой и машинально перекрестился: «Наваждение, что ли?». Вечером, чувствуя себя не очень хорошо, подошёл к сыну, погладил по голове. Не зная почему, но ему пришли на ум, неожиданно простые слова: «Ничего у людей не будет впереди — пока они стреляют». Ночью ему приснился тот давний сон, но только возле мальчика стояли две матери, одна из них — мама Алексея.

Мерген Челтанов

Твой робот

*Он — объект твоей собственности.
Он — желанный предмет.
Повод для твоей гордости —
То, чего у других нет.*

*Он — машина. Он — киборг,
Удовлетворитель желаний и снов;
Твой безукоризненный выбор,
Запрограммированный на любовь.*

*Он обязан тебе подчиняться,
Побеждать твои страхи и грусть,
И под вечер, в двадцать два двадцать,
Выдать график проявленных чувств.*

*Вот отчет о заботе, вот сумма
Нерастраченной ласки за день;
Вот продукты в пакете из ЦУМа
И маршрут, где, когда был и с кем.*

*Робот, сделав приветливой маску,
Сказку на ночь расскажет, а сам,
Взяв в холодные руки "опаску"
Полоснет по своим проводам.*

*И закапает масло, как слезы,
И, упав, проводами искря,
Робот в скрюченной своей позе
Отдаленно напомнит меня.*

Памяти убитых поэтов

*Они собирали цветные узоры
Из черно-белых кусков Бытия.
Вы их тогда заклеили позором,
Но их звезда продолжает сиять.*

*Когда их к обочинам сминал бульдозер
Тупого, железного, черного зла, —
Земля впитала их теплые слезы,
Впитала их души, кровь и тела.*

*Ты видишь — в пыли, у засохших канав
Подорожники тянут ладошки к мечтам,
Колосятся созревшие мысли трав —
Это они возвращаются к нам.*

Красная весна

*В распухшие брюха дворов
Вонзаются крики грачей,
И, вскрыв свои вены, ручей
Пролил свою грязную кровь,
Забрызгав мои башмаки.
Я чувствую эту весну:
Как гвоздь, ободравший десну,
Скрипят на зубах матерки.*

Пятница

*Вот человек. Простые ботинки,
Невзрачная
куртка, простые штаны...
Не тот, что мелькает в телекартинках.
Таких незаметных средь нас полстраны.
С виду он серый, аморфный, бездушный —
А вовсе не хуже, чем ты.
Тоже ночами рыдает в подушку,
И дарит кому-то цветы.*

*За пеленою безжизненных глаз,
Быть может, скрывается солнце.
Может он спрятал подальше от вас
Горячее сердце гасконца,
Чтоб позже, порвав официальный пиджак,
Взбренчать кастаньетами смеха,
И прыгнуть в окно, где орловский рысак
Хозяина ждет, чтоб уехать...*

*Умчаться вперед, навстречу страстям,
Открытым и светлым чувствам!
К прохожим, ко встречным — как к милым гостям,
Встряхнуть их, избавить от грусти.*

*Идет он, в китайскую куртку одетый,
А рядом такие же люди.
И он им: "Ребята! Давайте, как дети,
Прокатимся на верблюдах!
Раскрасим все улицы — будто бы праздник,
Возьмем лимонад, конфеты!
И будем смеяться, и будем все сразу
Счастливее всех на свете!"
И скинув штиблеты, пускается в танец,
И просит дождя, и чтоб с радугой.
А люди считают, что он иностранец
Из Перу или Никарагуа.*

*"Музыку! Громче! Порхайте, птицы!" —
И голуби стайкой взлетели...
А ты ждёшь — не дождёшься, чтоб в клубе напиться,
Ведь пятница, конец недели.*

Хлеб

*Эй, снимайте ваши маски!
Лица ваши видеть мне б!
На своей душе-закваске
Я вам сделал вкусный хлеб.*

*Долго слов месил опару,
В сердце въелась мук мука:
Далеко до кулинара,
Я — кухаркин сын пока.*

*На столе моём не очень
Щедрым видом натюрморт,
Зато завтра, между прочим,
Я готовлю вкусный торт.*

*На плебейский вид не бросив,
Свысока критичный взгляд,
Приземляйтесь кушать, гости!
Угощайтесь! Я вам рад!*

*Ешь хоть негр, хоть китаец, -
Мне не жалко для родных.
Ешьте, крошками кидаясь, -
Может, мыши голодны.
Киньте в форточку, чтобы птицы,
Съев, набрались сил в полет.
Ешьте, нищие и принцы,
Боги, звери и народ!*

*Пусть мой хлеб сырой маленько,
Пусть он солью слёз першит, -
Сделан он не ради денег,
Сделан он, чтоб легче жить.*

*Ешьте хлеб, забыв про войны,
Даже если он засох.
Ешьте! Это ведь не больно,
Это ж не свинец в висок.*

*Режьте хлеб. Людей не режьте.
Ешьте, дав поесть другим.
Но помойте руки прежде,
И с лица сотрите грим.*

Сердце и разум

*Не слушай сердце. Это кровь
Кипит бульоном в куске мяса.
Игра желаний, страхов, снов.
Калейдоскоп теней и красок.*

*Твой разум — чистый бриллиант,
Прохладным отблеском сияет,
Оправой воля, ум, талант
Кристалла грани обрамляют.*

*А в сердце — хаос, смесь огня,
Воды и пойманного ветра.
Как со стихией совладать?
Вопрос, и не найти ответа.*

Календарь

*Весна растворилась с последним дождём —
Её позабыли и больше не ждём,
И отпечатком остались на ней
Жаркие пятки асфальтовых дней:*

*Июня забег по-мальчишески скор.
Июль с ним вступает в решительный спор:
Румян и горяч; его пылкая речь
Заставила время стремительней течь.*

*И вот уже август, раскрыв ворота,
Вразвалочку входит своё навестать.
Мы с радостью лету продлили бы срок,
Но осени взгляд так не ласков и строг.
Сентябрь, октябрь – холодно-резки:
Травы индевелой седые виски,
Хрустящие стеклышки луж поутру,
И пальцы деревьев у неба во рту.*

*Глядишь, в белоснежной своей новизне
Бредет по аллеям ноябрьский снег.
От холода злой, за ним следом, как пес,
Буранами взыв, декабрь приполз*

*И лег, коченея, у ног января...
Январь – беззастенчивый пьяница – в ряд
Расставил бутылки, и скорчив свой рот,
Дыша перегаром, объявил Новый Год.*

*Февральская шуба — сузробов меха —
Линяет, и дни уже стали длинней,
И дров уже в печку поменьше пихать,
И сердцу как будто бы повеселей...*

Одиночество

*Боюсь спугнуть тишину.
Тени на стенах вот-вот зашуршат
Блики воды расплещутся звоном
И воздух треснуть готов.*

*Но нет, не подумайте, я не один.
Быть одному – не хочется.
Рядом, во мне и повсюду –
Сплошь Одиночество.*

*Комнаты яркий мрак,
Или улиц пронзительный сноб –
Я вижу его серый фрак,
Я чувствую его горб.*

*В кристальных холстах зеркал
Я вижу его портрет.
Глаза закрывал –
Не исчезает. Машет рукой: «Привет!»*

*Недавно в автобусе ехал –
Смотрю, — оно следом бежит
На встречу. В машину.
С разбегу.
Для смеху.
Удар.
Улыбаясь, лежит.*

Путешествие

*Ты, в дальние края собравшись,
Листая главы, окунись туда,
Где нежный ветер,
шум листвы опавшей,
И бликами искрящая вода.
А может быть, где грозный перевал,
навис скалистой серой кручей,
Где о вершины поцарапаются тучи,
проложишь путь и встанешь на привал.
Где красота, где тайные миры готовы
пытливому уму и сердца доброте
открыться неожиданностью новой,
Оставшись книгою в руке.*

Космический Лис

*В полумраке закулисья
Я пройдусь походкой лисьей...
Вы вдруг в небе различите
Странный след звезды корявой –
Это я походкой бравой,
Сделав чудо-сапоги
Из оберточной фольги,
По галактикам шагаю,
И миров болты и гайки
Мне теперь подчинены.
Мне уж не до угрызений –
По сценарию везенья,
В полумраке закулисья
Промелькнула морда лисья...
И на небе, полном звезд,
Виден чей-то рыжий хвост.*

С уходом осени

*Всё тревожнее шепот ветра.
Не играет с цветами в поле,
А все чаще в лицо прохожим
Неприветливо, холодно дышит.*

*Но в его колючих ухмылках
Замечается боль расставанья,
Крики птиц уходящему солнцу –
Это плач об ушедшем тепле.*

*Почернела река. Ее волны
Монотонны, как грустные мысли
В глубине своей прячут раздумья
Об утраченном и безвозвратном.*

*Но в багряных нарядах деревьев
Мне мерещатся твои губы,
В золотых оттенках заката –
Драгоценность нашей мечты.*

*Если даже нахмурится небо –
Ели дождь все размочит краски,
Не печалься, я буду рядом, —
Первым снегом упав на плечо.*

Старому бродяге

*Ты не забудешь, бродяга,
Свой старый потертый рюкзак,
Штормовку, палатку, снарягу
И то, как однажды сказал,*

*Что вряд ли забудутся эти
Задорные юные дни,
Когда мы бродили по свету,
В сердцах зажигая огни.*

*Как пламя костра освещает
Веселые лица друзей,
Так память тебе возвращает
Все отблески тех светлых дней.*

*Там эхо металось по скалам,
Как конь, потерявший узду,
Там солнце в седле перевала
Ловило арканом звезду.*

*Ты помнишь: как будто бы пьяный
Ты воздухом горным дышал.
Меж кедров, в цветочных полянах
Благоухала душа.*

*Ведь там, где гудят монотонно
Деревья старинную песнь,
В замшелой тени буреломной
Родник чудодейственный есть.*

*Там дикие звери и птицы -
Священной тайги детвора
Приходят попить и умыться,
В себя чистой силы набрать.*

Там, под корягою, дремлет

*Веснушчатый мухомор.
Там ветер по-дружески треплет
Макушки вспотевший вихор.*

*...Закоренелый романтик,
Бродяга до мозга кости —
Я знаю, что вновь тебя тянет
Таежной тропой пройти.*

*Охота надеть, как и прежде,
Рюкзак свой, выдавший виды,
И снова в походы — в надежде
Попить родниковой воды.*

Июношеское

*В зубах смешинка, песня набекрень.
Вихор ромашковый взлохмаченных трав.
Блестит отточенный напор — прощай, мигрень!
Синицу неба поймал мы в рукав.*

*Так карамельно солнце, так приторна жара.
Так малооблачно мечтаний молоко.
И наша жизнь еще не так стара,
Как кажется... От этого легко.*

*Поэтому весело-разноцветным
Наполнились оттенки бытия.
Искра в глазах зажглась рассветом,
И это чувствуем и ты, и я.*

Мопед

Когда мне было 15 лет, у меня был мопед «Карпаты», советский, Львовского мотозавода, 1984 года выпуска. Собрал я его, можно сказать, из кучи железа, которое никоим образом даже не могло мечтать о том, чтобы мчать меня по улицам моего городка. Вообще-то я хотел мотоцикл, но для этого нужно было больше денег, времени, сил, умений, а этого, конечно же, для его покупки и усовершенствования у меня почти не было, так же, как и прав на его вождение. Поэтому я приобрел «Карпаты-1» и «Дельту», от которых к тому времени были одни названия. «Карпаты» я сторговал у Ниндзи, уже порядком взрослого парня, за ящик пива. Пиво мне как 15-летнему пацану, к моему удивлению, не продали, поэтому расплатился деньгами.

Но это не беда. Беда была, когда мне пришлось тащить его домой. Да, да, именно тащить, так как у него было на ходу лишь переднее колесо. Заднее же колесо, изогнутое в хлам и к тому же без спиц, беспомощно волочилось сзади, являясь неким механическим рудиментом.

Один час позора, и я уже дома. «Дельта» мне досталась дороже, хотя была не намного лучше. Но уже потом я понял, что не прогадал — на ней было много исправных, почти новых запчастей.

Итак, покупки завершились, я уложился в 750 рублей, не считая тросика сцепления, лампочки на фару, поршневых колец и краски, которые я купил уже позже.

Наступил период сборки, долгий и мучительный период проб и ошибок, радостей и разочарований, надежд и безысходности. До этого механическими узлами, которые я собирал, были детский конструктор «Лего» и мясорубка, а высшей планкой в моей технической практике являлась сборка велосипеда.

Пришлось постоянно обращаться за советами к пацанам, которые не один год своей жизни «рассекали» по окраинам с ветром, наполненным мотоциклетным треском. Но почему-то толкового ничего не вышло. Правда, объяснили местонахождение жизненно важных узлов моего мопеда, который оказался упрощенной детской версией, таким младшим братом «Минска». Объяснили, как нужно заводить с толкача, так как ножки кикстартера не было... . Получил я и много других советов, в полезности и правильности которых убедился позже, когда засел за книжки.

О, это были деньки! Раньше я не любил ходить в библиотеку, так как постоянно портил и терял книги и не мог долго сидеть в читальных залах. Но тут, увидев полезные буквы в различных пособиях по ремонту и обслуживанию двухколесных коней, и особенно журнал «Мото», я засел в «Калинке» основательно.

Ребята-мотоманьяки стали в шутку дразнить ботаником, посмеивались, когда я называл детали и узлы их заводскими именами. По этому поводу, кстати, меня называли еще «кикстартером», «вращающейся рукояткой управления дроссельного золотника», а также «кривошипно-шатунным механизмом».

Шутки шутками, но вскоре уже я смеялся над ними, основательно подкрепив фундамент своих не очень обширных практических знаний жесткой и надежной арматурой теории. Поэтому они стали советоваться со мной по поводу всяческих переделок и внесения изменений в конструкцию мотоцикла. Если же мои доводы не принимались, то я всегда говорил: «Ты не умней изобретателя!»

Через четыре месяца после покупки, в августе, мой мопед, раскрашенный под тигра, немного «задратый», всю тарахтел, обгоняя «пазики», желтобрюхие такси и прочих участников городского трафика. Особенно получалось «дергать» и обгонять велосипедистов и прохожих, зачастую удивленно и недоумевающе глядящих вслед.

О, мой мопед! Он был частью моей души! Как я потом сожалел о том, что во время поломок пинал его, швырял в него ключами, материл, а один раз даже плюнул! Всегда, садясь на него и слушая его приветливое, дружеское, немного свирепое тарахтенье, я мысленно просил его о прощении.

Я обращался с ним бережно и в меру жестоко. Я старался чаще его мыть, ежедневно следил за его состоянием. Он был моим другом. Он понимал, когда мне было плохо, когда мне хотелось вырваться прочь, когда мне просто необходимо было, чтобы ветер бил в лицо, наполняя грудь, как парус, прохладным, пахнущим ночной тишиной и поникшей, но светлой, осенней печалью воздухом.

Да, конечно, он все понимал, душевно принимая в объятия своего бензино-масляного аромата – понимал, и поэтому заводился как и я, с пол-оборота и неся в ночную неизвестность...

В одиннадцатом классе, когда всю готовятся к экзаменам, когда все говорят, что ты уже взрослый и пора начинать новую жизнь, я продал его. Нет. Я его предал. Эти слова отличаются лишь одной буквой, но суть одинакова.

Парнишка, который его покупал, очевидно, совсем не умел ездить. Мопед в его руках завелся не сразу, не смог тронуться с места, а когда все-таки поехал, то вдруг дико закричал выскочившей передачей. Но я тогда ни о чем не думал. В потненьком кулачишке я счастливо сжимал одну синенькую и две красненьких бумажки, представляя, как буду пьянствовать с пацанами, обмывая окончание школы.

Деньги я потом потерял. Карман порвался об гвоздь, торчащий из стены сарая, когда я выкатывал свой мопед в последний раз.

Парень тот в первые же две недели «убил» его капитально. В первый день, врезавшись, погнул вилку и разбил фару, пообрывались тросики. Потом по какой-то случайности разорвало корзину сцепления.

Он позвал меня посмотреть, что случилось. Я пообещал. Хотелось это сделать в субботу, но шел сильный дождь, и на душе от этого было пасмурно. Я поехал в воскресенье с утра. Мопед лежал в ограде на боку. Левая крышка была снята, и с двигателя и его развороченных внутренностей, словно кровь, стекало масло. Вид его был потрепанным и грязным, руль неестественно вывернут, и из разбитой фары капля за каплей текла вчерашняя дождевая вода. Казалось, мопед плачет.

Вспомнилось, как однажды в детстве мама сказала мне, что машины не плачут, так как они мертвые. Словно подтверждая эту мысль, из потускневшего глаза моего друга перестало капать. Он умер.

Перевал

Группа туристов третий день шла по горной тайге. Уже второй переход они идут вверх по этой неширокой, мелкой, но стремительной и бурной реке, которой, уже многим казалось, не предвидится конца. Долина ее была узкой; справа и слева сразу же, почти вплотную к берегу, вздымались крутые горные гряды, как бы сжимая русло с обеих сторон своими лесисто-скалистыми склонами. Эти прижимы давали мало шансов обнаружить пологий берег или поляну, отчего туристам приходилось долго и упорно продвигаться вперед, в поисках подходящего места для разбивки лагеря.

Со вчерашнего вечера шел мелкий, словно просеянный через сито, дождь. Его капли были больше похожи на пыль, а кожа не ощущала их прикосновений. Из-за большой влажности, постоянного движения с набором высоты по превратившейся в грязь ма-

лозаметной, давно нехоженной тропе, дышать и передвигаться под тяжелыми рюкзаками, было особенно трудно — гораздо трудней, чем в сухие и ясные дни.

Туристы еще задолго до наступления темноты потеряли желание продолжать изнурительное продвижение сквозь таежные заросли, переходить вброд бесчисленные ручьи и отсыревать под морозящей пеленой дождя. Они остановились возле воды на узкой, но ровной полоске галечникового берега; не торопясь установили палатки и сообща заготовили дрова. С хворостом было туго: здесь проходила граница пояса леса, поэтому вокруг, в основном, была тяжелая, сырая лиственница. Дров хватило лишь на то, чтоб приготовить ужин, отогреться да кое-как обсохнуть. Поев, почти все разбрелись по палаткам, лишь пара-тройка романтиков осталась ненадолго у догорающего костра. Но совсем скоро и они забрались в спальники и пытались заснуть под плеск воды и шуршание перекатывающейся в ней гальки.

Ночью дождь усилился. От обилия ниспосланной с небес влаги река поднялась и вздулась, вода стала более мутной, отчего теперь, в прохладных сумерках утра, меж серых глыб и скальных остей, она казалась еще более холодной, суровой и даже чуточку свирепой. Вода, просачиваясь сквозь щебень и гальку, не обошла стороной и стоящие на берегу палатки, пропитав сначала их днища, а потом подобравшись к спальным мешкам и мирно спящим в них туристам.

Один за другим вскакивали путешественники, недовольные и озадаченные неожиданной атакой воды. Толком не одевшись, принялись перетаскивать имущество и снаряжение на сухое место. Начали сворачивать палатки, выжимать промокшую одежду и спальные мешки. Кто-то уже разжигал костер из остатков дров, чтоб подогреть еду, а кому не нашлось занятий — умывались и начинали трамбовать рюкзаки. С подмоченным настроением и в сырой одежде, через час уже все двигались вперед.

Когда, выбрав темп, прошли несколько километров, погода улучшилась. Дождь прекратился, тучи и облака немного поредели, кое-где появились невероятно чистые, синие кусочки неба. На склоны упали косые, но уже сильные лучи пока еще утреннего солнца. Легкий ветер зашевелил макушки деревьев и погнал по склонам клочья белого тумана. Засверкали висящие на ветвях капли. Казалось, между хвоинок и на каждый зеленый листочек травы положили по драгоценному кристаллу. Вдоль косматых серых облаков улыбкой скользнула и засияла радуга, наполнив жизнью монотонный лик небосклона.

Подшло время обеда. Выбрав место, путники сбросили на землю рюкзаки и устроились на них передохнуть. Перекурив, Старший оставил двух дежурных для приготовления еды, а сам с остальными ушел за дровами. Слышно было, как зашуршала карманная пила, а спустя несколько минут старая засохшая сосна с треском повалилась в заросли. Дежурные, не теряя времени, пытались разжечь костер, собрав поблизости кучку хвоста.

Огонь разгорался плохо. Сырые ветки шипели, отчаянно дымили, а мелкие язычки пламени, как бы дразня, затухали, едва успев появиться.

Наконец, из зарослей, волоча за собой спиленное бревно, появился Старший с несколькими помощниками. Смекнув, что у дежурных ничего не получается, он дал указание распилить бревно, а сам, покачав головой, направился к костру. Далеко не «чайник» в туризме, он вынул свой тесак из висящего на поясе кожаного чехла и ловкими движениями начал сперва остругивать напрочь промокшую кору с наломанных веток, а затем, на освободившейся сухой сердцевине нарубил насечку. Обработанные таким образом ветки, лучинки и стружки, сложенные «вигвамчиком», сначала нехотя закоптили, но потом весело затрещали, охваченные магической пляской новорожденного огня.

— С одной спички! — гордо провозгласил Старший.

Все одобрительно посмотрели на него, а дежурные виновато отводили взгляд от кучи разбросанных горелых спичек. Старший присел к костру и, набрав в легкие побольше воздуха, надул щеки и принялся раздувать огонь. Пламя на глазах росло и набирало силу, подкармливаемое живительной струей воздуха, уже все ветки весело горели, а некоторые начали превращаться в пылающие угли. Старший перестал дуть, отстранив от костра свое раскрасневшееся от жара лицо. К тому времени бревно уже наполовину было распилено, а часть чурок расколота, и дежурные принесли первую охапку свежих поленьев.

Вода в котелке под напором умело сложенного «колодца» костра начала напряженно шуметь, наполняться несчетным количеством пузырьков и, как бы оживая, двигаться. Через несколько минут в дышащий паром бурлящий котелок посыпалась гречка, а по его стоящей рядом раскаленной крышке, служившей одновременно своеобразной мини-сковородой, жидким золотом растеклось масло. В него, шипя и подергиваясь от жара, вывалилась тушенка из нескольких вскрытых железных банок, а вслед за ней — порезанные, лук и морковь.

Даже те, кто ушел за дровами и пока еще не вернулись к костру, вдруг оживленно заводили носами, сглатывая слюну и чувствуя, как просыпается голод. А что уж говорить о тех, кто стоял рядом!

Туристы плотным кольцом окружили Старшего и дежурных, держа в руках свои «метательные наборы», а через несколько минут уже вовсю махали ложками, периодически сдобривая кашу майонезом, да возвращаясь к котелку за добавкой.

Взбодренные, сытые и отдохнувшие, они двинулись дальше.

К вечеру они покинули границу леса, и путь их лежал уже по безлесной гористой местности, растительность которой была представлена высокогорными травами да порослью голубики и карликовой березки. Речка бежала уже довольно далеко вниз, казавшись теперь шумным ручьем; вода его не бросалась так свирепо на камни, а обегала их стороной. Судя по карте, они были под перевалом, но за пеленой тумана и облаков разглядеть его не могли.

Возле воды не нашлось подходящего места для палаток, так что лагерь пришлось ставить выше, на выпуклом склоне, возле внушительных размеров скального выступа. Ужин готовили по-скорому, на газовом примусе, из полуфабрикатов, из-за полного отсутствия дров и быстро стущавшихся сумерек. Спать легли рано.

Ночью было прохладно. Развеявшееся было небо, с его необычайно яркими и близкими здесь звездами, снова затянуло. С гор подул ветер, и скоро по палаткам зашуршали хлопья мокрого снега. Люди беспокойно ворочались во сне в своих отсыревших спальниках, и многим снились их уютные теплые квартиры.

Накануне Старший, в очередной раз посоветовал засунуть свои мокрые вещи в спальники перед отходом ко сну, дабы за ночь, согреваемые теплом тела, они успели просохнуть. Но многие не прислушались к совету и повесили сырое и холодное тряпье на растяжки палаток. Утром они пожалели об этом. С огромным трудом, содрогаясь и пересиливая себя, они натягивали покрытую снегом, ставшую еще более холодной и мокрой, одежду.

Старший никак не мог выдернуть народ из прогретых за ночь палаток и спальников. Лишь приглашение на завтрак из вкуснейшей консервированной каши с кусочками тушенки, восхитительно хрустящими галетами и ароматным горячим кофе со сгущенкой, помогло ему выманить их. Позавтракав, как-то быстро свернули лагерь и двинулись дальше, один за другим, смешивая чахлый слой снега с грязью размытой дождями тропы.

Облака вновь унесло ветром, но еще не утратившее сил горное августовское солнце, появившись ненадолго, вновь скрылось в

тумане испаряемой им влаги. Но и этот туман вскоре развеялся. Впереди, разделяя безупречно чистое, голубое небо и хаотичные линии серых скал, в седловине между двух заснеженных на макушках пиков зеленой линией лежал перевал. Небо и земля. Камень и воздух. Снег и трава.

Подъем становился всё круче. Ровная цепочка тропы изогнулась в серпантин. Уныло, однообразно постукивал о пряжку рюкзака котелок, и все как-то невольно подчинились его ритму. Случалось, кто-то, переполненный думами, заведет разговор, не зная зачем, вовсе не связанный с его настроением и тем, о чем он думает; начнет что-то рассказывать, а потом вдруг опять задумается и смолкнет, оборвавшись на полуслове. И снова слышится: бряк, бряк, бряк, стук-бряк-стук. И все идут, обходя заросли березки и кедрового стланика, минуя выветренные, покрытые лишайником валуны, беззаботно перепрыгивая мелкие ручейки, осторожно, по камням, перебираясь через большие...

Идут, и мнится кому-то иной раз, что идут они уже целую вечность и даже не помнят, куда; что они просто должны идти, останавливаясь лишь для глотка воды; и, кажется, что вложен в это гораздо более глубокий, даже великий, смысл — не останавливаясь, идти дальше. Даже появляется такое ощущение, что это не по воле и желанию, а по древнему инстинкту, заложенному в генах первобытными предками, идут они, и будут идти, пока неведомое «Что-то» не остановит их.

Старший объявил привал и раздал из тряпичного мешочка «ништячки»: смесь из изюма, чернослива, кураги и разного рода орехов. Следом появилась плитка шоколада, разделенная поровну. Подъем на перевал требовал много сил, поэтому следовало заправиться углеводами, чтоб организму было из чего дополнительно черпать энергию.

...Сильные жилистые ноги будут твердо держать путь; немного сутулая, но крепкая и выносливая спина будет нести двухпудовый рюкзак; цепкие руки не прекратят втыкать ледоруб, и не ослабнет мертвая хватка пальцев, сжимающих сталь жумара, пока...

Взгляните на лицо одного из этих, чем-то сильно похожих, но, в то же время, таких разных путников. Из-под спортивной шапочки прикрытой капюшоном туристической штормовки, пробиваются прядки вспотевших волос. Высокогорный воздух, солнце, богатое здесь ультрафиолетом, ветер, холод и зной, дым костров и влага туманов наложили на лицо свои отпечатки. Немного впалая на щеках, загорелая и слегка обветренная кожа, сухие потрескавшиеся губы, что-то неслышно напевающие.

Но самое главное – глаза. Живые, полные нескончаемого стремления, жаждущие увидеть новое, необычное, неопознанное. В них сила и спокойствие, страсть и хладнокровие слились в одно. В них ум и благородство романтика-рыцаря, сила и свободолюбие дикаря. В них различимы отблески струн и языки костра, и даже в случайных, застигающих их каплях, дождя угадываются вспышки молний. В них — манящий свет далекой, но яркой звезды.

Сильные жилистые ноги будут твердо держать путь; немного сутулые, но крепкие и выносливые спины будут нести двухпудовый рюкзак, цепкие руки не прекратят втыкать ледоруб, и не ослабнет мертвая хватка пальцев, сжимающих сталь жумара; ощущая каждый свой мускул, каждый камень и каждое дуновение ветерка, будет двигаться вперед Человек, пока у него такие глаза...

До перевала осталось немного. Старший шел впереди.

Какое-то тревожное чувство охватывало его порой. На какой бы перевал он ни поднимался, оно всегда посещало его. Вот он идет час, другой; ноги уже начинают уставать, и держать дыхание в одном ритме становится все труднее; все чаще поднимается грудь и все короче шаги и паузы между вдохом и выдохом; он останавливается, не снимая рюкзака, и ждет, когда остальные догонят его или подтянутся поближе; ждет, всем весом навалившись на альпеншток и, кажется, никакая сила его уже не сдвинет с места.

И вот, когда остальные почти поднялись и уже готовы остановиться на привал, чтобы блаженно растянуться, лежа на траве или рюкзаках, он распрямляет спину и идет дальше, оставляя их отдыхать, как будто боясь, что они подойдут слишком близко.

До вершины перевала совсем чуть-чуть, какие-то двести метров. Ему хочется побежать, закричать — он сам не знает, почему. Он ускоряет темп. Вот уже различимы веками складываемые туры. Он бросается вперед и в несколько шагов готов достичь вершины. И в этот момент ему больше всего хочется оказаться там и случайно, с каким-то оттенком страха в голове мелькает мысль: «А что там, за этим перевалом, за этой каменной стеной?» И сознание, чувствуя неизведанное, рисует невообразимые картины, не передаваемые словами.

То же самое, быть может, испытывали путники, ищущие край света. Еще немного, еще чуть-чуть, а там...

А там оказывались бесконечные ландшафты, новые пространства, новые люди и новые времена. И эти люди шли дальше. Он достал из-за вспотевшей пазухи внушительный камень, по традиции подобранный у подножия, осторожно и аккуратно заложил его в тур.

Через несколько минут должны были появиться остальные, а он уже сидел на рюкзаке с травинкой в зубах, устремив взгляд куда-то вдаль.

Падение

Я видел, как ты упал. Признаться, это было немного смешно – такой смачный шлепок! Брызги грязи в разные стороны, и твое лицо, секунду назад бывшее таким гордым, самодостаточным, вдруг сделалось таким жалким и беспомощным.

Ты с минуту стоял в луже на четвереньках в шоке от случившегося. Я смаковал тот миг, когда ты озирался по сторонам. Сначала ты инстинктивно оглянулся в надежде на чью-либо помощь, но потом ты начал вертеть головой по сторонам, стараясь убедиться в том, что тебя никто не увидел. Потом ты уверенно, почти рывком встал и попытался отряхнуть с себя грязь, но она лишь размазалась по одежде. Ты сплюнул, даже, кажется, ругнулся, и пошел дальше. Ты попытался наполнить свой взгляд прежней самоуверенностью и дерзостью, но это у тебя получилось с натяжкой. Вскоре ты и вовсе опустил голову, ссутулил спину и засунул руки в карманы. Дальше ничего интересного уже не происходило.

Марина Боброва (Токарева)

Чтобы не было

Тьма спускается на землю.
Просыпаются мечты,
Город беспокойно дремлет,
Холод кутает мосты,
Тишина. Темно. Ни звука.
Но среди ночных огней
Кто-то к небу тянет руки.
Стонет. Стонет все сильнее...
Эти стоны слабы... гулки....
Тихо тают, не спеша...
И бредет по переулкам
Бесприютная душа.
Торопиться ей не стоит —
Высоко еще луна.
Темнота собой накроет...
От кого? Душа — одна.
По дорогам одиноким
Вдаль, куда глаза глядят.
И заглядывает в окна —
Все ль в порядке? Все ли спят?

Там, где люди сердце носят —
Пустота. Лишь тихий свет.
Ничего она не спросит,
Ничего не ждет в ответ.
Так, пока шагают войны
По дорогам городским,
Душ немых, обеспокоенных,
Небо стягивает дым...
А она — все небу молится
За людей, не за себя.
И никак не успокоится,
Ни за что весь мир любя...
Если ночью вдруг вы встанете,
То, к окошку поспешив,
Может быть, ее узнаете:
То — солдатская душа.
Бродят души в ночь ненастную,
В этом нет ничьей вины.
Нужно им, всего-то навсего,
Чтобы не было войны...

Приснился...

*Ты приснился мне сегодня. Ты. Далекий и забытый.
Образ твой, совсем размытый, оседал на дне души...
Не вздохнулось вдруг свободней, солнце ласковей не
стало,
Истины я не узнала, но шепнула ночь: «Спеши!»
Я спешу — спасибо ночи! Где еще тебя увижу?
Как еще мы станем ближе? В жизни будничной, дневной
Я нужна тебе не очень. Ты мне, если честно, тоже...
И тоска давно не гложет. Только... вновь ты был со
мной..
Все вернулось, что забылось! Как родного обнимала,
Снова запах твой вдыхала и не верила глазам...
Встав с утра, перекрестилась. Ведь привидится ж
такое!
Я скучала, я не скрою. Просто близится гроза.*

Я знаю, мама

*Я знаю, как стать очень сильной на взмах,
Словами сражать, слыть серьезной девицей...
Но, мама, я слезы не прячу в глазах,
Когда кто-то топчет души половицы.*

*И пылью слова, и комками обман,
И горло першит от невысохшей соли...
И нет мне страданий особых и ран...
Но как-то не очень... Натоптано, что — ли?*

*Ты знаешь, ведь дело совсем не в словах.
Порой не в поступках, порой не в мужчинах.
А я, мама, слезы не прячу в глазах,
Когда выбираю не ту половину.*

Мария Пахорукова

Уже седьмой десяток разменяла, а душа по-прежнему застряла где-то в комсомольском возрасте. Сейчас проживаю в посёлке Самусь Томской области. Работаю учителем уже более тридцати пяти лет. Всегда любила и люблю свою профессию. Была учителем географии, педагогом-психологом, заместителем директора

лица по учебно-воспитательной работе. Второй год индивидуально занимаюсь с детьми-инвалидами VIII вида. Считаю свою деятельность одной из самых необходимых и важных...

Параллельно пишу: в городской еженедельник «Диалог» ЗАТО Северск, в отраслевую газету Обского пароходства «На вахте» (Новосибирск), на сайте «Стихи.ру». Печатала свои стихи в сборнике самусьских поэтов «Пока душа во мне живёт» в 2005 году. Фотографирую и участвую в конкурсах. Так по итогам фотоконкурса «Томские вёрсты» (к 410-летию Томска, 210-летию Томской губернии и 70-летию Томской области) принимала участие в презентации альбома в Администрации Томской области, где наряду с другими участниками, получила в качестве награды печатное издание — фотоальбом «Томские вёрсты».

Мне нравится общаться с интересными творческими людьми. И судьба уготовила мне подарок: посещение Горного Алтая и знакомство с истинными талантливыми людьми на доброту, бескорыстие, щедрость души. Одна из таких — Ольга Истомина — предложила мне «засветиться» на страницах этого сборника, что я и делаю с превеликим удовольствием. А ещё я очень люблю жизнь...

Мария Иннокентьевна Пахорукова

Зато не безотцовщина

Борьба за урожай в моём детстве заключалась в том, чтобы выбрать погожий день для копки картофеля в поле. А транспорт для его доставки выделяло автотранспортное предприятие, прикреплённое к картофельным полям, причём абсолютно бесплатно. Выходили на поле всей семьёй от мала до велика. Дома оставались немощные старики и малые дети. Первые готовили обед труженикам, а в обязанность последних входило не вертеться под ногами у старших. По возвращении с поля и загрузки нового урожая в погреба, все устремлялись в общественную баню, благо она располагалась ближе, чем общественный сортир по типу М-Ж.

Первые числа октября. Солнечный вечер. Семья: родители и две дочери вернулись из бани. На большой кухне накрыли стол. Нехитрая снедь: борщ, картошка-толчёнка, или по культурному — пюре, огурцы солёные, последние свежие помидоры текущего урожая. Обязательный атрибут десерта — дыня с собственной дачи, и не одна, поскольку «колхозницы» мелкие весом. Дети, в основном, на десерт налегали. Как-то не до борщей-солений им было. А помидор в летние месяцы наелись «до отвала». И уж, конечно, совсем не обращали внимания на то, что ставила из напитков на стол мать, и чего с таким вождленным взглядом ждал отец, да так, что его кадык ходуном ходил при сглатывании слюны. А что делать?.. Фронтовик сам рассказывал, как каждый день давали по сто грамм наркомовских, чтобы переносить все тяготы службы на восточном фронте, куда он был призван восемнадцатилетним пацаном и прослужил более восьми лет. Не раз пытались дочери высчитать сколько же было выпито их отцом, если перевести эти сто грамм спирта в водку, умножить на восемь лет, ещё на триста шестьдесят пять дней, не забыть про високосный год. Все эти вычисления делались в столбик, поэтому останавливались где-то на полпути вычислений. Уже став взрослыми, они поняли, какая это трагедия для целого поколения страны победителей, которые были, таким образом, споены навсегда и безвозвратно. Это не замедлило сказаться на их детях, внуках... И всё шло по нарастающей.

А в тот далёкий тёплый вечер семья сидела за столом. Хозяйка принесла припрятанную только в ей известном месте бутылочку и разлила по стопкам. Хозяину — полную и себе, как водится на до-

нышке: пригубить и то достаточно. Хотя дочери взрослые, с пониманием, но не след матери подавать им дурной пример. Девчонки побыстрее с первым блюдом расправлялись, чтобы к десерту приступить. А родители, как водится, порадовались хорошему урожаю: «Слава Богу, подсобил убрать его! Первым отец как за себя махнул стопку, поморщился, крякнул как водится: «Ух, и крепка же, паразитка. Хороша удалась! — при этом от удовольствия мотнул головой. — И как у тебя, мать, такая крепкая самогонка получается на зависть всем соседям? Жена, польщённая такой похвалой, расслабилась. Времени не было заподозрить в словах мужа подвох. Не любила она пьянку и всегда считала, что от неё проклятой все беды в семьях случаются. Но поднесла к губам стопку и осторожно, как это делала в подобных случаях, выпила. Дальше события разворачивались как в театре абсурда. Уже и солёный огурец взяла, и открыла рот, чтобы выдохнуть. А отец нацелился, чтобы вторую налить — «уж больно хороша самогоночка-то». И тут как гром среди ясного неба. Стопка матери опускается резко на стол. Мать кричит: «Ах, ты, паразит такой! И когда ты только наглотаешься её окаянную! А ещё крякает, — это уже к дочерям обращение. — А сам нашёл бутылку, всю выжрал, и воды налил». Дочери прыснули от смеха, выскочили из-за стола.

— Ну, что ты шумишь. Она действительно была крепкая. Ты не любишь пить, всё равно мне бы всё досталось. А я: раньше выпил, или сегодня, какая разница? Всё равно оценил твое мастерство.

На работе поделилась своим горем. И в ответ услышала такие чудеса про мужей своих товарок, что чудачества её мужа по сравнению с ними — невинная шалость. Так у Раи Ивановой муж из-за пьянки часто менял место работы. И всякий раз поводом его прогула была очередная смерть его единственной тёщи, дай Бог ей здоровья, а то — кого бы было хоронить? Насмотревшись на своего отца, его долгожданная дочь сгорела тоже от пьянки, оставив Рае годовалую дочку. А Лиза рассказала о том, как у неё долго не получалась брага достаточной крепости для самогонования.

— И сахара достаточно сыплю, и дрожжи хорошие, свежие, и хмель добавляю, а не получается. И что удивительно, мой Вовка не сетует, что выпить нечего. А только по утрам какой-то пьяный, с перегаром просыпается. Стала я за ним следить. Всю ночь под воскресенье не спала. Он тоже с вечера ворочался. Я и заснула. Проснулась среди ночи по малой нужде. Муж спит, отвернувшись к стене, и звук такой, словно соску сосёт. Я его разворачиваю к себе лицом, а он — алкаш несчастный, опустил трубочку от моей грелки под кровать в жбан с брагой и потягивает брагу, словно младе-

нец мамкину титку теребит. А потом доливает туда воды. А твой-то мужик, подружка, просто ангел. Подумаешь — нашёл бутылку в мешке с мукой. Да, наши этот курс наук ещё на первом году совместной жизни усвоили! Учись лучше прятать. А учиться надо у них же, алкашей наших. Расскажи-ка, Любания, как твой прячет.

— Да чего рассказывать? Горе моё, горе. С работы приходит трезвый и сразу в туалет: работает далеко от дома, пока доедет на трамвае через весь город... Поужинаем. И садится к политзанятиям готовиться. Уж очень он любит их проводить в своей бригаде. Ну, понятно, после еды, выпитого чая в туалет надо сходить. Пройдёт ещё немного времени — опять в туалет. И чем чаще он в туалет ходит, тем пьянее становится. Я весь туалет обследовала, полочки с инструментом мужа перебрала, банки и бутылки, оставшиеся после очередного ремонта — ничего подозрительного не нашла. Уж и детей просила за отцом присматривать. А на днях сливной бачок что-то стал барахлить: и вроде вода есть, а не льётся в полную силу, как раньше. В свой выходной, не дожидаясь хозяина, я вызвала сантехника. И как же удивились мы, когда вскрыли сливной бачок. Там лежали на боку шесть бутылок из-под водки, в которые набралась вода из бачка. А рядом пробки от них. Вот почему и барахлил бачок.

Тогда жена фронтовика решила: «Хорошо, что тёщи уже нет, хоронить некого, да и туалет не в квартире, а во дворе. Не совсем пропащий мой-то. И картошку копать не отказывается, и после стопки выпитого, даже воды, закусывает!».

Так и продолжили женщины своё житьё-бытьё. А куда деваться? Опять же, дети растут, а безотцовщины в стране и в войну хватило!

— Мы росли сиротами, так пусть хоть наши дети с отцами будут.

Задорнов отдыхает (Быль)

Геологи, не знаю как сейчас, а в советское время работали в поле с апреля по октябрь включительно, даже в самой северной экспедиции — Шмидтовской. После очередного возвращения с поля, камеральной обработки материала и сдачи отчёта — святое дело отметить завершение полевого сезона. К тому же накапливались весенне-летне-осенние дни рождения. Кидался жребий — в чьей квартире организовывать вечеринку. «Трубили сбор» и начиналось торжество. Весело, с выдумками, играми, шутками, песнями под гитару, танцами. Так, как это могут делать истинные гео-

логи — молодые, задорные, верящие, что жизнь впереди большая, красивая, а то дело, которому они служат — стране необходимо словно воздух.

— *Наливай!*
— *Ну что же — резонно,*
и себе налью, и другим.
Мы справляем конец сезона,
мы пришли вчера из тайги...

На этот раз проведение праздника выпало на квартиру Меркиных по многим причинам. Дети на материке у тёщеньки. Квартира большая — есть, где развернуться двадцати девяти братьям-геологам. К тому же в семье их — геологов двое: и муж, и жена. Да ещё у жены — день рождения. И не беда, что квартира на втором этаже, а дом северного исполнения. Это даже удобно. Если будет мало места для исполнения «Вальса геологов», можно плавно в коридор перетанцевать, где уже много лет всем домом встречали Новый год.

Всё было чинно и благородно до без четверти одиннадцать вечера, когда в дверь постучала негодующая москвичка, гостившая в то время у своих детей. Семья сына выехала на Южный Берег Крыма зарядиться от солнышка витамином D перед полярной зимой, а мама вызвалась цветочки поливать, присматривать за порядком. Но как предполагают участники событий — скучно ей в Белокаменной, вот и решила испытать все прелести белоснежной пустыни. Прибыла она рейсом Москва-Певек буквально третьего дня, а накануне добралась до пункта своей дислокации. Здесь и геологи нарисовались, будь они неладны, со своими причудами.

Итак, начало описываемых событий: у Меркиных на кухне геологи варят кофе, в комнате любитель оригинального жанра Шура Квасов пел под собственный гитарный аккомпанемент, выделявая немислимые «па» на дубовом журнальном столике:

Всё перекаты да перекаты
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты,
Плыву вперёд по абрису.

Женщины-модницы рассматривали наряды в журнале “Burda” на предстоящий сезон отпусков.

В прихожей раздался требовательный звонок, да с таким нетерпением, что из дверей на лестничной площадке показались

головы соседей: «Что случилось?» Дверь открыл геолог Мелков — колоритная личность, кандидат геологических наук, под два метра ростом, кстати, коренной москвич, покинувший Белокаменную по зову своей мятежной души и романтики молодости.

Видя разъярённое лицо женщины на уровне своего пояса, и слыша знакомый до боли московский диалект, молниеносно сориентировался: с особой из какого сословия имеет дело. Выслушав её о том, что всё лето от соседей покоя нет, ответ дал своим неповторимым баритоном, которым можно было бы покорять залы оперных театров мира при наличии музыкального образования и желания посвятить себя искусству, а не капризной женщине по имени «Геология». Изрёк он буквально следующее:

— Мадам... Я Вас услышал. Теперь приложите максимум своей логики, чтобы услышать меня. Ссылаясь на жилищный кодекс РСФСР, утверждённый Верховным Советом 24 июня 1983 года, по чукотскому часовому поясу нам дозволено веселиться ещё четверть часа. Мы это право заслужили в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. По Конституции СССР, в которой записано, что «граждане обязаны бережно относиться к предоставленному им жилищу», квартиросъёмщики не отходят от буквы закона ни на йоту, поскольку мы — гости танцуем на журнальном столике — личной собственности ваших соседей. Тем самым бережём полы в государственной квартире. В «Жилищном кодексе» указано, что «Советское жилищное законодательство призвано содействовать обеспечению права граждан на жилище, эффективному использованию и охране жилищного фонда». Мои друзья-геологи более чем эффективно и бережно используют свою квартиру, проживая в ней лишь с ноября по март, и выезжая в поле с апреля по октябрь, тем самым сохраняя жильё и проплачивая полную квартплату за него в течение всего года.

Соседка впала в ступор. Окончательно её добила сакраментальная фраза нашего кандидата наук:

— Хочу заметить, что я не компетентен игнорировать Ваши парадоксальные тенденции, мадам.

В полном недоумении от услышанного москвичка вернулась домой, прикрыла, оставленную перед уходом незапертой, дверь.

Настроение у компании геологов резко упало, уже не был слышен перебор гитар, а в ушах у присутствующих отголоском из песни звучала строка: «Послать бы их по адресу...». И понятно, к кому она была обращена. Сидя на кухонном полу фигурой пионерского костра, компания допивала кофе, вспоминая минор-

ные ситуации последнего полевого сезона. Допевала в полголоса А-капелла свой гимн:

*Пой сосед, да бывай здоров,
у тебя даже в почках — камни,
ты геолог до потрохов.
Все, о чем молчим непреклонно,
мы вложили вот в это гимн.
Мы справляем конец сезона,
мы пришли вчера из тайги...*

В строго обозначенный Жилищным Кодексом час гости вышли на крыльцо дома. По традиции геологов-полярников хозяева пошли провожать гостей. Опять же по традиции провожание растягивалось на несколько часов, тем более, что впереди у всех был трёхмесячный отпуск, в карманах — билеты на самолёт, во всём теле — нетерпеливая истома от ожидания встречи с тёплым, прогретым южным солнцем песочком на берегу моря.

Возвращаясь мимо окон квартиры соседки в четыре часа утра и заметив в них свет, Меркины устыдились своего застолья. Посокрушались, что женщина расстроилась не на шутку.

А вот как гласит легенда о развитии дальнейших событий той ночи, передаваемая из уст в уста в геологической партии, где мне и довелось услышать её.

...Ещё пытаясь понять услышанное от кандидата наук, соседка стала укладываться на ночлег. Долго ворочалась: прожито уже немало десятков лет, чтобы быстро адаптироваться к новому лежбищу в гостях. Вспомнила, какие были воспитанные они с мужем на заре знакомства, и сколь неуважительна сейчас молодёжь. Слава Богу, её сын не такой. А уже засыпая, услышала странное попискивание. Под кроватью её глазам предстала картина «Не ждали»: общепоселковая кошка кормила только что появившихся на свет котят.

— Что делать?!

Побежала к соседке по этажу — коренной жительнице Чукотки. Та ей и разъяснила, что, родившихся внезапно, а тем более, в чужой квартире, котят сельчане отдают сердобольному ветеринару, который имеет способность пристраивать их в желанные руки. Надо только собрать выводок и отнести его в соседний дом, где двери Айболита для подобных случаев открыты круглосуточно. Кошка-мать сама прибежит.

Сделав доброе дело и выйдя из квартиры ветеринара, женщины отметили, что у животных пропадает материнский инстинкт

— не к добру это — кошка-то так и не пришла. Зашли по возвращении к гостье из Москвы обсудить случившееся, а заодно и позднего чайку испить. За беседой москвичка узнала о соседях со второго этажа, и поняла, как она ошиблась в их непорядочности. Расстались подружками, пожелав друг другу спокойной ночи. Но, похоже, что покой им только снился.

Спустя минут тридцать-сорок после расставания, теперь уже коренная жительница Чукотки стучала в дверь москвички с просьбой:

— Помоги, а то одной идти к ветеринару жутко, на дворе темно, да и не поверит он случившемуся.

Оказывается, пока они относили котят, кошка-мать, выскочив от москвички, забежала в приоткрытую дверь соседней квартиры, где и до-окатилась под кроватью. Таким образом, всё повторилось вновь.

Когда геологи Меркины возвращались домой, соседки их находились как раз в стадии второго ночного чаепития...

*Наливаю во все сосуды,
их по-прежнему много здесь,
а закуски — какое чудо!
Даже боязно как-то есть.*

**В тексте использованы стихи О. Тарунина и А. Городницкого*

Казус Маруси

Детство-детство, школьные годы... Державы столько лет не существуют, сколько прошло с того памятного урока, о котором Маруся, теперь уже не только мама, бабушка, но и прабабушка вещает своим правнукам в назидание: не быть самоуверенными, а контролировать ситуацию, какой бы пустяковой она не казалась на первый взгляд. Рассказ свой она начинает, усадив слушателей в кружок, разгладив складки своей необъятной юбки на коленях узловатыми от непрерывной работы руками и поглаживая вечно саднящее от непроходимой ноющей боли то ли от перепадов температуры, то ли от разницы давления, то ли от давления прожитых лет, правое колено.

— Это случилось в далёком незапамятном году, так давно, что ещё не было профессии космонавта, а первый искусственный спутник был единственным творением человеческих рук, летающим по орбите. Вот тогда я — маленькая серая мышка, пошла в первый класс. Учиться мне нравилось как всякой, не посещающей детский сад и живущей с родителями и младшей сестрёнкой на выселках.

Мечтала о счастливом покорении мира, представляла, как мною будут восхищаться все-все и, в первую очередь, мои родители, которые были для меня эталоном во всём. И, как всякая школьница, не совсем прилежно относилась к своим прямым обязанностям — домашним заданиям. Считала их пустячными. За что однажды чуть не поплатилась расположением учительницы, и сделала вывод: всегда необходимо держать ситуацию под контролем, чтобы не попасть впросак.

В тот день ничего не предвещало трагедии. Всё было как всегда. Звонок на урок. Первоклассники чинно уселись за парты. Учебники закрыты и лежат на краю парт.

— Дети, сейчас вы будете читать наизусть стихотворение, которое было задано на дом.

И только после этих слов я вспомнила, как вчера моя любимая, самая умная, самая красивая учительница, на которую я так хотела быть похожей, задала на дом первый раз такое задание: выучить наизусть и рассказать в классе выразительно стихотворение.

Боже, какой позор, а я дома даже учебник не открыла, понадеялась, что читаю быстро и выразительно. Слышала разговор взрослых в магазине: «А Маруся читает как моя пятиклассница, несмотря на то, что только первый год в школу ходит». Вот и решила, что нет необходимости дома открывать учебник.

Началась само-экзекуция: «Что я наделала, а вернее — не сделала! Как же мне теперь вернуть доверие учительницы?!» Но вскоре нашла выход из, на первый взгляд, казалось бы, безвыходного положения. Поскольку дети выходили к доске для чтения наизусть в алфавитном порядке, а моя фамилия была в нижней части списка, то уже после ответа второго ученика я мысленно повторила за отвечающим первую строчку. Теперь оставалось только надеяться на то, что все двадцать выше стоящих по списку одноклассников не столь самоуверенны и выучили наставление советского поэта школьникам. Мне повезло. Пока очередь дошла до меня, я уже не только восемь строф знала назубок, но и поняла, как их надо рассказать, чтобы покорить слушателей.

— А сейчас рассказать домашнее задание пойдёт к доске Маруся.

— Самуил Яковлевич Маршак «Школьнику на память».

*Любит лётчик самолёт!
Пулемётчик — пулемёт!
Как стекло светло и чисто
блещет мастера станок!*

*У бойца-кавалериста
серебром горит клинок!
Содержи и ты в порядке
парту, книжки и тетрадки!!!*

— Молодец, Маруся! Очень хорошо выучила и выразительно рассказала стихотворение. Садись. Пять!

А мне так стыдно было от мысли, что пришлось пойти на обман. Успокаивало лишь одно: вера учительницы в меня не разрушена. Но с того памятного урока я для себя усвоила главный урок жизни: впредь не быть самонадеянной, контролировать ситуацию, чтобы не повторился подобный казус.

Мой день Победы. *Взгляд с обочины...*

Много таких дней было у меня. И в детстве, и в студенчестве. Да и последующие годы работы обязывали участвовать в этом празднике. И вот в день 69-ой годовщины появилась возможность побывать на празднике просто зрителем в областном центре — Томске. После двадцати с лишним лет безвременья, полной анархии, пьянства, курения, матерщины, которые сопровождали любое мероприятие, я увидела праздник с другой стороны. Люди, присутствующие на чествовании героев Великой Отечественной, известных и безымянных, были в едином порыве благодарности тем, кто не побоялся встать в «сороковые, роковые», отложив свои дела, на защиту Отечества. Чувствовалось, что народ соскучился по массовым мероприятиям, по гордости и достоинству за историю Родины. Наверное, уже наелись чернухи относительно обливания грязью самих себя. Захотелось радости и грусти одновременно, за исторические вехи страны. И никто не обязывал народ, стоящий плотной стеной по обочинам проспекта Ленина на протяжении нескольких километров, присутствовать здесь. Дети, родители, молодежь, пенсионеры и совсем старички — все посчитали необходимым быть здесь. И не потому, что будут раздавать бесплатно какие-то подачки от дяди Сэма, и не для того, чтобы на какую-то заезжую звезду поглазеть или поучаствовать в драке районного масштаба. Люди пришли, чтобы разделить с окружающими память о войне, о воспоминаниях своих отцов, дедов и прадедов, которыми успели наполниться, пока участники боёв были живы. Флаги и флажки военных лет, советской поры и российского стандарта, шары и живые цветы, транспаранты, знаменитые с совет-

ских времён веточки цветущей яблони. Молодёжь в белых футболках с надписью «Я помню! Я горжусь!», в военной форме времён Великой Отечественной. Стоя на обочине и проходя по городу в течение дня, я не услышала ни одного матерного слова, не увидела ни одного пьяного и курящего человека. Может быть мне в тот день просто везло на воспитанных, щедрых на доброту людей, но очень уж «везучее везение», скажу я вам. Давно такого не было. Да и было ли когда-нибудь такое в моей жизни — не припомню, чтобы праздник обошёлся без эксцессов. Люди на обочине встречали колонну не молча, постоянно слышались слоганы (как сейчас говорят): «Слава советским танкистам!», «Слава советской армии!», «Спасибо деду за победу!». После этих возгласов с обочины выбегали люди с цветами, вручали их ветеранам, жали руки, благодарили — искренне, не по разнарядке свыше, и возвращались на обочину. «Бессмертному полку слава!» и разносилось троекратное «ура-а-а»!!! И сердце радостно забилося от причастности к месту, где зародился прекрасный проект «Бессмертный полк». Люди несли штандеры с изображениями своих близких, не пришедших с той войны, и ежегодно пополняющих ряды «Бессмертного полка». И эта колонна народа для областного городка не миллионщика была весьма внушительной. По статистике, выложенной на страницах интернета, в Томске было зарегистрировано порядка 20000 участников «Бессмертного полка». А сколько прошло автономно, без регистрации. Тот же вездесущий интернет сообщил, что всего в параде вместе со зрителями приняло участие 75000 человек. Значит и меня учли в том строю.

Я отчётливо помню празднование Дня Победы на первом году власти Л.И. Брежнева. Наша семья тогда жила на севере озера Байкал в небольшом селе Кумора. Было солнечно, тепло и радостно. Это был первый праздничный (не рабочий) день. Знают наши «отцы», приходя к власти, чем подкупить народ на заре своего правления. Если И.В. Сталин, а за ним и Н.С. Хрущёв утверждали, что СССР потерял в годы войны 7 миллионов человек. Правда, Хрущёв в 1961 году сообщил о 20 миллионах погибших. Но не преминул обратиться к согражданам с предложением, забыть о потерях, простить, и начать мирное сосуществование, да и праздник, как таковой, пора упростить. Для солдат, прошедших горнило войны, вдов, детей-сирот это было плевром в их души. На 20-летие Победы Л.И. Брежнев заявил о более чем 20 миллионах погибших. И главная заслуга Брежнева перед ветеранами была в том, что в противовес Хрущёву, Леонид Ильич утверждает 9 мая — Красным днём календаря. Народ, услышав о реабилитации маршала побе-

ды Г.К. Жукова, верил в то, что и великому городу на Волге вернут его законное имя — Сталинград. Но этого не случилось. Да и Жукова позже вновь "затёрли".

В бытность М.С. Горбачёва 8 мая 1990 года на торжественном заседании Верховного Совета СССР, посвящённого 45-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, было впервые обнародовано число погибших — 27 миллионов человек.

Известный московский исследователь, доктор филологических наук Б.В. Соколов на основе архивных документов, на языке цифр повествует хоть и горькую, но всегда правду. Так в 1998 году он сообщил общее число погибших и умерших в 43,3 миллионов человек, в том числе военные, гражданские, пленные, умершие в концентрационных лагерях, и потенциальные потери, т.е., не родившиеся по причине военных действий. Их число составило 13,8 миллионов человек. Наверное, вот эта цифра более близка к истине. Хотя, где она истина? Какой ценой отмерить трагедию, например, моей семьи, в которой моя бабушка Марья Кузьмовна Ляховская, проводив на фронт мужа и двух сыновей, никого не дождалась, «простудилась и надсадилась на непосильной мужицкой работе в колхозе, выплака все глаза» и через четыре года после окончания войны, будучи сорокадевятилетней женщиной полностью ослепла, приобрела ревматизм рук и ног, могла передвигаться только на костылях по комнате. И в 58 лет умерла от инфаркта. И так в каждой семье...

9 мая — это давно уже нечто большее, чем просто праздник, но не культ, как утверждает Филипп Пятов ("Die Welt") в статье «Последняя гордость России». «Ни один другой праздник в России не отмечают так, как окончание Второй мировой. Помня тот невообразимый ужас и почти сверхчеловеческие усилия, все отдают дань ветеранам на 9 мая. С фактического дня победы прошло 69 лет, но вся страна до сих пор празднует», — пишет автор. И хотя, по мнению автора, «символика праздника вышла за пределы исторической», сила и воля, которую наш народ проявил семь десятилетий назад, конечно, не будет забыта и без военных парадов. Но они, эти парады, объединяют нас хотя бы в этот день. Верую, что День Победы не будет "последней гордостью России". Она, Россия, найдёт себе новую идентичность. И хочется, чтобы эта идентичность не была «со слезами горя на глазах», а с радостью и гордостью. И объединяла всех нас, как, допустим, спортивные достижения Олимпиады-2014.

День Победы — это наш день навсегда!..

И никто его не обесценит!

Голая правда (из цикла «Мои соседи»)

Странные они были соседи. Как позднее я поняла, их «по иронии истории» в семидесятые занесло из будущих лихих девяностых. Хозяин уже тогда нигде не работал. Это первая семья, которая в квартире на втором этаже держала собаку для охраны своего жилища, при наличии места для дворняги на улице. Из квартиры выносить воришкам нечего было, кроме вечно невымытых тарелок, которые Шарик добросовестно вылизывал. Хозяйка так страстно целовала его в мордочку, что проходившие мимо соседи плевались и комментировали это смачными выражениями. А соседки недоумевали: «Неужели ей своего мужика мало, на кобеля накинута». Пёс тем временем, начал не просто толстеть, а буквально, круглеть. И через положенное время появились на свет пятеро щенят. И Шарик как-то автоматически в Шару переименовался.

— Шара, девочка моя, пойдём гулять, — чтобы не случилось очередного казуса с прибавлением потомства, хозяйка свою любимицу непременно стала выводить на поводке-верёвочке.

Проходящая мимо тётя Дуся, бывало, с заботой скажет:

— Лена, Танька-то твоя опять с пьяными мужиками у пивнушки якшается, как бы беды не случилось.

— А ну её – суку, пусть себе таскается! Шара, девочка моя, пойдём домой, ты уже продрогла.

— Лучше бы за дочерью доглядывала, внуков просто так в собачью будку к добрым людям не пристроишь, да и сопьётся ведь девчонка, — вздыхали сочувственно женщины у водоколонки.

Года через три девятнадцатилетнюю Таньку нашли в канаве с диагнозом «Отравление алкоголем». А до этого она успела подарить бабушке «сына полка».

Кроме Таньки в семье был ещё старший сын. Скорее всего, о существовании своих детей их отец понятия не имел. В свои сорок с лишним он, похоже, находился в перманентном пубертатном состоянии. Не только фамилией Волков, но и манерой жестикуляцией во время разговора, напоминал одного из главных героев мультфильма «Ну, погоди!». Одет был в штаны-трико с неизменными пузырями на коленях, рубашку на выпуск с расстёгнутыми рукавами. Ноги в носках непременно вставлены в плетёнки с разваливающимися в разные стороны застёжками. Причём, определить первоначальный цвет, как одежды, так и обуви было невозможно. А походка – симбиоз «dandy лондонский» и матроса на палубе в сильную качку.

По вечерам выходил на лавочку к дворовым, вполне мирным подросткам. Между делом закурить попросит, при этом добавив:

— Свои-то я дома на столе оставил.

Усаживался, высоко поднимая ногу, демонстративно закидывал её на вторую и заливал, что твой курский соловей о своих подвигах, обычно добавляя:

— Я – пацан в натуре, чесноком базарю.

Как-то проходя мимо и услышав эти его слова, я спросила:

— А где он выращивает чеснок, когда их огород уже не первый год лебедой зарастает? — и представила волка Волкова, стоящим на нашем базаре в Городке и предлагающим проходящим мимо потенциальным покупателям чеснок, связанный в пучки. Ответ получила от более просвещённых «по фене»:

— Это значит, что он всегда говорит правду, только правду и ничего кроме правды.

До лихих девяностых с их голой правдой о бытие советских людей впереди была ещё жизнь целого поколения.

Дед Милюнок (из цикла «Мои соседи»)

Жили в нашем дворе Милюнковы: баба Мотя и дед Ефим, или как его звали во дворе — дед Милюнок. Участвовал дед в боях Великой Отечественной, за что был награждён медалями, и на всё имел суждение. Непомерно любил своих внуков. Особенно внучку, души в ней не чаял. Оригинально подписывал поздравительные открытки. Одну из них мне довелось читать. На день рождения ещё не читающему пятилетнему внуку дед подарил открытку с изображением эпизода из басни дедушки Крылова «Обоз» и напечатанными выдержками из басни:

*С горшками шёл обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
А лошадь сверху, молодая:
"Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!"
По камням, рытвинам пошли толчки, скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!*

Дед далее дописал буквально следующее:

— Вова, смотри — *энтот* конь все горшки побил, с днём рождения, внучок, слушайся маму, чтобы горшки не бить.

Или вот ещё. Приходит дед Милюнок в военкомат накануне дня Победы с заявлением о том, чтобы ему старые военные награды поменяли на новые:

— Я знаю, что за тридцать лет награды изнашиваются, их надо заменить на новые.

Ушёл обескураженный отказом и ещё долго в разговоре с обидой вещал, как для него — Солдата — не досталось новых наград.

— Офицеры, наверное, получили, — добавлял он с укоризной.

А уж как баба Мотя оберегала мужнину верность. Ради этого даже счастьем дочери пожертвовала.

— Нюра, ну как же ты уедешь со своим мужиком от меня?! А кто тятю будет караулить? Знаешь, на него сколько охотниц, одна-то я за всеми товарками не усмотрю, — причитала мать, когда узнала, что мужа дочери по зову партии направляют на шахты Кузбасса рубить уголь.

Так и осталась Нюра охранять тятю, чтобы тот не убёг к солдатским вдовам от матери.

Ей бы, Нюре, о сохранении своей семьи подумать — на дворе конец сороковых, максимальное обострение дефицита мужского населения в стране, на руках двухлетний сынок Витюшка. Но святость родительского послушания была на высоте, а любовь — без затей. Так и расстались. Нюра позже вышла замуж за холостяка, родила троих детей. Но, как и прежде, при любом поползновении тяти «на сторону», бежала возвращать его в семейное гнездо. Как ей это удавалось — до сих пор остаётся загадкой. Может быть, это простая женская податливость и угодливость перед мужчинами, а может быть ...женская мудрость. Но вернее всего третье — к моменту моего знакомства с супругами осталась только ревность жены, а желание «сходить на сторону» — у деда только на языке. Тем самым он жену в тонусе держал.

Однако это на семейном бюджете не сказывалось. Был дед Милюнок знатный деревщик — строгал-пилил, из под его рук выходили лёгкие навесные шкафчики-буфеты, кухонные столы. В середине XX века в стране с мебелью — напряжёнка, и все в округе шли к мастеру на поклон, чтобы заполучить кухонную, да и не только, мебель. Вдовы по понятным причинам не могли обратиться напрямую к соседу, поэтому прибегали за помощью к замужним. И уже через них получали желаемую мебель. А баба Мотя всё удивлялась:

— И что вы делаете со своей кухонной мебелью, у вас так быстро ломаются шкафы, столы, сделанные моим дедом. За этот год уже третий раз заказываете.

Об этой житейской хитрости знали все в округе, даже дети и внуки Милюновых. Но молчали, берегли бабушкины нервы. Да и не были лишними «тройка», «пятёрка» в семейном бюджете советских пенсионеров, при дедовой пенсии участника войны в 43 рубля 34 копейки. А хозяйка, имея только колхозный стаж, получала 12 рублей 62 копейки.

Семейная реликвия (из цикла «Мои соседи»)

Мартовским днём 196... года, когда вода в лужах от растаявшего снега доходила местами до колен, дочка принесла домой щенка, скулившего и дрожащего от страха и холода. Получила она его в подарок от своих друзей, которые были бесконечно рады, что избавились от такой обузы. Несла завёрнутого в байковый халат, любезно предложенный бывшей хозяйкой пёсика через весь Городок, дважды проваливалась в лужи и набрала холодной хлюпающей жижи в резиновые сапоги. Так и зашла в квартиру с мокрыми, промёрзшими ногами и горячим комочком в руках. Может быть, поэтому и не слезла с температурой, как это часто случается в подобных случаях.

Имя, данное прежними хозяевами — «Валерка», родители дочки сразу забраковали, «не гоже собак нарекать человеческими именами». На семейном совете предлагались разные клички. За его серебристую шерстку остановились на «Соболе». Звучный позывной пёсик получил от хозяина за страстную любовь последнего к своей исторической родине — северному Забайкалью, где его предки были заядлыми охотниками, а зверёк соболь у них в особом почёте. Породу было немислимо определить. Что-то между кавказской и немецкой овчарками и лайкой. Как вынес свой вердикт хозяин:

— Одним словом, ты у нас, Соболю, дворянских кровей.

Оказавшись во дворе, как и полагается дворняге, в собачьей будке, он начал так скулить-плакать по ночам, что сердце от жалости заходило не только у хозяев, но и соседей. Шло время. Дочка окончила школу, поехала учиться в институт. Уже младшая к выпускному классу подошла. А Соболю всё ещё не вышел из щенячьего возраста: по-прежнему скулил, то ли от тоски, то ли от страха. Боялся он всех — шарахался не только от людей. Бывало, и от цыплят, которых выпускала хозяйка под самым его носом, забивался в будку.

И надо же случиться такому, что в стаечке, где жили цыплята, под самым потолком свили гнездо осы. А такое соседство небез-

опасно и для животных, и для людей. Обратился хозяин Соболя к соседу, живущему рядом, с просьбой о снятии и выносе гнезда, поскольку тот был верхолаз и имел защитный костюм. Размера он был столь великого, что сухонький, невысокого роста хозяин собаки попросту утонул бы в костюме. Вот сосед и приступил к операции, которая завершилась для Соболя и плачевно, и жизнеутверждающе, одновременно.

Облачившись в костюм монтажника-высотника, и напевая свою любимую: «Не кочегары мы, не плотники...» сосед снял гнездо. Подцепил его ковшом на длинной ручке и начал выносить через двор, где была натянута стальная проволока для сушки белья. Ковш, зацепившись за «стальку», перевернулся... Гнездо вместе с его обитателями упало рядом с будкой, в которой как всегда прятался от посторонних Соболь. Что тут началось. Осы мечутся по ограде, кусая всё, что под жало попадает, сосед ретировался в огород и прямо в костюме в двадцати ведёрную бочку с водой, приготовленную для полива, сиганул с головой. Сколько он там просидел — потом вспомнить так и не смог. А хозяин, не обращая внимания на укусы, спасал четвероногого друга как мог. Этим он заслужил у пса поистине собачью преданность. Прибежала хозяйка, стала делать примочки и собаке, и хозяину, при этом причитая что-то между молитвой и заговором.

С того дня характер собаки изменился кардинально — яростная злость и агрессия абсолютно ко всем, кроме хозяев — его спасителей. Но особую ненависть выказывал соседу и всему его семейству. И даже, когда случилось быть в отсутствии хозяев несколько дней, он стойчески голодал. Добросердечная жена соседа кидала ему через забор косточки и хлеб. Пёс к провизии не притронулся. Так и голодал неделю. От жажды не страдал, благо вода в чашке не убывала от падающего с небес дождя.

Шло время. Изменение в характере сделало его нетерпимым в ограничении полового влечения. Пришлось хозяину периодически выводить его на поле Городка, где организовывались собачьи свадьбы. В любовных играх-драках потерял глаз, несколько зубов, порвал ухо. Учитывая забитую молодость и боевую зрелость, к пятнадцати годам Соболь хромал на две ноги и практически оглох. И только обоняние по-прежнему не подводило его. Но уже был потерян интерес к жизни и пёс угасал на глазах. Чтoб не мучилась собака, хозяин попросил дедушку, у которого была берданка, с её помощью усыпить пса. Потом горько плакал над его остывающим телом и предложил жене «давай ошкурим его, всё какой-никакой, а мех, можно шапку сшить». Так и сделали. Тело предали земле,

а внутреннюю часть шкуры густо пересыпали печной золой и закинули в стаечке на полати до времён оных.

Прошло ещё несколько лет. Уже и восьмиквартирник сгорел, и младшая дочь, получив специальность техник-геофизик, по направлению работала по соседству с островом Врангеля, и замуж там же вышла, и двоих дочерей к тому времени родила. И вот тёщенька собралась навестить дочь с зятем и внуками на Колыме, да задумалась, чем бы удивить зятя? И, сама не подозревая, не только удивила зятя, но и заслужила «уважуху» у всего мужского населения посёлка геофизиков. Привезла и торжественно вручила тёплую шапку, сшитую собственными руками из качественно выделанной этими же золотыми руками шкуры пса. Всем этим мастерством она владела в совершенстве, шила абсолютно всё, от нижнего белья до верхней мужской и женской одежды, вышивала всеми существующими техниками, вязала спицами и крючком, скорняжничала, и любой фасон шапок могла осилить. А её дочери в сшитых матерью нарядах слыли модницами не только в Городке, но и будучи студентками в областных столицах.

И вот на вопрос своих коллег-товарищей:

— Витька, а тебе-то тёщенька что в подарок привезла?

Зять гордо и со значением отвечал:

— Шапку-ушанку из Соболя!

— !!!!!?...

Прошло со времени описываемых событий более сорока лет. Давно ушли из жизни хозяева собаки. Родившиеся внуки сами стали мамами. А шапка из Соболя по-прежнему служит верой и правдой домочадцам. Всякий раз, тот, кто берёт её в руки, чтобы надеть на голову, со значением произносит:

— Шапка из Соболя!

Сегодня уже и правнуки примеряют семейную реликвию.

Тётя Дуся (из цикла «Мои соседи»)

Пожалуй, самой колоритной личностью среди соседей нашего двора двух восьмиквартирников была тётя Дуся, которая поселилась со своим сыном Вовкой последней до пожара.

Первое знакомство в ту далёкую пору второй половины XX века с соседями проходило незатейливо, демонстративно в момент переноса нехитрого домашнего скарба. И сразу же все соседи слышали гортанный окрик: «Вовка! Паразит такой! Опять мамочку родненькую не слушаешься!!!!» Шокировало «паразит» и «мамочка» — рядом. И так по жизни...

А соседский Борька после первого визита к ним поведал друзьям: «Пацаны, что я сейчас видел!? Зашёл к новым соседям познакомиться с хозяйкиным сыном. Шифоньер стоит в центре комнаты. Пацан вокруг него бегаёт, а его мамка за ним с кухонным ножом в руках, которым масло на хлеб намазывала, чтобы Вовку накормить и кричит: «Паразит такой!», а пацан открыл дверцу шифоньера и нырнул в него. А я бежать домой, чтобы под раздачу не попасть».

Тётя Дуся – женщина уже пенсионного возраста – сколько помню, всегда была в работе. Ночной сторож на участке Промплощадки свинцово-цинкового комбината, где, если и можно было украсть, так разве что многотонный экскаватор, который там стоял и до её прихода и после. Но обязательным атрибутом было ружьё. Его место – в углу сторожки.

– Тётя Дуся, а вы из него стреляли хоть раз?

– В кого стрелять? Там даже вороны не летают, а люди и по-давно не ходят.

Придёт с ночного дежурства, по-соседски зайдёт к нам, ей предлагаем присесть:

– Устали после смены, небось.

– Да я за ночь все бока отлежала. Шерсть перебрала, теперь буду прясть. Вовке надо носки и варежки вязать к зиме, из старых-то он вырос за лето. Сегодня хорошее дежурство было, спокойное – три раза обошла участок с карабином за плечом. Всё спокойно было.

– Тётя Дуся, вы, когда на пенсию пойдёте? Устали, небось, работать?

– Да, я уже на пенсии давно. И чего уставать-то. Поработаю до холодов. Ночи короткие, тепло ходить на работу и участок обходить. Да и Вовке надо к школе обувку, одежду купить.

Наступает зима и мы, подростки, опять подступаемся к тёте Дусе с тем же вопросом о заслуженном отдыхе. Ответ обескураживает слушателей.

– Поработаю ещё. Ночи холодные, длинные. Я и выплусь на дежурстве. А дома-то что делать? Опять же в морозы не надо по пять раз участок обходить.

– А если воры полезут, что будете делать?

– Что там тащить, если только меня, как самую подъёмную. И то вряд ли, я без малого центнер вешу.

Дома сразу же за дела бралась: уборка квартиры, дезинфекция железных коек от клопов, кухонной утвари и мебели от тараканов, которыми кишели наши дома. Эту процедуру она проделывала не реже двух раз в месяц. Приготовление обеда.

Её рассказы о жизни были для нас кладезем мудрости и наставничества.

— Девчонки, — поучала нас тётя Дуся, — до всего допускайте своих парней, до главного не допускайте. И ещё, никогда не назначайте свидание сразу двоим в одно и то же время, в одном и том же месте.

И далее следовал её поучительный рассказ из своей молодости. А какой красавицей она была, об этом говорили её фотографии довоенного и послевоенного времени. Просто загляденье... Волосы — каштановые, густые, длинные, слегка волнистые, даже с возрастом не потеряли живой блеск. Высокая, статная. Фигурой смахивала на Фаину Раневскую.

Не слышали мы тогда об астрологах. И главным прорицателем в нашем дворе была тётя Дуся. Послунявит свои узловатые пальцы натруженных рук и ну раскладывать карты, да приговаривать, что тебе та знахарка. Её уроки ворожбы я позднее использовала для страждущих любви и счастья в студенческие годы и позднее — для своих племянниц. Ворожба её была, надо сказать, отменной — цыганки отдыхают. Тётя Дуся являлась хранительницей всех наших сердечных тайн. Но не припомню случая, чтобы эти знания она использовала нам во вред. Умела искренне сопереживать.

И всё-таки самой главной заботой и не проходящей любовью был её Вовка, сын от последнего брака, поздний ребёнок.

— Родила я его в дни партийного XX съезда. Пришёл Васька (бывший муж и Вовкин отец) под окна роддома и кричит мне: «Дуся, сегодня разоблачили Сталина, а ты сына родила. Молодец! Партеец будет». А я плачу и отвечаю, какой партеец, бандитом вырастет. Мне мама говорила: «Дуся, не бери грех на душу, сохрани ребёнка, роди. Девочка будет, хоть на старости лет тебе спину в бане потрёт». А он родился — паразит такой! Ох-хо-хоюшки, была б стеклянная, упала б и разбилась. Говорю ему: «Вовка, в кино пойдёшь, обуи туфли, вдруг девчонка хорошая встретится». А он, паразит такой, эти советские лапти обуи и пошёл.

— Какие лапти? — спрашиваю.

— Да эти, ну как их — гады.

Так она называла кеды, которые в семидесятые иметь пацанам было верх шиком, а нашим родителям — не привносили особую брешь в семейном бюджете.

Из всех сестёр и братьев тётя Дуся была старшей в семье, родилась в первые годы новой советской власти. Чтобы как-то помочь семье и не быть обузой, а помощницей, её, семилетнюю отдали в люди — нянькой в интеллигентную семью инженера с большим

количеством детей. Как и все малыши, была уверена в своей сметливости, любила всё яркое. Как-то увидав у хозяйки красивый перстень, который та оставила на комод, она сразу же спрятала его у себя в кармане. Ведь никто не видел и не узнает. Вечером за ужином (нянька вместе с семьёй обедала и ужинала, никогда не чувствовала себя ущемлённой) хозяин спрашивает: «Дети, у мамы пропало кольцо, может быть вы по ошибке взяли посмотреть и забыли вернуть... Если не сможете вспомнить, я перед сном положу вам под подушки палочки, все одинаковой длины. Кто взял кольцо, у того палочка за ночь станет длиннее в два раза». И далее почти по Льву Толстому.

— Ну, Дуся умная, её не обманешь, — вспоминала соседка, — с вечера палочку переломила на две части, одну бросила в печку... Утром хозяин только и сказал: «Дуся, запомни – тайное всегда станет явным. И никогда не бери ничего чужого». С этими словами я и живу.

— И как же Вас наказали?

— Вот эти его слова и были главным наказанием и наказом для меня.

Да, педагогической мудрости и такта Дусяному хозяину не занимать. С того раннего детства тётя Дуся с придыханием говорила о профессиональной принадлежности: «Вывчились, стали учителями, анжинерами».

Приходила ко мне и просила, чтобы я написала письма её родственникам, сыну Вовке, когда тот учился в ПТУ и служил в армии. А потом я ей читала ответы.

Сколько любви и нежности было в письмах сына, просьбы беречь своё здоровье, меньше работать, уволиться и отдыхать...

А то приходит взволнованная.

— Я на Вовку карты раскинула: казённый дом ему выпал! Наверное, в тюрьму попал вместо училища, поеду.

Как потом её сын рассказывал: «Иду на перемене в мастерскую на практику, смотрю – моя мамка с нашим мастером идёт. Я к ней: «Мамка, что случилось, с кем? А она: «Дак с тобой, мне карты показали». Я ей: «Мамка, тебе карты покажут, и в армию приедешь?».

— Нет, в армии за тобой будет круглосуточный досмотр отцов-командиров, а здесь кто о тебе позаботится, кроме мамочки родненькой.

Тётя Дуся – единственная мать, которую я видела радующейся безгранично, когда она получила сообщение о призыве сына в армию. Ну, во-первых, это были ещё только семидесятые годы, о дедовщине тогда матери не слышали, да и отслужившие солдаты об

этом не рассказывали, а во-вторых, оставаясь «на воле», слишком вольный подросток мог быстрее ступить на скользкую дорожку, чего так опасалась тётя Дуся.

Ещё большую радость познала она по возвращении Вовки из армии. Пока он служил, восьмиквартирник, в котором мы жили, благополучно сгорел в декабрьскую ночь, аккуратно незадолго до Нового года (как сейчас помню – ёлки выбрасывали из окон). А сама хозяйка была в гостях у одной из сестёр в Ташкенте. Ей сообщили, приехала. Попричитала на пепелище. Но быстро успокоилась – надо было готовиться к встрече сына из армии. Бывшие соседи после пожара разъехались по квартирам города, но связь поддерживали. И вот как-то приходит она к нам в гости.

— Маринка, помоги, проведи свадьбу. Мать твоя согласилась платье невесте сшить, я и костюм жениху уже заказала. Мой Вовка женится. Говорю ему, паразит такой, испортил девчонку раньше времени. А он: «Мамка, я женюсь!».

Так и живёт Вовка со своей Надей вот уже четвёртый десяток лет. Как и всех нас – детей перестройки – жизнь помотала его семью: БАМ, Наманган, Балаково, вырастил детей, радуется внукам, строит олимпийские объекты в Сочи.

Давно уже душа тёти Дуся смотрит на своего Вовку с небес. И он не подкачал. Будь жива тётя Дуся – порадовалась бы успехам сына. А как он с возрастом стал похож на свою мать, просто «два портрета с одной газеты».

Я иду и пою... (из цикла «Мои соседи»)

Я любила бывать у них дома. Необычным было всё: простор квартиры — при наличии двоих взрослых и четырёх дочерей в двух комнатах стояли четыре койки с никелированными головками, два стола деревянных и трюмо — обязательный атрибут девичества; свобода в общении; непринуждённая необязательность в отношениях. Называли домочадцы друг друга пренебрежительно через «К»: мамКа, папКа, СветКа, ЛюдКа, ВерКа, ГальКа. А значит и во дворе к ним обращались, как я и сейчас уверяю, в грубой форме.

Удивляло и то, что раньше, чем учебники и тетради у дочерей появлялась не Бог весть какая косметика: губная помада, лак для ногтей, чёрный карандаш из коробки цветных «Искусство» фабрики «Сакко и Ванцетти». И обязательно крем «Снежинка» в стеклянной баночке, цена которого была в то время баснослов-

но высока – пятьдесят копеек. А это стоимость трёх булок хлеба, либо двух литров молока, да ещё «двушечка» останется на звонок с телефона-автомата. Правда, звонить тогда было некому.

А уж какой нетривиальный подход был у матери к методике преподавания школьного курса литературы!

— И что про этого Пушкина писать, чего его творчество изучать, если он умер сто лет назад. Только мучить детей. Сходите лучше «на улку» погулять.

После каждой зарплаты в шестьдесят два рубля пятьдесят копеек, мать выдавала дочерям по три рубля на личные расходы. Затем покупала в магазине по одному-два килограмма халвы, конфет «в фантиках» и печенья. И никогда эта семья не ходила за ягодами, не делала заготовки на зиму, не выращивала поросят или куриц-несушек. Весь их побочный доход был от огорода, который, скорее по инерции, садила мать. Она же и ухаживала за овощами, никогда не привлекая к этому своих дочерей. Бывало, Галка позовёт подружек на огородные делянки для дегустации первой редиски, когда другие родители строго настрого запрещали это делать своим детям. Выдернет младшенькая понравившийся росток, оценит его визуально: «Мал ещё, пусть себе растёт дальше» — и воткнёт в грядку. Так перепробовав все ростки и найдя пару троек пригодных для еды, съест их, предварительно обтерев подолом платья, и уходит из огорода. А мать потом вздыхает: «Редиска опять чахнет и чего ей надо?..»

Весь гардероб дочерей находился в оцинкованных ваннах под койками. Сидит себе Верка перед ванной на полу, вынимает одно платье, рассматривает его придирчиво:

— Грязное, пусть себе валяется, мамка потом стирает, а это – мягое, мамка погладит.

Наконец с самого дна ванны вытягивает наряд, пригодный только по ей известным критериям для похода в кино или на «свидание с парнями».

А опыт гендерных отношений у сестёр формировался до того, как приобретали навык чтения и письма. С какими страшными глазами, шёпотом вещала шестиклассница Верка подружкам в лопухах за домом то, как её старшая шестнадцатилетняя сестра Людка выпила в гостях у материного брата чай и забеременела от этого, потому что «дядька Генка подсыпал ей в чай порошок для беременности. Он же в тюрьме сидел, а там специально раздают им такие порошки, чтобы все беременели». И подружки потом доказывали достоверность информации своим матерям, которые в ответ лишь горько усмехались...

Отец переживал, а по лицу матери невозможно было определить оценку случившегося. Только она всё чаще стала сидеть за бутылкой «красненькой» «сам-на-сам». Обеденный стол стоял вплотную к окну. Хорошо просматривался со двора, который всегда был полон соседей. Видно было не только что пьют, но и чем закусывают домочадцы. И уж совсем ни для кого не стало секретом её пристрастие к спиртному, когда летним солнечным утром после обильного ночного дождя шла она — мать девичьего батальона по дворовой площадке босиком, неся в руках летние туфли, и размахивала ими. При этом пела самозабвенно, да так громко, что в котельной, за огородами было слышно, из раннего репертуара Эдиты Пьехи:

— Я иду и пою, мне шестнадцать лет, у-ух!!!

А у самой уже третья дочь достигла возраста паспортного совершеннолетия страны Советов. Вторую беременность Людки на семейном совете решили оставить, и пошли к родителям будущего отца сватать его за свою дочь.

Младшенькая — отцова любимица ни в чём не знала ограничений. Поэтому и родила в неполные четырнадцать. И это в первой половине семидесятых... Правда, отец дочерей в то время уже ушёл в мир иной. А мать после потери речи и частичной утраты памяти продолжала работать — мыть полы в казённом учреждении. И так до последнего своего дня. Дочери все имели плотное знакомство с Бахусом. Однако, это не мешало им критично оценивать своё положение в обществе, всегда работать — мыть полы и петь, как их мать:

— Я иду и пою, у-ух!!!

Из цикла «Моя пасека»

Варенье моего детства

Сколько себя помню из глубокого детства, все мои летние каникулы — это время, проведённое в благодатном месте, как бы сейчас сказали — в раю. Сначала в Троеглазовке, а с 1965 года под Чистополькой. У кого-то пионерские лагеря, Чёрное море, что тоже не плохо, поездка по «золотому кольцу России». А моё «золотое кольцо» было диаметром всего-то восемьдесят километров. Именно такое расстояние необходимо преодолеть на поезде, состав которого тянул паровоз на угле от моего Городка сначала до посёлка, а уже позже города Серебрянска. А уже из Серебрянки я

с младшей сестрой на всё лето — на пасеку к пасечникам: тётушке с дядей, их детям. Конечно, и наши родители приезжали в свой непродолжительный отпуск и старались подгадать к сенокосу. Лето — горячая пора, и лишняя пара рук вовсе не являлась лишней.

Это было время, когда родители утром отправлялись на работу, предварительно разбудив нас, и наказывали, чтобы мы не забыли передать привет родственникам при встрече. И всё. Сейчас и представить такое невозможно! Две девчонки тринадцати и восьми лет из дома едут рейсовым автобусом на автостанцию, потом до железнодорожного вокзала, садятся на поезд и — в Серебрянку. А там ещё надо дойти до дома родственников, километра два с половиной. По приезду отчитывались письмом домой, передавали приветы. И машиной, либо на бричке в путь на двадцать пять километров до места летней дислокации — на пасеку. И на протяжении всего пути и во все годы стояла благостная жара, солнце ярко светило и не менее щедро пригревало, да так, что мы, две родные сестры с двоюродной тринадцатилеткой во всю мощь своего голоса горланили песни. А какое великое множество мы их знали тогда!?

Начиналось наше путешествие в лето, в сладость, в жару песней:

*Вот чужак, вот чужак, странник тот,
Он большой чемодан в путь берёт.
Я беру с собой в дорогу лишь всего
На день хлеба и немного H₂O...*

И сразу пить хотелось нещадно. Останавливались возле ручья, сворачивали из листьев лопуха ёмкость, из которой пили воду, ледяную до ломоты в зубах. Вкуснее и слаще воды я больше нигде не пила. Текла она с ледников Алтайских гор, где и сейчас её можно пить, не опасаясь за своё здоровье. «Дунай, Дунай, а ну, узнай, где чей подарок», — вопрошали мы требовательно и мечтали побывать на берегах этого самого музыкального Дуная.

Много позже, через двадцать с лишним лет, была я на его берегах, когда совершала круиз (это громко сказано и понятно почему, если добавить, что по комсомольской путёвке) по странам Балканского полуострова. Река как река, ничего особенного. Наша Обь покруче будет. Постояла на месте впадения реки Савы в Дунай, вспомнила, как пела в то лето с сёстрами: «К цветку цветов сплечай венок, пусть будет красив он и ярок». И ещё вспомнились студенческие считалки-запоминания географической номенклатуры в курсе «Физгеографии материков»: «Сава, Драва, Тиса, Прут

— все в реку Дунай текут». Но это было потом. А в то пасечное лето — вся жизнь впереди... И какое же это счастье осознавать: как далеко не только старость, взрослая жизнь, но и юность. «А уж моя-то жизнь будет самой-самой...». Позже узнала, что не я одна так думала.

Когда затягивали «Берёзовую рощу» и доходили до слов: «Только у бывшей девчонки есть уже снохи-зятья», — мне думалось: «Ну уж это случится совсем-совсем не скоро!» Вот и это случилось... Уже мои внуки подбираются к возрасту симпатий и влюблённости.

Возвращаюсь в то лето детства. Поворот на тропинку, по которой лучше всего на лошади верхом, либо пешком. Переход вброд по горной речушке и вот оно хозяйство: пчелиный стан с ульями, омшаник, жилой дом, сараи для коров, свиней, кур. И лошадь в хозяйстве была. Вся эта благодать располагалась у подножия крутой горы, на вершине которой рос ревень. Взрослые всегда приносили это дивное растение «по мешку на брата», причём уже без листьев, только черенки, плотно уложенные в четырёх ведёрные ёмкости. Тогда я не сомневалась, что растёт ревень черенками. Пока все взрослые были на сенокосе, мы — три сестры (как у Чехова) решили подняться на эту гору — набрать ревень, чтобы зимой пирожки есть, да компоты пить. А какое варенье из него получалось, словно слеза. Но это опять же значительно позже. А в описываемые годы — сахара чуть-чуть, варить недолго, хранить, чтобы не испортилось, на морозе. И всё это делалось исключительно из экономии семейного бюджета. Память об этом вкусе и сейчас сводит скулы от кислоты и терпкости.

Поднимаемся на гору, а склон её был градусов семьдесят. Карбаемся, цепляясь за кусты руками. Наверху огляделись, а черенков и в помине нет. Как нам позже объяснили взрослые, надо было еще километров пять пройти по вершине горы в сторону хребтов Алтая. Посмотрели вниз на пасеку, окрест. Увидели: куры бегают маленькие, как цыплята-однодневки, ульи стоят на стане, словно спичечные коробки рассыпаны на столе. А вот и взрослые возвращаются с сенокоса.

— Где наши хозяйшкы?

— Зде-е-сь мы!!! — кричим им с горы и машем руками.

Какой там ревень... Пить хочется так, что не вмоготу. А здесь ещё у мамы в руках разглядели бидон, доверху наполненный лесной земляникой. А это царская ягода и по вкусу и по запаху. Нам кажется, что её аромат до вершины горы долетает и бережит наше обоняние.

Но спуск оказался гораздо труднее подъёма. Колени расцарапаны, на лице ссадины, ладони рук забиты колючками шиповника, за который цеплялись, чтобы не скатиться при спуске. С вершины сразу в горную речку-ручей окунуться, от жары освободиться. Вода холодная, ноги сводит. Но нам жарко. От ангины «Бог миловал», а вот фурункулёз заработали все трое. После горного купания — за стол. Нас ждёт земляника с молоком и свежим домашним хлебом — какой восторг!.. Куда там сегодняшние Milky Way («Млечный путь»), Bounty (со своей «щедростью») или Восточные сладости. Вот она Восточная сладость, а точнее сладость из Восточного Казахстана. Словами не передать. Её надо пробовать. Память до сих пор хранит и вкус, и запах.

Или вот ещё один вкус детства. На дачах в Городке растёт окультуренная садовая клубника сорта Виктория. Ягода как ягода. А вот варенье из неё... Много я по стране и за её рубежами путешествовала, но нигде не пробовала варенья из виктории (как зовут садовую клубнику в Восточном Казахстане) такого особенного неповторимого вкуса, как в Городке. Вот и сейчас: поставьте перед мной розетки с клубникой из тысячи мест, свою родную — из детства, определяю безошибочно. И это не какая-то страсть по прошлому. Как понимаю сегодня: такой неповторимый вкус варенья можно объяснить не только сортом ягод, но и почвой, на которой она произрастает, температурным режимом, освещённостью и прогревом солнца, водой, которая течёт по моей родине — Беловодью и питает почву влагой. Все эти компоненты в результате их взаимодействия дают неповторимость вкуса и запаха варенья из виктории, варенья из моего детства.

Боксёрские перчатки (из цикла «Моя пасека»)

Дружба в советское время перерастала в родственные отношения. И вот уже не только мы — две сестры на пасеку едем отдыхать, но ещё и соседку берём с собой. Хорошая интересная соседка была. После педучилища работала в той же школе, которую закончила, и звали её ученики Зоя Сергеевна. А мы становились в очередь, чтобы тетради её учеников проверить. А это надо было делать так, чтобы ни одна комиссия из ГорОНО не смогла заметить подлог. Поэтому мы, проверяющие, свой почерк дотянули до учительского — каллиграфического, что потом нам в жизни очень пригодилось.

В то лето отправили нас родители на пасеку в качестве награды за выполненный полный ремонт квартиры с покраской и сменой

интерьера. Поскольку в ремонте нам активно помогала Зоя, то и её мы взяли с собой. Уж не помню, как мы на этот раз добились до места. А вот обратный путь врезался в память отчётливо.

Мы обучились быть на хозяйстве без взрослых женщин, кормить мужчин в сенокос, и активную пору роения пчёл не пропустить. При этом продержались без хлеба в меню целую неделю, так как закончились дрожжи и мука. Горячее время было. Недаром говорится, что без хозяйки и дом сирота. А хозяйка оказалась в больнице на целый месяц. Вот мы — три гости и четвёртая хозяйская пигалица — управлялись, как могли. Вставали с рассветом. Дойка коровы, и выгон её с двумя телятами на пастбище. Кормление пары-тройки поросят. В промежутках между основным кормлением — травы нарвать и задать этим прожорливым крикунам. А уж курицы и цыплята полностью были на попечении младшей из нас: открыть загон, насыпать зерна, свежей воды в корытце налить. И самое приятное — яйца собирать. Казалось, что это маленькая Ида умела делать в совершенстве, в отличие от нас. Но и она не усмотрела курицу Пеструшку. Пока взрослые были заняты своими делами, Ида стала недосчитываться Пеструшки по вечерам, а сообщить своевременно об этом постеснялась. Верила, что отыщет её. Однажды Ида увязалась помогать своему взрослому брату разбирать старый омшаник. Он отдирал доски и складывал их в штабель, Ида выбирала между досками утеплитель: паклю, мох, проложенный в пазах брёвен канат. Вдруг услышала тревожное квохтанье Пеструшки. Когда осторожно отодрали последнюю доску, увидели удивительную картину: Пеструшка сидела на импровизированном гнезде и с места не трогалась, хотя в принципе она была пугливая и не давалась в руки. А под ней — более двадцати яиц-парилок. Когда об это рассказали хозяйке по возвращении из больницы, та только руками и всплеснула:

— Вот это подарок, а я всё думала, что надо бы птичье поголовье обновить! Ну, спасибо тебе, племянница, что сохранила и приумножила его.

Лето подходило к своему логическому завершению. Пора возвращаться домой. Нам торжественно вручается самый дорогой подарок — десятилитровый бидон с мёдом, чтобы зимой, попивая чаёк — вспоминать о лете. С тех пор я точно знаю соотношение объёма и веса мёда, если это не подделка, а натуральный продукт: 1 литр = 1400 грамм. Четырнадцать килограмм несли до станции, перекидывая из руки в руку. Но тяжесть забывалась сразу же по приезде домой.

В этот отъезд мы — подростки решили как-то выделиться. Не помню, что нами руководило. Видимо, на случай, если кто-то вдруг надумает к нам приставать, и позарится на мёд, который мы везли. Накануне перед выходом с пасеки «посадили» по пчеле в каждую ямочку сжатого кулака, которая указывала на тридцатидневный месяц года. Каждая из нас, пожертвовав жизнью шести пчёл, в день выхода любовалась своими кулаками — «боксёрскими перчатками». Сравнивали — у кого они увесистее. Взяв бидон с мёдом, двинулись в путь. До трассы протопали километров шесть. Дальше идти с таким грузом не было сил. Решили голосовать. После получасового томления на солнце смогли отчаянными взмахами своих рук остановить грузовик. Взгромозились в кабину. По-о-ехали! На случай, если шофёр не заметит, как мы вооружены, демонстративно держимся за поручень своими кулачищами. А водитель, возраста наших родителей, как бы невзначай комментирует наши руки: «Вот и мои несмышлёные дочки таким образом пытаются запугать тех, кто вдруг начнёт к ним приставать. А то не понимают, что своими «боксёрскими перчатками» доказывают лишний раз, что ваше женское племя уже с детства переносит любую боль терпеливее, чем мы — мужики. Так что, делайте вывод, девчонки...».

После этих его слов я чувствовала, как мои перчатки от стыда сдуваются.

Охота пуще... (из цикла «Моя пасека»)

Лето, лето — золотая пора беззаботного детства. В ожидании очередных самых продолжительных школьных каникул — летних, уже после январских идёт активное их планирование: уточняем день отъезда на нашу, ставшую уже родной, пасеку, какой багаж будем брать. Мама шьёт незамысловатые летние наряды: по паре платьев с рукавом «фонарик», панамку сестрёнке (меня с детства летние головные уборы раздражают), спортивные шаровары для вечерних посиделок у костра, утренних выпасов коров и прохладных дождливых дней. Вот, пожалуй, и весь каникулярный набор пионерок Советского Союза.

Ждём с нетерпением приближения Международного дня защиты детей, потому что после этого праздника фактически начинается летняя вольница школьников.

Ну, наконец-то... Сумка собрана (одна на двоих), платья поутюжены, туфельки стоят в ряд, чтобы с утра — «в путь!» Папа приговаривает, глядя на наши сборы: «Ну что, Мальбрук, в поход

собрался...». И никогда не продолжал эти хулиганские строки, в силу своего такта и щадя наши детские уши.

В лето описываемых событий случилось так, что наше, предварительно отправленное письмо о дне приезда, не застало хозяев на месте временной дислокации. Всё произошло, как у Аркадия Гайдара в «Тимуре и его команде». Прибыли мы во второй половине дня, а на дверях замок. Пошли к соседям разведать обстановку, а заодно и ключ от дома взять на случай, если придётся задержаться на несколько дней. Выслушав рассказ о нашем неурочном времени приезда, двадцатилетняя дочка соседей, которая мыла полы в большом родительском доме, неожиданно проявила самое активное участие в нашей дальнейшей судьбе. На тот момент она была влюблена в младшего сына пасечников. Странная это была любовь — маятниковая какая-то: «Кто ближе — того и лижет», — говорили о ней соседки. По очереди в армию провожала, благо братья-погодки. И письма обоим писала, и встречала из армии. Замуж вышла за старшего, но и после замужества не раз вводила братьев в смущение и негодование своим поведением.

А в тот летний день поняла и быстро сообразила выгоду своей помощи нам — тринадцати- и восьмилетним подросткам.

— Я вас отведу на пасеку, сейчас только полы домою.

Её мать в ответ.

— Верка, дура непутёвая, куда ты собралась, девчонок загубишь и свою голову потеряешь. На дворе вечер, а до пасеки топать-да-топать, двадцать пять километров.

Но Верка уже вышла из-под материнского контроля, окрик отца ещё как-то мог бы её остановить, но на тот момент он на работе был.

— Мамка, ну ты подумай, помочь же надо. Чего они здесь будут одни словно сироты.

И мне стало страшно, как представила, что придётся вдвоём с сестрой ночевать в огромном доме, а может и не одну ночь. Такое уже было предыдущим летом. Тогда мы — три сестры — даже творило подпола в доме гвоздями заколотили от ночных страхов, а потом ноги в кровь разбивали об эти гвозди.

Дело осталось за малым — дожждаться, когда Верка закончит мыть полы...

Уже солнце клонилось к закату, из печных банных труб вился дымок — была суббота, когда мы вышли в путь. При выходе из Серебрянки повстречали стадо коров, возвращавшееся с пастухом домой. Пришлось им уступить дорогу, что ещё больше задержало

нас. Солнце спряталось за горы и стало резко темнеть, а мы ещё и до Александровки не дошли. Преодолели менее пяти километров. Значит впереди ещё целых двадцать. Но об этом как-то не хотелось думать. Спустилась крошечная тьма, какая случается в умеренных и южных широтах летом. А мы всё идём и идём по трассе, посыпанной щебёнкой. И ни одной машины, ни подводы, ни человека. А мы идем и песни во всю мощь горланим. Наверное, страх забивали таким образом, потому что нам было легче умереть, чем признаться в нём. На подходе к Александровке нас догоняет трактор «Беларусь». В кабине сидят двое — тракторист и пассажир. Им на двоих и сорока лет ещё не исполнилось. Поравнялись с нами, расспросили — кто мы и куда держим путь. От нашего рассказа пришли в ужас.

Вердикт их был однозначен и относился он к нашему проводнику в первую очередь:

— Ладно, у них, маленьких ума нет, а ты-то, здоровая дура, куда на погибель девчонок потащила!?

Это «маленьких» меня покорило. Но делать нечего. Сейчас наша судьба зависела от их милости. Тем более, как выяснилось, они держали путь не просто по трассе, а мимо нашей пасеки до следующей, находящейся далеко в горах.

Тракторист велел пассажиру посадить младшую из нас себе на колени, а нам встать сзади на крюк, за который цепляют телегу и всеми силами держаться за него. Места для стояния было так мало, что приходилось стоять на одной ноге, попеременно меняя её на другую. Так и двинулась в путь наша кавалькада — в полной темноте с одной фарой, переполненной людьми кабиной и двумя «безголовыми» на прицепе. Сидящие в кабине все трое постоянно оглядывались, не потеряли ли живой груз, мы на эти взгляды кричали, пересиливая тракторное тарыхтение:

— Мы здесь, не потерялись. Езжайте.

А сами с ноги на ногу переступали. Вскоре младшая от всех дорожных перипетий заснула, и теперь за нами наблюдали только две пары тревожных глаз.

По трассе всё шло гладко. А как съехали на бездорожье, началось болтание трактора по ухабам и ямам, да с такой силой, что тракторист принял решение отправить своего напарника на наше место, а нам в кабину лезть. Теперь в кабине нас было трое, не считая тракториста. Как он управлялся с рычагами, для меня и по прошествии стольких лет остаётся загадкой. Но трактор не перевернулся, в луже не застрял. Конечно, скорость была запредельно низкой. Добрались мы до пасеки в полночь...

Высадили спасители нас, пожелали впредь думать головой, прежде чем ввязываться в такую авантюру. И поехали дальше. А мы настолько были напуганы своим решением отправиться в путь на ночь глядя, что зубы отбивали чечётку против нашей воли.

Заходим в дом, а там, кроме хозяйки — никого нет. Косцы ещё не вернулись с покоса, а пора бы. Как выяснилось позже, у них на обратном пути с брички колесо слетело, а с собой даже фонарика нет. Вот и пришлось спичками светить, чтобы найти утерянный по дороге «палец», а как его найдёшь в густой траве, да ещё в полной темноте. И здесь на помощь косцам пришли наши спасители со своей одной фарой, которые только и воскликнули:

— Мы сегодня спасателями работаем, что ли!?

Они так и не узнали, что все мы из одного семейного гнезда.

Уже несколько позже, когда Верка уехала, наша самая младшая из сестёр проговорила:

— В ту ночь, когда мы приехали, Вера не могла уснуть, и пошла на сеновал к нашему брату. Я проснулась, спрашиваю: «Ты — куда?» А она мне отвечает: «Я от страха ещё не могу успокоиться, боюсь спать, пойду на сеновал. Только ты никому не говори, а то меня будут все называть трусихой». И далее рассуждала вслух по-детски:

— И почему это здесь, в избе, где нас семеро ночевало, она боялась уснуть, а там — на сеновале — только один брат, и не побоялась?

Взрослые понимающе хмыкали, опустив взгляд...

Праздник праздников. Божье наказание...

Каким бы образом не активизировался атеизм, православные Советского Союза всегда имели возможность хотя бы в узком семейном кругу отмечать Пасху Христову, как тогда говорили «паску». Накануне хозяйки старались побелить известью своё немудрёное жилище. Сейчас ремонт жилья — дело основательное, производится один раз в десять лет. Прибегают к материальной помощи банков. Затем в течение пяти лет выполняются долговые обязательства. И так по кругу до бесконечности. А в те стародавние времена всё было гораздо проще и веселее. Обязательная побелка два раза в год: перед октябрьскими и майскими — официально, а на самом деле — после копки картофеля, началом Рождественского поста, и в Великий пост перед Пасхой.

Родители, понимая, в какое время живём, всячески оберегали нас от необдуманных слов и мыслей, но и не могли допустить, что-

бы мы выросли нехристями, «Иванами, не помнящими родства». И как-то так получалось, что в преддверии праздников ненавязчиво ими давались уроки истории страны с обязательной моралью в завершении. А мы — малолетки — слушали, затаив дыхание. Вот бы такие уроки сегодня, да хотя бы один — в учебной четверти, минуя обязательную учебную программу, и вне всяких ЕГЭ-шных требований. И чтобы рассказчик был такой, как мой отец. Это от него я узнала имена основателей научного коммунизма и услышала первую фразу из Манифеста коммунистической партии: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» в шесть лет. Это папа рассказал, как он служил на Дальнем Востоке, воевал с милитаристской Японией, где и завершил Вторую мировую в сентябре 1945, как охранял Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского. После победы на западном фронте он был переведён на Дальний Восток. Там в ходе советско-японской войны принял командование Забайкальским фронтом, прорвался через пустыню Гоби в центральную часть Маньчжурии, довершив окружение и полный разгром японских войск. Малиновскому за эту операцию было присвоено звание Героя Советского Союза. На благодатную почву моей девственно чистой памяти легли эти события и навсегда там закрепились. Харбин, рикши, колодки для женских ножек, всё это мне стало известно из папиных уроков. Подробнейший рассказ папы о его работе военным курьером, перевозке секретных пакетов в Министерство обороны в Москву, о посещении Мавзолея вождя сформировали во мне образные картинки. Они и по сей день являются очень яркими и самыми памятными из всей истории, которую позже пришлось осваивать в школе и в институте. А ещё из его рассказов я точно знала, что в 1980 году советским народом будет окончательно построен коммунизм... И органичным вкраплением в этот материал официальной истории, были рассказы о событиях, происходящих в раннем детстве отца. А детство это выпало на вторую половину двадцатых, начало тридцатых годов XX века. Рассказы его были повествовательные, без тени переоценивания событий с позиции исторических ошибок. Но с личностной моралью. Как сейчас помню его рассказ о пасхальном снятии колоколов с церковной колокольни в Иркани.

— Собрали всех жителей посёлка у церкви, — начинал отец свой рассказ, закинув ногу на ногу, — велели прийти всем. Ну, а мы, пацаны, здесь же бегаем под ногами у взрослых. Дело было аккурат в предпасхальный вечер. Старики и старухи шли, молясь и радуясь, что власть даёт послабление в религии. Кто-то куличи

нёс для освящения, кто-то — крашеные яйца. Нам, ребяташкам, потеха — будет угощение. Собрались у церкви. Активисты в первых рядах. Вот один из них взобрался на крыльцо и начал говорить о том, что религия — это мракобесие, а мы — народ тёмный, не понимаем ничего. Здесь же кто-то робко в толпе заметил: «А тебя-то где так просветили, если ты как родился, так здесь и живёшь. Но активист всё напирал. Старухи стали молиться, просить прощения у Бога за этого нехристя. Активист между тем продолжал: «Сегодня на партячейке мы решили снять с колокольни колокола и вынести иконы из церкви. Это делаем перед Пасхой, чтобы доказать вам, что Бога нет». Здесь уже вой по селу разнёсся. Люди становились на колени с воздетыми к небу руками. Самым тяжёлым зрелищем было снятие колоколов, укреплённых строителями на совесть. Так случилось, что самый главный колокол — самый большой с первого раза не поддался. Сняли только через неделю. Во время его падения под него угодили два молодых паренька. Они отделались ушибами и ссадинами. Активист же после выноса икон в доказательство, что Бога нет, так разошёлся, что сплясал на одной из них. «Ну и почему мне ничего не делает ваш Бог?!» — выкрикивал он, смеясь. Тогда самый уважаемый из стариков заметил в полном оцепенении собравшихся: «Вот и будешь ходить по земле всю жизнь, приплясывая».

Люди разошлись, судача, как жить дальше. Колокола ещё долго сиротливо лежали возле колокольни, а иконы тёмными ночами незаметно исчезали. Очевидно, верующие прятали их у себя. Это было весной. Прошло тревожное лето. О сказанных старейшиной словах стали помаленьку забывать. Травмированные при снятии колоколов подлечились, как могли. Наступила осень, пришла пора осенней охоты. Потянулись мужики в тайгу. И нашему активисту-плясуну не чуждо сие занятие. Вышел он во двор, накиннул на плечо ружьё дулом вниз, как водится у таёжников. Это на случай, если сухая ветка обломится, чтобы в дуло не попала. И выходя со двора, как уж это случилось — не ведомо, свидетелей не было, произошёл самопроизвольный выстрел, и пуля угодила в ногу. Нет, не истёк кровью, не умер активист. Но повреждённое сухожилие, действительно, укоротило ногу, и походка стала пляшущей, как и предсказывал старейшина. Вскоре пришла пора идти на службу в Красную Армию. А у него инвалидность, за которую пришлось отвечать теперь уже перед реввоенсоветом — высшим коллегиальным органом управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армии. РККА осуществляла руководство вооруженными силами страны до 1934 года. Коллегия рев-

военсовета признала ретивого атеиста дезертиром-уклонистом и сослала на Сахалин, где его следы затерялись.

Мораль отцом не озвучивалась, но нам это служит уроком и по сей день.

P.S. В десятилетнем возрасте в Благовещение от мамы я услышала, как моя бабушка Марья Кузьмовна, имея образование два класса церковно-приходской школы, говорила в начале Великой Отечественной войны: «Это ещё беда — не беда. Много погибнет народу, но страна наша сохранится. А вот если Пасха и Благовещение совпадут в числах, тогда на Земле наступит страшное горе. Исчезнут целые страны. Мир сдвинется со своей оси». Позже, в 1978 году попадает мне в руки «Пасхалия», да не где-нибудь, а в горькоме партии. И там читаю дату Пасхи в 1991 году — 7 апреля. Сердце моё дрогнуло — это день Благовещения... Что было в августе девяносто первого и позднее, нет смысла здесь описывать. А чтобы убедиться в правдивости выше изложенного, можно зайти на сайт «Пасхалия», там указаны даты Пасхи с 1918 по 2049 гг., и только одно роковое совпадение в 1999 году.

Срубили нашу ёлочку...

События тех дней были празднично-радостные и трагические одновременно. Отец семейства — прилежный работник, стоящий на вахте строительства коммунизма, наверное, от радости потерял рассудок. Ну, ещё бы: отстояв положенные годы в очереди, получил двухкомнатную квартиру — предел мечтаний. Переехали, едва расставили незамысловатую мебель, как пришёл срок вести жену в роддом. Уж так хотелось ему сына-наследника: может быть он — сын закончит начатое им дело — не только достроит, но и будет жить при коммунизме. Клюковка-дочка уже четвёртый год радовала своим щебетаньем отца. Но она — отрезанный ломоть. Вырастет, выйдет замуж, и даже фамилии отцовской не оставит на земле.

Так рассуждал он, волнуясь за жену по дороге на работу в гараж, где сразу после службы в рядах Советской Армии пополнил ряды ремонтников госавтотранспорта и считался незаменимым первоклассным слесарем.

А уж когда узнал, что его девятимесячная мечта сбылась, как всякий эсэсэровец, закусил удила.

Вот моя Любушка удивится, — думал он, — когда переступит порог новой квартиры с голубым конвертом в руках, и увидит посредине зала пахучую нарядную ёлку, а на следующий день уже

вчетвером будем встречать Новый год. Да не какая-нибудь сосна, купленная на остановке у гастронома, а самая настоящая и растущая не где-нибудь, а на площади самого Ленина! Дело осталось за малым — отшагать шесть километров из одного конца города в другой: от роддома до сарайки, построенной в ста шагах от новой квартиры, взять ножовку, чтобы не слышно было стука топора в темноте и еще четыре километра — до заветной ёлочки и четыре — обратно. Он ещё днём заметил самую ровную, уютную, чтобы в впотьмах не плутать между насаждениями.

Уже десять лет прошло после принятия денежной реформы 1961 года, а советский народ по привычке переводил все цены «на старые деньги». Вот и наш слесарь-ремонтник, получая зарплату «новыми», приценивался к покупкам по размерам «старых» и чувствовал себя абсолютно нищим. Кроме красоты ёлочной ещё и экономит рубля три, а по старым — тридцать, как раз на поллитровку хватит, чтобы с мужиками на работе отметить пополнение мужского населения в семье. А пешком — ещё 15 копеек в кармане останется. Это на закуску. А уж ёлочка — больно хороша. Подумаешь, на одну меньше будет на площади. Весной горзеленхоз привезёт из леса новую и восполнит пробел. Так он оправдывал свои действия, понимая, что поступает не совсем хорошо, а точнее — совсем не хорошо!

Время приближалось к полуночи, в окно, где спала клюковка-дочка, заглядывала сквозь морозную мглу луна, удивляясь помыслам человеческим. Теперь можно и в путь отправляться. Дочка спит крепким сном дома, жена с сынишкой — в роддоме. И только он — добытчик — пробирается к площади, чтобы выполнить намеченное.

Мороз крепчал, да так, что, то там, то здесь раздавался треск, словно топор дровосека. Это трещали деревья в городском парке, где когда-то хоронили своих дочек и родителей купцы Рудного Алтая, прибывшие из Росии для добычи полиметаллических руд во след за открытием месторождения Герасимом Зыряновым, чьё имя до сих пор носит город. Парк по решению городских властей был разбит на месте первого православного кладбища. И, то и дело, гуляя по нему, горожане находили плиты, на которых были высечены слова памяти об усопших с «ятами». Всё это, услышанное ещё школьником на уроках истории, вспомнил сейчас счастливый папаша, когда остановился под одной из ёлок, в двух шагах от памятника Ильичу, возле которого его принимали в пионеры.

Вот она — его красавица, которая принесёт радость домочадцам. Присел, не особо прячась. «В такую погоду хороший хозя-

ин собаку из дома не выпустит». Начал пилить, придерживая за ствол, чтобы не опали хвоинки, ставшие хрустальными от мороза. На стук топора проходящий милицейский патруль не обратил бы внимания. А вот странный в это время суток «вжик-вжик» настояжил блюстителей порядка.

А потом всё было как в кошмарном сне: быстро, страшно и неотвратно. Утром умолял отпустить его, чтобы дочку в садик отвести, она одна под замком, жинка в роддоме с маленьким, а мать дома, в своей избушке-мазанке. Звали её к себе жить, тогда бы и квартиру дали трехкомнатную. Будь мать рядом, отвела бы его, отговорила от смертного греха. Но не хотела она заедать жизнь молодой невестке. Надёжная сыну жинка попалась, уважительная. В этом свекровь была спокойна. Зная за собой грешок — очень уж сварливая была мать, разойдётся, и сама себе не рада, а душой болеть будет. Вот и отказалась переезжать.

Конечно, матери сообщили, а уж та, не помня себя от горя, понесла его — это горе — невестке в роддом.

Суд был суров. Не помогло ничего: ни только что родившийся сын, ни положительная характеристика с работы, ни взятие на поруки горе-лесника завгаром и всем рабочим коллективом. А то, что был абсолютно трезв, только усугубило ситуацию: с пьяного что взять? А вот трезвый спланировал почти что диверсию. И пусть радуется, что на дворе не тридцать седьмой, а то бы и расстреляли. А так — всего-то семь лет... Кто дня не был на зоне, тот скажет «всего-то семь лет». Люди во все времена, попадая туда и за год ломались, а здесь — семь лет! Закон есть закон, и ничего тут не поделать. Адвокат был государственный. Жена не могла присутствовать, только что выписалась, заболела от свалившейся на неё беды, а мальчонке и трёх недель не исполнилось. Дело в суд передали быстро, а чего резину тянуть? Виноват, сам признался: ёлочку давно облюбовал, спланировал, как осуществить задуманное. Государственный обвинитель как гвоздём прибил: семь лет. И точка.

Клюковка-дочка в школу пошла, мальчонка с бабкой сидел, пока мать работала на стройке штукатуром-маляром. И все ждали кормильца с зоны. А тот терпел издевательства и пытки урок не более трёх лет. А потом он — рабочая косточка — дал отпор, да такой, что к первым семи ещё три добавили, а потом и ещё пять... Вот тогда свекровь и сказала невестке: не жди ты его доченька, видать ему на роду написана такая планида — до конца жизни зону топтать, а мне — оплакивать живого сына. Я заметила: на тебя заглядывается вдовый сосед. Сделает предложение — не отказы-

вайся. Человек он самостоятельный, иначе бы троих своих детей не поднял после смерти жены. А они были мал-мала меньше, когда в его дом беда постучалась...

Была я в этой семье, спустя восемь лет, переписчицей во время переписи населения в январе 1979 года. Тогда хозяин ещё второй срок отбывал. О вдовце ещё речь не заходила, и свекровь ещё в силе была. Но на жену Любушку страшно было смотреть: раздавленная, потерянная какая-то. У неё всё из рук валилось. Муж, хоть и на зоне, был в квартире прописан. И мальчонка, как только услышал в разговоре имя отца, взял со стола его фотографию и стал целовать стекло. А клюковка-дочка бочком-бочком и ушла в свою комнату-темнушку, переделанную из кладовой, словно получила «двойку» за невыполненный урок.

...Мне добавить больше нечего. Как сложилась их жизнь в дальнейшем? Не знаю. Может быть, моё безрадостное повествование остановит кого-нибудь от необдуманного шага.

Удивительные – рядом

Лежала я в стационаре, тогда ещё впервые оказалась нетрудоспособной. И мир для меня померк, и небо казалось «с овчинку». А за окном май-шаловник птичьей трелью наябывал. И такая пакость была на душе...

В 5 утра открывается дверь в палате поселковой больницы, видевшей рожениц первой половины XX века. «Ещё не всё потеряно, Родина верит в меня», — усмехнулась я с иронией на шестом десятке лет, когда получила распределение на койка-место именно в эту палату. Я в ней была старожилом. Но 1 мая рано утром вошла женщина лет семидесяти по-хозяйски, словно она здесь провела ни один десяток лет (как потом выяснилось — верно, в качестве сестры-хозяйки больницы) и в то же время вся её фигура выражала крайнюю степень смущения, что своим приходом беспокоит больных, отрывает от утреннего, так всегда сладкого, сна. Но какой уж здесь сон, когда солнце в окно бьёт прямыми лучами, а из головы не выходят слова-наставления, сказанные накануне больной матерью дочери во время посещения. «Люди уже огороды вспахали, картошку посадили, грядки сделали. А я лежу здесь, огород зарастает, и вам дела нет». Тем более комичными были эти укоры для сибирского первомайского утра. У меня мысли в голове: как выйти с наименьшими потерями из сложившейся ситуации, усмирить боль, а здесь бабулечка придумала себе страдания в то время, когда с северной стороны огородов ещё сугробы дотаива-

ют, а трактора если и будут пахать, то непременно увязнут плугом в весенней жиже огорода.

А тут свежий человек «с воли». Всё развлечение: разговоры, запись новых рецептов для полного выздоровления не зависимо от возраста и диагноза. Учитывая особенность моего положения — в посёлке шести тысячнике проживаю с мужем четырнадцатый год, работаю в школе, муж и сестра — на градообразующем предприятии трудятся, мы знаем практически всех: и детей, и взрослых, и нас — не меньшее количество поселковых. Но «свежую» больную я не могла вспомнить.

Позже узнали, что наше знакомство «на короткой ноге» через родственников, созидающих на одном предприятии.

Раиса Григорьевна, «наша новенькая» — при ближайшем знакомстве оказалась замечательным жизнеутверждающим человеком со своими болями и страданиями, которые самоотверженно прятала за оптимизмом и самоиронией. Лёгкость, с которой она повествовала о своём житье-бытье, настолько очевидна, что на время забываются собственные болевые ощущения. Как говаривал мой покойный папа о таких людях: «Если в окопе есть солдатик с таким характером — победное наступление в бою обеспечено». А уж как такие оптимисты необходимы в критических ситуациях мирной жизни!

Я, слушая её рассказы о послевоенной юности, словно проживала «сороковые-роковые», которые и в глубоком тылу были с «тоской и болью пополам». А с каким трепетом вещала Раиса Григорьевна о своей школьной и, как оказалась, единственной на всю жизнь, любви — Владимире. Он ростом выше всех был уже в школе, но выделялся в классе и самыми высокими показателями в учебе. И чтобы не мешал ни ростом, ни шалостями впереди сидящим, его место в классе было «на камчатке».

Что такое «камчатка» — современное поколение пехт-ов и facebook-ов не догадывается, как, впрочем, и с географией, судя по ситуации в образовании страны, далеко не все тинэйджеры дружат. А я-то помню, что у нас в классе эти «неприкасаемые» места отводились «почётным» много-годникам. Так, в третьем классе нас дожидался тринадцатилетний «мирофанушка», который занял эту самую «камчатку», откуда весь год обстреливал нас из трубочки овсом, так как мать у него работала конюхом в продснабе. Мой затылок до сих пор помнит боль овсяных пуль. Мы по окончании учебного года, расстрелянные старшим товарищем, пошли дальше грызть «гранит науки», а он остался с радостью поджидать «племя

младое, незнакомое», уже заранее подводя их под расстрельную статью.

Вот такую «камчатку» занимал Владимир (сейчас Антонович) первый ученик школы послевоенного выпускного, то есть, абсолютный отличник, балагур и весельчак, душа компании, ростом под два метра.

— На выпускном вечере наша классная руководительница выразила надежду, что наше увлечение друг другом на всю жизнь. И мы её не подвели, — с гордостью, радостью и грустью о скоротечности времени, одновременно, вещала Раиса Григорьевна.

А совсем недавно моя сестра встретила Раису Григорьевну на улице в страшный гололёд. Та — больная, семидесятипятилетняя женщина, имеющая в своём анамнезе богатый послужной список всех мыслимых и немыслимых болезней двух последних столетий — сказала сестре: «Знаешь, Зиночка, я сейчас переходила проезжую часть, поскользнулась и ...вспорхнула».

На нашем бытовом языке — упала, грохнулась, завалилась на бок. Да — как угодно.

В этом «вспорхнула» вся Раиса Григорьевна со своими мыслями, желаниями, чаяниями.

Здоровья Вам, уважаемая, долгие лета. А мудрости, юмора и оптимизма Вам — не занимать!

Чудо из детства

(Быль)

Когда поколение военного времени говорит о том, насколько трудно им жилось в годы войны, у меня есть на это неоспоримый контраргумент. В те сороковые-роковые наш народ жил надеждой приближающейся победы над внешним врагом-иноземцем. А в шальные девяностые непонятно, где враг, кто он, как его одолеть и когда наступит победа? Длилась эта война не 4-5 лет, а и сейчас живём, словно на пороховой бочке.

В самом начале девяностых это было в новинку. Народ был полон надежд на скорое улучшение жизни. Но, «желудок – враг, добра не помнит». Особенно это касается детей. Как объяснить двухлетнему сыну то, что папе не досталось сегодня детское питание в магазине, хотя он – папа – занял очередь, как всегда перед своей основной работой в четыре часа утра. Должность у папы не маленькая, творческая – главреж республиканского театра...

А что может ответить мать своим дочерям, когда те, приходя из школы, утверждают, что их одноклассницы рассказывают,

если ночью оставленный на столике кусочек хлеба и воду в стакане попробует добрая фея, тогда она в знак благодарности дарит детям конфеты и другие сладости. Мать пыталась детей разубедить в этом, понимая, что её девочкам очень хочется сладостей, о существовании которых даже магазинные полки стали забывать.

Но случилось чудо. Друзья из Германии через Красный крест передали посылку со всевозможными сладостями килограммов на пять-шесть. Там были невиданные для того времени гостинцы: и арахис в сахарной глазури, и жевательная конфета «Mamba», и многое другое, что для советского потребителя казалось фантастикой. Конечно же, и шоколад всевозможных видов. На семейном совете было решено, о посылке умолчать с целью, поддержать сказку о доброй фее.

Сказано – сделано. Для дочерей – это эксперимент:

— Попробуем, дочки, и мы угостить добрую фею, авось и вам она гостинец оставит...

Следующее утро в семье началось с радостного возгласа:

— Есть, есть!!! И для нас гостинец принесла добрая фея, не только нам, трём сёстрам, но и нашему брату конфетка достанется.

И так каждое последующее утро. А для доказательства достоверности происходящего одноклассникам в школу приносили фантики от конфет, конфет, которые были изготовлены и присланы из самой Германии. Значит и фантики произведены в Германии. Таких, жители Городка прежде и не видывали. Значит, есть добрая фея!

Со временем аппетиты сестёр возросли. В одно воскресное утро средняя из них поделилась с матерью заветной мечтой:

— Мама, а не попросить ли нам у доброй феи куклу Барби. Девочки в нашем классе, у кого папы за границей работали, говорят, что есть такая кукла. Может быть, и нам добрая фея вместо конфет хотя бы одну куклу на троих подарит?

Здесь уже мама прибегла к тонкому дипломатическому ходу, тем более, что гостинцы из Германии заканчивались. Наступил как раз такой случай, чтобы начатую взрослыми игру подвести к логическому завершению без травмы детской психики.

— Знаешь, дочка, вам добрая фея долгое время гостинцы приносит, а кто-то даже вкус конфет забыл, а может быть и не знал с рождения. Поэтому, я думаю, сегодня надо поблагодарить волшебницу за гостинцы и попросить её угостить других девочек. Будет несправедливо, если вам и гостинцы, и кукла Барби, а другим ничего.

Ох, уж это главное в семье слово «справедливость», которое их всегда держало на грани нищеты, особенно в те тяжёлые годы. На том и порешили. С оставшимися гостинцами родители поступили, как и прежде: в полночь, чтобы дочери не заметили, отец зашёл в спальню, отломил кусочек хлеба, прожевал его и запил водой из стакана. Вышел на цыпочках, наступая на только ему известные, не скрипучие половицы пола.

Сладкий праздник для девочек закончился. Одноклассникам было объявлено, что теперь и к ним должна прийти добрая фея, надо только просить её об этом и ждать...

Прошло с тех пор более десяти лет. Две старшие дочери были студентками, и младшая заканчивала школу. Как-то за вечерним чаем родители стали делиться с ними воспоминаниями о сложностях жизни в первые годы перестройки, и раскрыли тайну Доброй феи. Великое разочарование сестёр читалось в их глазах. А старшая с горечью воскликнула:

— Вот ещё одним чудом из детства в моей жизни стало меньше!..

Решение национального вопроса *(из цикла «Мои соседи»)*

Нюра-разведёнка вышла замуж за холостяка, на четыре года моложе себя, крымского татарина Вислана, а на русский манер — Виктора, да так и прожила с ним долготерпеливую горькую женскую долю до последнего его дыхания. Муж был крут характером.

— И как это он согласился на столь невыгодную партию, когда в округе девок пруд пруди: одна другой краше, — мыли зубы соседки.

Всей красоты у Нюры — большая русая коса, такой редкой длины (ниже колен) и толщины, что только муж и мог обхватить её двумя руками. Но изъян больно велик: сынок от первого брака. Вот за этот изъян и поколачивал Нюру муж, да так, что после сам же водил её к местному костоправу голову на место ставить, а от тяжёлой работы по дому живот править.

Если ведра для носки воды — то обязательно пятнадцатилитровые.

— Зачем ноги понапрасну бить с десятилитровыми, — словно заботясь о Нюре рассуждал хозяин.

И носила женщина, ростом метр пятьдесят, довольно хрупкая в кости, по тридцать литров воды за одну ходку и для хозяйских

нужд, в том числе на стирку, и для полива огорода. Все соседи уже обзавелись шлангами и пользовались в огородах водопроводом, а в семье Куваевых все, кроме хозяина, были подвержены трудотерапии словно водовозы. Цинковые вёдра непомерной ёмкости как-то незаметно от матери к старшему от второго брака, двенадцатилетнему сыну Рифкату перешли. Соседи, завидев, как от водоколонки к огороду он несётся почти бегом, прогибаясь под тяжестью тридцати килограммов воды, не на коромысле, а в руках, шатаясь, словно стебелёк ковыля на ветру, напевали себе под нос:

— Удивительный вопрос — сколько я воды принёс, ещё сколько принесу, пока ноги протяну.

— А *чаво*, пусть к трудовой жизни привыкают, — бывало отвечал отец на сетования соседей о том, что его ребятишки «пуп надрывают», — вырастут, ещё спасибо скажут.

Нюрин сынок от первого брака утонул в местном водоёме, прожив всего-то десять лет. Забрал его господь. «А то с таким-то отчимом намучился бы парень! — рассудили соседи.

В семье было наложено табу на воспоминания о пасынке, тем более, что своих уже к тому времени трое было: два парнишки и девчонка.

Любили Куваевы по воскресеньям собираться за столом с соседями, да так гульнуть, что тёщенька нарезала по двору круги, приговаривая:

— Ой, что будет, что будет!? Ведь побьёт Виктор опять Нюру-то.

И как в воду глядела. Крик, шум, скандал, драка... Наутро Нюра с синяком под глазом шла на работу. А вечером бегом домой, к приходу мужа ужин приготовить, с устатку стопочку самогонки подать, которую они знатно гнали.

Жизнь во второй половине шестидесятых в стране была радостной, весёлой — всё-таки упорно коммунизм строили. Но наряду с этим, где-то и голодной, и суровой. Конфеты — по праздникам, мясо — «вприглядку». А выпить-то советскому человеку всегда хочется натурально, вот и выкручивались, как могли. Если не устраивала крепость браги, гнали самогон. Гнали все: кто к большим праздникам, а кто и на каждый день. Зимой было проще. Не надо носить тяжёлые вёдра воды для охлаждения змеевика, достаточно снег набрать во дворе, благо его в зимнее время в предгорьях Рудного Алтая до трёх метров выпадало. Он и легче, и эффективнее.

Соседи Куваевых зимой в подполье держали куриц, и вместо воды им каждый день по большому тазу снега опускали. Приходит как-то домой средний из сыновей Куваевых — Серёга и говорит:

— Мамка, вот наши соседи каждый день самогонку гонят. А ещё говорят, что непьющие.

— С чего ты взял, сынок?

— Ну как же, только с работы приходят и сразу по целому тазу снега домой несут. Я да-а-авно наблюдаю за ними.

...Велико было разочарование подростка в несостоятельности своих подозрений относительно самогонварения соседей.

Любил пошутить Серёга. Зная, как родители волнуются за его целомудрие перед призывом в армию, заходит он как-то домой: мать на кухне тесто месит, стоя спиной к двери и вытирает слёзы — кровиночки два года дома не будет, отец, вернувшись с работы, в чёрных сатиновых семейных трусах отдыхает на диване в дальней комнате. А наш шутник, оценив обстановку, говорит громко и торжественно:

Мама, папа, знакомьтесь, это моя кызымочка Маруся, — и выдвигает перед собой своего закадычного друга-одноклассника Борьку.

Немая сцена «не ждали»: мать будущего солдата боится повернуть голову, оттягивает страшный момент — увидеть невестку, при этом лихорадочно вычисляя — кто же это может быть из ближайших казашек -знакомых сына. К тому же сердце так прихватило, что чуть позже вызвали фельдшерицу укол обезболивающий поставить. Отец через мгновение появляется в проёме двери в «форме одежды №1» — по армейским стандартам, размахивает руками и кричит:

— Какая ещё Маруся, мать-пере-мать, а вдруг тебя в армии убьют, куда мы её денем?!

Поняв, что это розыгрыш, он как стоял, так и сел на порог. Поднимали его потом всем семейством и с Борькиной помощью.

Не смотря на свою национальную принадлежность, любил Виктор поросятинку за обеденным столом отведать, но, похоже, с ещё большим трепетом выращивал поросят от месячного возраста до годовалого. Бывало, и моет их, и спинку чешет, и вкусовые пристрастия каждого последующего питомца изучает. Но приходит пора, он берёт нож и без сантиментов выполняет функцию добытчика пропитания для семьи на ближайшую зиму. Каждому своему питомцу давал новое имя. А соседи, наблюдая за его привязанностью, к имени поросёнка добавляли отчество — Викторыч. С полным именем очередного питомца случился казус. Подходит к Виктору гостя и вежливо так интересуется:

— Ну, как растёт ваш Поллитрыч?

— ???... А-а, мать-пере-мать, какой ещё Поллитрыч? ты мне наливала?!

То ли по своей тугоухости, то ли от невнятного ответа на вопрос: «Как поросёнок кличут?», но ей послышалось вместо Павел Викторович — Поллитрыч. Диалог этот случился в присутствии соседей, поэтому поросёнок Пашка так и проходил в Поллитрычах до встречи с ножом хозяина.

Онациональной принадлежности, истинном имени любителя поросятинки окружающие узнали в неординарной ситуации. После похорон тестя, отведённого обеда, женщины, помогающие по хозяйству, сидели на кухне и мирно беседовали-горевали. Перед ними на столе стоял большой таз с ещё не возвращёнными законным хозяевам рюмками, стопками и стаканами. Виктор в комнате спал. Может быть, ему что-то страшное приснилось? Вдруг он влетает на кухню с криком:

— И никакой я вам не Виктор! Татарин я, татарин!!! А зовут меня Вислан!

Распахивает окно (дело было в марте) и швыряет ёмкость вместе с содержимым на улицу. Парил таз, наполненный доверху стеклянной посудой, над дворовой площадкой, словно тарелка НЛО. Зрители, наблюдающие за этим полётом, ещё долго вспоминали о том, что до самого столкновения с землёй содержимое было в целостности и сохранности, а сам полёт проходил, словно в замедленной съёмке кино. И только перед самым столкновением с землёй таз неумолимо перевернулся, содержимое разлетелось вдребезги. Сохранились 3-4 стопки. Наблюдавшие это ребятишки потом ещё долго высказывали предположение о целостности посуды — не перевернись таз. Даже хотели опыт такой провести, но понимали, какая родительская кара их ждёт в случае провала эксперимента — они же не Вислан-Виктор.

А вердикт женщин был единодушен:

— Наверное, по тестю тоскует.

Несколько позже национальный вопрос легко и просто решил пятилетний соседский русич Митенька, играя в воскресный день с ребятишками:

— Кто какой национальности и так всем понятно: я живу в Казахстане, значит я — казах, моя бабушка Катя в России — она русская, моя тётя Ида — на Чукотке, она — чукча. А когда они приедут к нам в гости — станут казахами, как и я. А то всё спорят-спорят, кто лучше...

Проходившая мимо тётушка-апа Паруза, подивилась такому рассуждению ребёнка. Подошла, погладила его по голове и сказала:

— Вырастешь ты, *малчик*, добрым и мудрым человеком.

И не ошиблась в своём предсказании...

8 Марта

Жена, как водится в праздники, проснулась раньше всех. Она так поступала с юности, когда ранней побудкой, казалось, приближала праздник. А в зрелые годы и сейчас, взяла за правило, пока домашние спят, посидеть в тишине, созерцая на уют дома, просматривая все его уголки, отражающие чистоту, вот уже много лет поддерживаемую её Мужем. Муж ещё спал. «Заслужил Склифосовский», — подумала ласково Жена, вспоминая, сколько он трудился в преддверии праздника, готовя подарки. Так повелось в их семье, во все годы, даже самые лихие — не забывать о праздниках личных, семейных, светских, православных. Это даёт им надежду и веру в радостное будущее. Будущим у них является Старость, которая из Гостьи как-то незаметно переходит в статус Хозяйки. По убеждению Жены старость не могла быть счастливой, она может быть спокойной или глубоко несчастной. Всё зависит от того, каких детей вырастишь... Достойное продолжение себя, чтобы не стыдно было перед обществом за их поступки и поведение; либо обузой, тяжёлым бременем, которое до последнего вздоха не снять со своих плеч. С их единственным сыном Жене и Мужу повезло несказанно. И внучка подрастает — своя родная косточка. Лишь бы Бог даровал им здоровье и жизненные маршруты, не пересекающиеся с лихими людьми и бедами. Об этом Жена молится каждый день. А материнская молитва, как известно, имеет силу необыкновенную! И с Мужем повезло. Выбирали они друг друга долго. Встретились, уже разменяв третий десяток. И любимыми именами друг у друга стали Муж и Жена. Время неумолимо подбирается к жемчужной свадьбе.

Сегодня Жене вспомнились праздники детства, вернее, один из них. Это было так давно, что уже кажется, было не с ней. Но ведь было, было... Память не даёт забыть. А с возрастом, долговременная её составляющая обновляется и укрепляется, вспоминаются события в мельчайших подробностях, а зачем пришла в соседнюю комнату, или для чего открыла ящик комода, «убей — не помню».

Ранней весной учительница всем третьеклассникам дала задание: вышить крестиком салфетку для мам, с заранее утверждённым ею, учительницей, сюжетом, чтобы всё было как у всех. Этот пункт «как у всех» маниакально преследовал учительницу всю её трудовую деятельность. Стрижка у мальчиков в её классе должна быть у всех единая, «под чубчик», а остальная часть головы под

машинку. Девочки должны заплетать две косы, соединив их на затылке в одну, не зависимо от длины-густоты волос и формы головы и вплетать в косу только атласную ленту, только коричнево-шоколадного цвета, а по торжественным дням — белую атласную, хотя на дворе уже вовсю господствовали ленты капроновые, как их подрастающие модницы называли «газовые». В классе из двенадцати девочек у четырёх были роскошные густые длинные волосы, остальные, в том числе и она, имели «крысиные хвостики», но и они обязаны были придерживаться дресс кода, узаконенного учительницей. В то время дети слабо сопротивлялись, может быть, родители и роптали, но все беспрекословно подчинялись воле учительницы. Справедливости ради необходимо заметить, что знания та давала отменные. Как она этого достигала — это уже совсем другая история...

В то «восьмомартовское» рабочее утро, когда Косыгин только начал в правительстве инициировать указ о праздничном выходном дне 8 марта, третьеклассники по заданию учительницы должны были, проснувшись раньше своих матерей, подойти к их кроватям, разбудить поцелуем и поздравить с праздником, вручив выполненный накануне подарок — вышивку крестиком. Как вспоминает сегодня Жена, тогда ещё дочка, нитки у неё запутались при первых же стежках, да так, что их распутать могли только умелые материны руки. Вздохнув, мама сказала дочке, чтобы делала уроки и ложилась спать — «утро вечера мудренее», а сама, переделав все дела по хозяйству, включила ночник, чтобы свет не мешал её детям спать, и завершила так и не начавшийся шедевр детского домашнего задания дочки. О чём она думала в те минуты, так и осталось тайной. Понимала, что дочь рукоделием пошла не в неё — мать. Ей бы всё говорить и говорить, писать что-то начинает... а вот поделки, шитьё, рисунки — здесь как-то не сложилось... Тяжело вздохнув, поутюжила салфетку и положила рядом со школьной формой дочери, чтобы та не забыла взять её в школу. Утром мать к шести часам ушла на работу, а дочку к школе будила бабушка-соседка. Так было заведено. Мать знала, что днём в класс к дочери учительница приглашает всех матерей — наверное, родительское собрание будет проводить «безумная Евдокия». Отпросилась с работы для такого дела, благо работа от школы находилась в двух шагах. Все чинно расселись по местам: дети и приглашённые матери. Начался праздник. В завершение его учительница стала вызывать к доске детей по одному, чтобы они во всех подробностях рассказали гостям и одноклассникам о выполнении домашнего задания: как поздравили своих мам с

праздником, как вручили им подарки. И все выходившие к доске «как один» задание выполнили «на пять». Особенно отличился соседский мальчик.

— Я проснулся сегодня раньше мамы, достал вышитую заранее салфетку, подошёл к маме, поцеловал её спящую и сказал: «Поздравляю тебя, мамочка, с праздником!», она ответила: «Спасибо, сынок!» и пошла на работу.

В этом месте он глянул утвердительно на свою маму, а та в ответ ему кивнула согласно — «одобрямс». Часа своей публичной экзекуции дочка ждала, втянув голову в плечи. И с ужасом думала, как ей поступить: сказать как сосед и получить «пятёрку» за домашнее задание? Как же после этого смотреть маме в глаза? Прилюдно сознаться в невыполнении задания и получить «двойку» — вот это подарок к празднику! Она так и не решила, что будет говорить, когда прозвенел спасительный звонок. Следующим уроком была дополнительная арифметика, и матерей отпустили для продолжения созидательного труда. А дочка потом была в догадках: как её сосед так рано смог проснуться, если их матери работали в одной смене, и просыпались не позднее пяти часов утра. А, может быть, он с вечера не спал? История об этом умалчивает...

Про тот праздник вскоре все забыли, а дочка через год срисовала рисунок с открытки, подписала его. После уроков, в ожидании мамы с работы, перемыла всю посуду, выхлопала половики, вымыла полы, протёрла каждый листок на китайской розе — семейной гордости. А вечером, после ужина, бочком подошла к маме, и робко сказав: «Это тебе», протянула ей рисунок. Этот подарок мама бережно хранила все годы. Похоже, он для неё был самым дорогим и настоящим подарком.

Так в воспоминаниях Жена не заметила, как утренние часы пролетели. Вот уже и Муж проснулся, подошёл с цветами. Впереди долгий праздничный день с чередой поздравлений и подарков. Но тот далёкий день 8 Марта она вспоминает каждую весну.

Нина Капустина

Родилась в селе Манжерок в 1948 году, окончила Манжерокскую 8-летнюю школу и поступила учиться в Горно-Алтайское педучилище. По распределению уехала работать в Залесовский район, с. Ново-Глушинка. Большая часть жизни связана с Манжероком. В Манжероке работала на мебельной фабрике, в Доме культуры, школе и библиотеке. В 2006 году вышел первый сборник стихов «Разноцветье». Печаталась в альманахах, в местных СМИ.

* * *

*Ночь сочится сквозь пальцы каплями,
Монотонно стучат часы.
Я в своём ожидании заперта,
И метель замела следы.*

*Замела, занесла, запорошила,
Заморозила душу в лёд.
Было что-то когда-то хорошее,
Ветер ставнями глухо бьёт.*

*Было что-то когда-то, иль не было,
Может это мираж в ночи.
Наконец-то, рассвет белым лебедем,
Мне тихонько в окно стучит.*

* * *

*Тёмная ночь опустилась на крыши,
День суетливый стал прошлым уже.
Ты меня слышишь или не слышишь,
Где ты витаешь, в каком вираже?*

*Ветер в окно постучался несмело,
Лаёт собака вдали у реки,
В сумрачном небе звезда пролетела...
Всё это было в спиральном витке.*

*И звездопад, тишина, одиночество,
Это знакомо, как будто вчера.
Снова судьба грусть-тоску напрогнала,
Но лишь до завтра, лишь до утра.*

*Мне лето говорит: — « Прощай»
А осень: «Здравствуй».
Её художник невзначай,
Леса раскрасил.*

*А завтра осень прочь уйдёт,
— Зима настанет.
Морозы, снег и даже лёд,
Весной растают.*

*Весна сменяет холода,
И всё незримо.
Вот так проносятся года
— Экспрессом мимо.*

*Когда-то черный цвет волос,
Сменил окраску.
О чём мечталось не сбылось,
Но жизнь прекрасна!*

*Жизнь такова, — ты мне сказал,
У каждого есть свой вокзал.
Но, на вокзале, все похожи.
Быть может ты — вон тот прохожий.
А может ты ещё в пути,
И как теперь тебя найти!?
А может, поезд не пришёл,
Иль ты попутчицу нашёл?
Кто мне поможет и подскажет,
И краткий путь к тебе укажет!?
Чтоб был у нас один вокзал,
Не два — как ты тогда сказал.*

Скользила звездным шлейфом ночь на плечи

*Скользила звездным шлейфом ночь на плечи,
Мурлыкала на ушко черной кошкой,
И уводила сны ветрам на встречу,
Шурша пушистым снегом за окошком.*

*В бездонном море ярких ощущений,
Где чувства замерли на самых звонких нотах,
Гуляка-ветер собирал мгновения
Страстей хмельных, всем раздавал охотно...*

*Вибрирует душа на струнах ночи,
Сплетает звезды вязью тонкой нитки,
И возвращаться в сны она не хочет...,
А где то вдалеке рыдает скрипка...*

Друзьям

*Солнце в лужах!
Брызги! Лето!
Тонкий аромат цветов!
От рассвета до рассвета
Песня звонкая сверчков.
Зачерпну в ладошки солнце,
Раздарю его друзьям,
До последнего,
До донца...
Благоденствия всем вам...!!!*

Все дальше от тебя

*Все дальше от тебя
Меня уносит поезд.
Мелькают города,
Пейзажи за окном.
Дыханье сентября...
Вот и настала осень,
А с ней и холода!
Тепла уже не ждем...*

*Под перестук колес
Ритм сердце отбивает,
И болью отзывается
В мелькании берез.
Ты далеко...! Ты ждешь...!
Но всё всегда кончается,
А поезд, изгибаясь,
Все чертит свой вопрос...*

*Когда наступит день,
И мы с тобой увидимся?
Когда? И только тень
Общенья в сети...
На радиоволнах
Эмоции не видимы,
И небо плачет брызгами
Холодных слез, за нас...*

Оксана Хлопотова

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Хлопотова Оксана Александровна, родилась 23 февраля 1971 г. в п. Многоозерный Троицкого района, Алтайского края (Боровлянский Государственный заказник) в семье лесника и кондитера. Там же пошла в школу, в 1980 году семья переехала в с.Эликманар, где я окончила Эликманарскую среднюю школу. В 1991 году окончила Барнаульский строительный техникум, по специальности архитектура.

В настоящее время живу в с.Манжерок, Майминского района. У меня двое детей — девочка и мальчик. Люблю жизнь во всех её проявлениях. Несмотря на грусть в стихах, я — жизнерадостный, веселый человек.

Осень, в небе молоко...

Осень, в небе молоко...
Хрусталем покрылись лужи,
Даже если далеко,
Ты мне очень — очень нужен.
Даже, если никогда
Не увидим мы друг друга,
Мой апостол без креста,
Я — твоя святая мука.
Мне с тобой всегда тепло,
И душа с тобой светлеет,
Мне казалось — отмерло,
Оказалось — ещё тлеет.
И тебе хранить тот свет,
Что в душе моей таится,
В жизни, хочешь или нет,
Ничего не повторится!

Окна в доме моём...

Окна в доме моем, как глаза у детей,
что обижены,
Наполняются грустью и холодной,
слепой немотой.
Я сегодня одна, мои волосы нынче
не стрижены,
И совсем нет нужды, мне сегодня
следить за собой.
Окна в доме моём ловят взгляд мой,
больной, неприкаянный...
Окна смотрят в меня из под спущенных
век-занавес.
Я ж в окошки гляжу и боюсь наглядеться
нечаянно,
На большую луну и заснеженный
в сумраке лес.

Я напишу еще не раз

*Я напишу еще не раз
О том, что дождь стучит в окошки,
О том, что детские ладошки
Дороже всех других в сто раз.
Я напишу еще не раз,
Что листья в небыль улетают,
И что снежинки тихо тают
На уголках любимых глаз,
Что безнадега и метель
Давно уж лучшие подруги,
Что не гожусь тебе в супруги,
И что простужена постель,
Что в белой драме простыней,
Души надежда притаилась,
Что я тебе, возможно, снилась,
Что всех невзгод любовь сильнее.
Я напишу еще не раз,
Что наказуема беспечность,
И боль, оброненная в вечность,
Опять страдать заставит нас.
Я напишу еще не раз...*

Мы венчались не в церкви...

*Мы венчались не в церкви и не в загсе венчались.
Нас венчали разлуки, нас венчали печали.
Не хотелось мириться с беспощадностью прозы,
Нас венчали метели и осенние грозы.*

*Нас не только венчали, нас еще и судили,
И синонимом «слезы» — слово «радости» были,
И с любовью своею, мы носились по кругу,
Доверяя печалям и не веря друг другу.*

*Мы венчались не в церкви и не в загсе венчались,
Наши судьбы, как лодки над водою качались,
И, боясь окунуться в ледяное пространство,
Воспевали разлуку за ее постоянство.*

*У нас не было в жизни не дворцов и не замков,
Лишь молчание лиры, да свеча без огарков,
Мы в глаза не глядели, как в бездонное небо,
И не ведали сами толи быть, толи небыль.
Мы венчались не в церкви...*

Не живи во мне обида...

Не живи во мне обида,
Не живи во мне,
Я отдам тебя рябине,
Что стоит в воде.
Пусть грустит о том,
Что лодку с милым унесло,
Пусть грустит о том,
Что сердце болью поросло.
Не живи во мне обида,
Не живи во мне.
Я спою тебе сегодня
Песню о любви,
Я спою тебе о солнце,
В отблесках зари,
Я спою сегодня песню,
О своей любви.
Я спою тебе о зорях,
Зорях за рекой,
Что порою забирают,
Твой и мой покой.
Не живи во мне обида,
Не живи во мне,
Я пою сегодня песню,
О своей любви!!!

Окликнула тебя...

Окликнула тебя как будто осень,
Посеребрила инеем вихры,
И солнечного зайчика на проседь,
Накинула для пущей красоты.
Глаза, что были омут сине-серый,
Теперь мельчают и уже не те,
Теперь в них стало как-то меньше веры,
И места нет несбыточной мечте.
И все-таки в преддверье расставанья,
Они зовут, и я в них вновь тону,
И вопреки моим на то желаньям,
Еще пленяют не меня одну.
Но не оттаает больше взгляда просинь,
И никого, как прежде, не любя,
Ты обнимаешь эту злую осень,
Которая украсила тебя.

Мама говорила...

Я не верю звездам. Ни тепла, ни света,
От такой желанной некогда звезды.
Мама говорила: «Дочь, не верь приметам,
коль звезда упала, счастья не проси.
Счастье, что на небе, миг звездой вечерней
закатиться может, счастье на земле,
Счастье, если к солнцу выбился подснежник.
Счастье, если люди, тянутся к тебе...
И не верь, ты звездам, все они прекрасны,
Как мечты пустые так же далеки,
Ты сейчас, родная, хмуришься напрасно,
И дороги к счастью, не всегда легки».
Я не верю звездам. Ни тепла, ни света,
От такой желанной некогда звезды.
Мама говорила: «Дочь, не верь приметам,
для родных и близких счастье — это ты!»

Как жаль...

*Чего хочу я и зачем гонюсь?
Куда летит моя судьба-блудница?
Наверно снова я ей покорюсь,
А жаль, что не она мне покорится.
Как жаль, что весны очень коротки.
Как жаль, что годы очень быстротечны,
И легкие касания руки,
Как зыбкие мгновения не вечны.
Как жаль что листья улетают в даль,
И терпких фраз оборванные строки
Ложатся на настольный календарь,
И остаются в нем, и одиноки,
Чего хочу я может быть тепла?
Чтоб эти строки вновь меня согрели?
Чтоб каждая дописана была?
И чтобы меньше было в них метели?
Чего хочу я, может быть весны?
Но также будут вечно одиноки
Тобою не досмотренные сны,
И мною недописанные строки.
Как жаль*

Осень

Ошалелая колдунья -
 Эта осень золотая!
Это ж надо так резвиться
Отцветая, увядая!
Это ж надо, с ног сшибая,
Собирая в небе тучи,
Умирая, упиваться
Красотой своей могучей,
Это ж надо, так резвиться,
Сотворяя, жизни праздник,
Золотым дождем укрыться,
И под ним такой быть разной,
Вот бы мне так напоследок,
Отгореть зарей вечерней,
Вот бы мне так напоследок,
Отзвенеть листвою осенней,
И рассыпаться по миру
В солнце, воздухе и свете,
Чтобы был моим любимым
Лишь осенний теплый ветер!

Лето

*Лето маковку пекло,
редким солнцем баловало,
Лето ласковым теплом
нас в макушки целовало.
Лето скошенной травой
пахло и кололо пятки,
за околицей кривой
ребятня играла в прятки.
Лето, лето, облака
в бирюзе Катунской дали
отражались, и пока
мы любили и мечтали,
Все сбывалось, и дождем
Лето падало на плечи,
Тонких нитей серебром,
Звездопадом душу лечит.
Земляничная роса,
рассыпалась на опушки,
собирали мы с тобой
земляничные веснушки...*

Летний вечер

Теплый вечер льётся в дом
Летом и теплом,
Пахнет скошенной травой,
хлебом, молоком.
Слов несказанных тома
льются из души,
Стройных строчек кутерьма,
успевай, пиши ...
Теплый вечер льётся в дом,
Солнечный закат
научил меня уже
не смотреть назад.
Будут солнце и луна,
Будут облака,
Будет двигаться вперед
Времени река.
Теплый вечер будет вновь
Литься в теплый дом,
Только может быть уже
нас не будет в нем.

Таёжный вальсок

Только филины ухают,
Да деревья шумят,
Ловят листья пожухлые
Мой потерянный взгляд.
Между нами качается
Занавеской тайга.
А за ней начинаются
заливные луга.
Только филины ухают
И пугают пока.
Им, недобрыми слухами,
Эхом вторит тайга.
Васнецовской Аленушкой
Над водой наклонюсь,
Или белой лебедушкой
В камышах затаюсь.
Только филины ухают,
да деревья шумят.
Листья падают жухлые
В мой запущенный сад.
Между нами качается
Занавеской тайга,
В ней Аленушка мается,
Одинока пока.

Сергей Дыков

Родился 13 мая 1957 года в г. Горно-Алтайске. Окончил в 1976 г. художественное училище в г. Новоалтайске Алтайского края. В 1977—1983 гг. — преподаватель истории искусств в Горно-Алтайской художественной школе; в 1978—1993 гг. — художник-постановщик республиканского драматического театра; в 1993—1996 гг. — художник-оформитель художественных мастерских № 17 г. Горно-Алтайска. С 1978 г. — участник областных, республиканских, всероссийских, зарубежных выставок. Персональные выставки: Санкт-Петербург (1992—1993), Новосибирск (1986, 1999), Новокузнецк (1999), Барнаул (1999). Участвовал в оформлении около 100 спектаклей и представлений, двух республиканских национальных праздников "Эл-Ойын". Член Союза художников России, член Союза театральных деятелей России. С 2000 г. был председателем правления Союза художников Республики Алтай. Заслуженный художник РФ.

Четверостишия

*Опуская лицо, вспоминаешь
Позабывшие в спешке слова –
Их вдали едва различаешь,
Как туманные острова.*

*Это музыка, словно ветер,
Заставляет струны звучать...
И слова, что в душе сокрыты,
Остается лишь записать.*

*Все стирается, все забывается,
Но живет в непроглядной темени,
Будто чувствует, что случается
Возвращение прежнего времени...*

*Нет новостей – и нет движения,
Не говоря уже о смысле...
Ты мертв, коль стали предсказуемы
Слова, движения и мысли.*

*Лапа ели качнулась –
Это птица взлетела...
Мысль, со словом сливаясь,
Обрела свое тело.*

*Тяжесть денег и ярма –
Все на свете дождик смоем...
Дорога лишь жизнь сама –
Та, что ничего не стоит.*

*Лишь любви дано продлиться
В бесконечном времени –
Без узды и без колес,
Без седла и стремени...*

Колыбельная Тихого Ветра

Где-то там,
Не скажу, чтобы это было
Далеко – далеко,
Где-то здесь,
Не скажу, чтобы это было
Близко – близко,
В широких ветвях кедра,
Стоящего на берегу
Серебряно-светлого озера,
Как два крыла
Золотой кукушки,
Сложившей крылья в покое,
Не знающем сна и яви,
Обнявшись, уснули
Мужчина и женщина –
Уснули, спят
Утомленные
Любовной своей работой...
Окутано все туманом...
Молочное озеро неба
Роняет жемчужную каплю
На двух безмятежно спящих –
Росинку будущей жизни, -
Пылинку небесного света –
Иголку небесного кедра –
Цветок, что осветит их души,
Невидимый, но живой...
Помедли, рассвет, подожди,
Влюбленным дай отоспаться...
Помедли туман, не спеши
Над тайной двоих рассыпаться...
Коль встретились в мире они,
Дай бог им не расставаться...

Осенние листья

*Осенние листья,
Срываясь с ветвей,
Кружат,
Падают на землю.
Осенние птицы,
Срываясь с места,
Кружат,
Улетают вдаль.
Осенние воды
Журчат
Как будто тише,
Кружат,
Убегая далеко.
В саду осеннем
Сидит
Десятилетний
Отшельник:
В ушах –
Наушники плеера,
В руках –
Мобильник...
В глазах его
Широко раскрытых
Отражается тихий
Осенний день...*

Солнечный зайчик

*Солнечный зайчик
На зеркале.
(Стертая амальгама.)*

*Огонь и Веретено.
(Пряжа, пепел седой.)*

*Несостоявшийся брак.
(Камни на горной вершине.)*

*Мох, зеленый и свежий.
(Ты ожидала меня.)*

*Ветер и тихая ива.
(Письма нетленные наши.)*

По мотивам индийской поэзии

*Поэты
Зеленого лета...
Поющие
В жаркие дни –
В траве, запутанной,
Дикой...
Поющие
В сумерках теплых
Из недр
Сплетенных
Растений,
Поющие
При Луне –
Прозрачные
Лунные гимны...
Созвучия ваши
Затихнут...
И тут же —
Кончится
Лето.*

*Его рисовать учили –
И стал он
Как зеркало верным.
Скупали его отражения
И вешали в рамках
На стены.
Шло время –
И зеркало меркло,
А вместе с тем
Отраженья...
У зеркала без оправы
Внутри угасало сердце,
И сон застилал*

Амальгаму...
Работа была как работа –
Но в ней не хватало чего-то...

С рассветом
Душа наполняется светом.
Восход –
Это сердца светящийся восход.
В небесах – дуги-брови
И приветливая улыбка.
Это – День.
Я кричу ему: «Здравствуй!»
Он без слов отвечает:
«И ты – будь здоров!».
Я сквозь время иду –
И День постоянно со мною,
Он меня обгоняет,
Даже в мыслях,
На несколько верст.
Завтра утром
Постараюсь проснуться до света –
По наивности, свойственной мне.
Все же День – это свет.
Он всегда просыпается первым.

Дождливая ночь в изголовье,
Дождливая ночь – мы побеги твои.
Земля и Небо едины любовью –
Формой и цветом любви.

Куда мы плыли по темным руслам,
Вниз или вверх – инстинкта птенцы...
В огне и холоде, восторге и грусти
Над нами качались Луны венцы.

*В черной заводи красные рыбы
Бешено кружат над синим дном...
Мы вместе ворочаем времени глыбы –
Над бездной строим минутный дом.*

*Я лежу в траве –
На концах травинок – Небо.
Я сижу у реки –
Шевелит мои волосы – Небо.
Я поднимаюсь в гору –
И Небо поднимается вместе со мной...*

*Шумно упало дерево
В высокую траву.
Я спрятал лицо
В твоих волосах.*

*В незнакомом городе,
На окраине,
Я поднимаю с обочины камень.
В нем проступают
Человеческие черты –
Я возьму его с собой...
Ведь здесь нет у меня знакомых,
Кроме тишины,
Окружающей меня.*

*Порой незнакомый запах
Пробежит по крыльям ноздрей
Быстро, как муравей –
И – вспомнится многое...*

На желтых лодочках листьев
Вниз по реке уплывает осень.
А запоздавшие листья
Схватит ночью
Тонкий ледок.

Никто не придет,
Никто не придет...
Лишь вечер
Скучающий день
Подожжет.

В стакане вода,
Вечереет вода,
Устало спокойна –
Как ты иногда...

Ни знака, ни птицы,
Уныния гнет...
Никто не придет,
Уже не придет.

Строки у источника

- * После пятидесяти нужно почаще смотреть в небо. Трудно, но нужно...
- * Идя к источнику, слышишь, как в пустой, казалось бы, канистре, плещется вода... . Так иногда и человек, бывает, выжмут его досуха, но где-то в уголках плещется незримая, тайная сила...
- * Пустой сосуд – пустое самомнение, но его влечет к чему-то...
- * Как кричит вода, наполняя емкость!
- * Что мне дает пустое небо? И что – безвкусная вода? Но ведь без них мне – никуда...
- * Как говорлив, доволен наполняемый сосуд – а как уныло выглядел пустым...
- * Слушая воду – чужой, непонятный язык, учишься понимать себя... . О чем он плещет?
- * Поднимись к небу – увидишь воду, опустишь к реке – увидишь небеса.
- * Кажется, утром вода поет, днем говорит, а вечером – плачет.
- * Дождь падает в лужу – беседа двух вод...
- * Странное слово – вое-вода ...

Капли дождя на сухом песке
(*клочки старой рукописи*)

- * Раньше люди жили, изменяясь вместе со временами года, ныне люди неизменно противостоят природе – поэтому она стала непредсказуемой и хаотичной.
- * Если люди, которые не приходят и не уходят. Происхождение их неизвестно, будущее их темно. Они растут как трава и поколение, сменяясь, очень похоже на предыдущее. Они были в древности, они будут всегда.
- * Лишь некоторые успевают пробудиться, остальные же – так и проспят всю свою жизнь...
- * Один плетет паутину, чтобы поймать другого, другой, чтобы построить на паутине дом, третий хочет с помощью паутины улететь под небеса... В замыслах одно на другое громоздится хаотично, результат также являет собой приблизительную гармонию.
- * Сидеть на высокой горе, и куря трубку, поплеывая, смотреть вниз – торжество праздности и беспредельной свободы.
- * Кажется, что все вещи неподвижны, на самом деле они находятся в пути...
- * Оставайся на месте, и все чудеса мира войдут к тебе...
- * Есть реки, для которых не нужны слова, есть письма, для которых не нужны ни буквы, ни знаки...
- * Пытался ли кто запечатлеть бесконечное в мгновенном?
- * Среди сумасшедших встречаются мудрецы, но не все мудрецы сумасшедшие.
- * Современному человеку нужен не человек, а обстановка.
- * Великие труды прилагаются для того, чтобы стать по-настоящему полезными...
- * Видишь ли, сынок, ты видишь бога немного иначе, чем я...

- * Где та Долина Молчания, из которой выросли все голоса мира?
- * Как бы далеко не путешествовал ты во сне – проснешься в сетях...
- * Действительно, иногда полезнее разговаривать с мертвыми, чем с живыми.
- * Можем ли мы сказать, что приклад – корень ружья, а плод его – пуля?
Или можем сказать, что человек – корень ружья, а цель – его плод?
- * Ни стар, ни мал; ни палец, ни фалл...
- * Речь и журчание воды, и птичий щебет, и шарканье метлы, и свист ветра... Ни записать, ни запомнить, ни продлить, ни прекратить...
- * Что мой голос у водопада, который так мощно звучит?
- * Вещи не поют, но сочетанием своим составляют гармонию.
- * Где кончается огонь и начинается вода?
- * В знании ценнее всего незнание, окружающее знание, как плод...
- * Если хочешь – играй мимо денег, и рассуждай мимо ушей...
- * Погоди, погоди... Ты и так уже прошел мимо жизни...
- * Подумай о пище, а мысли всегда с тобой...
- * Ребенок во чреве матери спит или бодрствует? Человек во чреве сна спит или бодрствует?
- * Жить, наблюдая, как Великое Малое работает на Великое Большое.
- * Дорога, которую знаешь, уже не дорога...
- * Существует множество вещей, названия которых люди давно забыли.
Существует множество вещей, которым люди еще не дали названия.
- * Если время возвращается – это уже другое время...
- * Кто пользуется машиной, станет как машина, кто пользуется компьютером, станет как компьютер... Останется ли в мире хоть один человек, пользующийся руками?
- * Живопись, как дождь – падает с неба на землю.
- * Человек выходит из сырой пещеры и уходит в сырую пещеру.
- * Спрячь себя в себе – и станешь невидим...
- * Имеешь фамилию – тебя видят, не имеешь – тебя ищут...

- * Теряешь и обретаешь внезапно.
- * Оставаясь неподвижным, не оставляешь следов.
- * Все мы по сути флейты, но согласия в оркестре не получается.
- * Нужно ли отличать белый свет от черного?
- * Чему радоваться в этой слабой, жестокой, богом забытой стране?
Тому, что жив еще!
- * Длительные игры с зеркалом могут свести с ума.
- * Игра позволяет уйти далеко, оставаясь на месте.
- * Есть нечто, что увеличивает и уменьшает наши часы, но так, что этого мы почти не замечаем.
- * Судьба – твой двойник в небесном зеркале.
- * Зимородок, ныряющий за рыбой, превращается в рыбу; рыба, выпрыгнувшая из воды за люшкой, превращается в птицу.
- * Жизнь – вдох, смерть – выдох.
- * Живые воскрешают своих живых...
- * Мысли о непостижимости смерти отнимают много времени от размышлений о непостижимости жизни.
- * Смех как средство преодоления болезни, депрессии, смерти.
- * Выстроив одно, разрушил что-то другое.
- * Выживать, играя на острие меча, заставляет нас это время.
- * Корни — это корни земли, а ветви и листья – корни неба.
- * Очертания гор и облаков, живого и неживого, знаков и писем — космическая речь, внятная и невнятная человеку.
- * Искусство, как путешествие в неизвестное — дает небытию возможность быть.
- * Искусство не узелок на память, а записка в будущее о том, что творчество – вечно.

Ночные беседы в муравейнике
(заметки паразитолога)

- * Новое назавтра стареет. Умершие снятся время от времени. От погасших звезд через тысячи лет до Земли доходит свет. Сижу, погрузив ноги в теплый, сухой песок.
- * Лицо как лицо. А все же на всем свете нет другого такого. Глаза как глаза, и в них душа, непохожая ни на одну на свете. Случайная страсть порою пьедестал нового идеала.
- * Совесть – как походка, независимая от превратности пути. Совесть – это то, что всегда ищут, находят редко. Лицеизрение несправедливости – ожог совести.
- * В жару в тени дерева выпить холодного пива; на закате, сидя на крыльце выкурить сигарету. Выбирать слово – одно из многих. Тогда каждое мгновение расцветает цветком удовольствия над грядкой добра и зла.
- * Боже, не сделай меня таким, каким я кажусь себе в мечтах. Я насытился этим во сне, который – треть жизни.
- * Почему мы ежедневно таскаем с собой эти тяжелые, старые как мир, весы?
- * Упившись славой, плевать бахвальством. И, как в детстве погремушки, лелеют слух награды.
- * Глядя на оружие, испытываешь волнение, и предчувствие что оно уже управляет тобой.
- * Когда я начинал рисовать, не все получалось. Учение и старание – как заколдованный круг. Старайся не старайся – если не поможет нечто, не все получится.
- * Критик, как слепой с палкой, ходит – бродит, постукивая по головам художников.
- * Много художников умирает, ничего не сделавши, осыпанные дождем золотых видений.

- * Начнешь с откровенности; а потом, из жалости, где-нибудь передержишь, где-нибудь приврешь... И – пошла игра... Но потом – снова очнешься на пороге откровенности...
- * Порой кажешься себе похожим на кучу мусора, в которой кто-то ищет жемчужные зерна.
- * Взлететь над разбросанными взрывом жизни камнями и увидеть – гору.
- * Строить рай на земле в каждом отдельно огороженном регионе.
- * У древних греков в споре рождалась истина. В нынешних спорах рождаются приступы насилия.
- * Неосознанно рисуешь дерево, на которое ты похож.
- * Кадры кинопутешествия: афганский старик в пепельно-зеленой чалме, песочно-сером халате, табачного цвета выцветших штанах, туфлях цвета пыли, смуглым лицом и грязной ватой бороды, но – за ухом у него притаилась бледная роза...
- * Политика стремительно обгоняет театр и нагоняет цирк.
- * Почаще заглядывай в зеркало – может быть лицо — уже маска?
- * Ад – воображаемое действо, воплощенное в жизнь, в которой живой человек, поджаривается на вертеле мертвых законов.
- * Скандал – большой театр для маленького человека.
- * Общественное мнение меняется, как времена года.
- * Утопия – мыльный пузырь, рожденный выдохом.
- * Сейчас в мире больше рабов, чем в Египте и Риме, вместе взятых за всю их историю.
- * Будь искренним, если любишь правду.
- * И всё же, вопреки Ленину, игра в бирюльки, прекрасное и полезное занятие для развития мелкой мускулатуры пальцев...
- * Любопытны мне индийцы – на всякий жизненный случай – свое божество.
- * После первой брачной ночи – мужчина и женщина: каждый бредет своим путем...
- * Отыщи девственницу – и будь счастлив с ней до самой смерти.

- * И в новое время можно писать по старому... Даже на компьютере.
- * С утра был дуб дубом, а к вечеру станет ивой.
- * Может быть, это марсиане воруют деньги в банках и водку в магазинах?
- * Юмористы не смешны друг другу.
- * Первый акт трагедии жизни начинается с полового...
- * Подписывая чек, менее всего думают о каллиграфии.
- * Мечта художника – обеспеченная старость...
- * Ведь еще совсем недавно трезвые творцы запросто называли друг друга гениями.
- * Много смеху и горя в том, как народ признавал Пушкина.
- * Получайте такую правду, какую заказывали!
- * Кто-то умирает оттого, что искусство еще не умерло.
- * Один министр культуры не проснулся утром от того, что ночью ему приснилась «Герника» Пикассо...
- * Каким бы неудачным ни был брак, он не мешает спать спокойно...
- * Если мы отстаем от мира по количеству пьяниц, может быть обгоним его по количеству бандитов?..
- * Какие нынче все бездуховные материалы...
- * Бояться маленьких детей за то, что выросши, они отомстят нам за наши отеческие ругань и побои...
- * Авторство киллера и авторство Миллера...
- * Жизнь, я понимаю – «она»...
- * Природа хороша уже тем, что на ее лоне позволяет спокойно заниматься любовью.
- * Не вступай в противоречия с политиками – сэкономишь на таблетках.
- * Глупо писать о том, что знаешь, ничего путного не получится.
- * Седой поэт — любимый властью. Больной поэт — убитый страстью.
- * Любовь закаляет ненависть.
- * Всякая вещь или мысль отбрасывает тень страха.
- * Тонкий целитель почти всегда живет на выдохе...

- * Страх насмешек парализует волю к прекрасному.
- * Хочу в Африку. Или просто барабан!
- * Животное иногда бывает человечнее человека.
- * Каждое десятилетие просеивает человечество.
- * Прыгнуть выше сознания — то же самое, что прыгнуть в бессознательное...
- * Всего труднее — окончить еще не начатое.
- * Отбрось косметику — и ты увидишь жизнь...

Оглавление

Наталья Балабко.....	4
Валерия Тюхтенева.....	11
Борис Костин.....	20
Светлана Костина.....	22
Ольга Истомина.....	38
Вера Сибирцева.....	68
Галина Свириденко.....	77
Георгий Черных.....	96
Татьяна Константинова.....	102
Екатерина Черепанова.....	135
Мария Образцова.....	138
Мерген Челтанов.....	168
Марина Боброва (Токарева).....	189
Мария Пахорукова.....	192
Нина Капустина.....	241
Татьяна Дударева.....	243
Оксана Хлопотова.....	246
Сергей Дыков.....	257

Составитель: *Ольга Истомина*

Вёрстка и дизайн: *Александр Кобзев*

